

АВГУСТИН АНГЕЛОВ

НЕЧАЯННЫЙ ТАМПЛИЕР

Annotation

Военный пенсионер умирает и оказывается в теле молодого рыцаря-тамплиера. Сможет ли он изменить историю и защитить королевство христиан Леванта? Действие происходит на альтернативной Святой земле, где присутствует магия.

Все началось банально, с пандемии. Григорий Михайлович Родимцев подхватил ковид. Болезнь показалась ему обычной, вроде бы, простудой. Недомогание прихватило на работе. В первой половине дня он еще мог читать лекции курсантам в обычном режиме, а после обеда пришлось отменить прием зачетов у третьего курса, и со службы Родимцев отпросился. Пока добрался до квартиры, все тело уже ломило. К вечеру пропал нюх и изменился вкус, а температура тела взлетела за тридцать девять. Парацетамол помогал плохо. На следующий день начался кашель. Но, он все еще думал, что само пройдет, приговаривая, что леченая простуда проходит за семь дней, а нелеченая за неделю. Он поговорил по телефону с начальником училища и попросил отпуск за свой счет на эту самую неделю, продолжая считать, что заразился обычным ОРЗ.

Здоровье до этого редко подводило Григория Михайловича. В свои шестьдесят восемь он редко обращался к врачам. Спиртным не злоупотреблял, курить бросил, а армия дала Родимцеву неплохую закалку. В отставку он вышел подполковником. Преподавал тактику в высшем общевойсковом командном училище. Получал военную пенсию и еще зарплату. Жил в трешке в хорошем районе Петербурга, на Московском проспекте. Построил двухэтажный дачный коттедж в пятнадцати километрах от кольцевой дороги на участке в пятнадцать соток. Устроил жизнь дочке, выучив в престижном вузе и купив ей отдельную квартиру. И все было бы у Григория Михайловича хорошо, если бы не эта внезапная болезнь.

Только на пятый день, когда понял, что легче не становится, Родимцев разрешил жене вызвать врача. Сделали тест и забрали в больничку, где в «красной зоне» лежали еще много таких же бедолаг. Дышать становилось с каждым часом все тяжелее, и его подключили к аппарату ИВЛ. Умирал Григорий Михайлович нудно и трудно. Промучился около суток, в какой-то момент сердце его не выдержало и остановилось. Последовала темнота, а потом произошла яркая вспышка, и он очнулся на новом месте.

Читал Родимцев, конечно, про всяких там попаданцев. Да и про загробную жизнь с переселением душ книжки ему попадались. Но не верил он, разумеется, в такую чушь. А тут внезапно обнаружил, что очухался совсем не в больничке, а в каком-то другом месте, где было жарко, а с безоблачного неба нещадно палило солнце. И разговаривали вокруг совсем не по-русски. Но, он почему-то понимал этот язык.

— Эй, ты жив, брат Грегор? Хорошо же тебя по голове палицей приложили! Вон, весь твой шлем помялся. Я думал, что ты умер! — произнес склонившийся над ним человек, который явно не имел никакого отношения к больничным врачам. Одет он был, как реконструкторы средневековых рыцарских побоищ: белая накидка с красным крестом и стальные наплечники поверх кольчуги с длинными рукавами. Только все это одеяние покрывали свежие красные брызги, очень похожие на кровь, а на кожаной перевязи висел меч в ножнах.

Родимцев сразу понял, что лежит он на спине, глядя прямо в небо, и обращаются к нему.

— А ты кто? — выдавил из себя Григорий Михайлович, совершенно не понимая, где это он. И, к его большому удивлению, говорил он сам тоже не по-русски, а на том же наречии, напоминающем французский язык, на котором общались люди вокруг него. Голоса окружающих он слышал, но пока не видел никого, кроме того человека, что склонился к

нему.

— Ну вот, по башке от сарацина получил, и мозги отшибло? Я же Тобиан, такой же брат ордена, как и ты, да еще и твой друг. А еще меня Тобиасом называют на латинский манер, — представился незнакомец.

— Тогда помоги подняться, по-дружески, — попросил Родимцев этого странного парня. На вид тому было лет двадцать, не больше. И он был рыжим и конопатым, с голубыми глазами и носом-картошкой на круглом лице. Но здоровый малый. Ростом высок, да и в плечах широк, а руки толстые и с мощными пальцами. Настоящий богатырь.

Григорий осознал, что все симптомы его болезни куда-то делись. Не было больше ужасного чувства нехватки воздуха и даже никакого следа от одышки не осталось. Ушли и все другие неприятные проявления ковида, только теперь вместо них присутствовала сильнейшая головная боль.

Когда Тобиан поднял его за руку, и Григорий перешел из лежачего положения в сидячее, он понял, что и сам одет точно также, как и все остальные люди, собравшиеся вокруг. И это не были ни горожане, ни крестьяне. Григория окружали люди, наподобие Тобиана. На некоторых из них, поверх доспехов, присутствовали белые плащи с таким узнаваемым красным крестом ордена тамплиеров. А на эту тему прочитал он очень много книг, и не только художественных, но и научных, потому что тема всегда интересовала Родимцева, так что вряд ли мог ошибаться, рассматривая характерные кончики лапчатых крестов. Воины находились прямо на поле боя. Судя по трупам людей, облаченных в остроконечные шлемы и кольчуги, побоище произошло совсем недавно, раз кровь, лужицы которой виднелись из-под трупов, лежащих на каменистой почве, еще не запеклась. Бой происходил возле ручья.

Кто на кого напал, понять не представлялось возможным, но результат показывал, что тамплиеры победили в стычке, убив больше двадцати противников и нескольких лошадей. Еще несколько раненых животных бродили без седоков поодаль. А кони тамплиеров с характерными белыми попонами, украшенными красными крестами, жадно пили воду из ручья. Совсем рядом возле Григория лежал на спине труп загорелого человека восточной наружности. Мертвый все еще сжимал в правой руке шипастую палицу на длинной ручке, а из его трупа вертикально торчал прямой меч. Небольшой круглый щит, которым оказалась прикрыта левая рука и часть груди убитого, не помог ему. Смертельный удар мечом пришелся в основание шеи, поверх кольчуги.

«Господи, куда это я попал? Ни в ад и ни в рай, а прямо к тамплиерам, что ли?» — подумал Григорий, когда его окликнул издали незнакомый человек. Этот тоже казался высоким и мощным, только был постарше Тобиаса, наверное, лет тридцати. Выглядел он темноволосым, кареглазым и загорелым, с крупным французским носом, а поверх кольчуги имел белое одеяние без рукавов, называвшееся гербовым сюрко. К тому же, сзади у него болтался пыльный белый плащ.

— Вон, наш главный сюда идет, Рене Дюрфор, — предупредил рыжий Тобиас.

— Ты жив, Грегор? Биться сможешь? — спросил командир.

— Наверное, — пробормотал Григорий, непослушными руками пытаюсь расстегнуть ремешок и стащить со своей головы помятый шлем. Наконец-то с помощью Тобиаса это удалось. Шлем оказался в форме железной шляпы, на которой нарисовали тот самый тамплиерский крест. И эта странная шляпа выглядела изрядно помятой.

— Да, хорошо тебя приложил этот неверный, — произнес Дюрфор, подойдя ближе и

рассматривая окровавленную голову Григория. Он и сам уже ощупал свою огромную шишку слева от макушки, стянув окровавленный подшлемник, стеганный и чем-то плотно набитый. Эта деталь экипировки, похоже, и спасла жизнь Грегору в стычке.

Еще мало что понимая и плохо соображая, Григорий поднялся на ноги. Удивительно, но он мог стоять, хотя голова и кружилась. И сразу выяснилось, что ростом он оказался не ниже этих двоих, Рене и Тобиана, а за спиной у него волочился точно такой же плащ с крестом, как и у остальных.

— Вижу, что на ногах держишься, — проговорил Рене, хлопнув его по плечу своей богатырской ладонью, отчего Григорий чуть покачнулся, но не упал.

— А верхом сможешь ехать? — спросил Дюрфор.

— Наверное, — снова односложно ответил Григорий, пытаясь определить свое состояние. Прислушиваясь к себе, Родимцев обнаружил, что, несмотря на головную боль и легкое головокружение, тело его настолько полно сил, что горы свернуть хотелось. Он внезапно осознал, что не только снова молод, но и очень крепок физически. Таким сильным он еще никогда не был. Потому сам не понимал пока, что он сможет, а что — нет.

— Тогда не забудь свой меч и умойся. Выступаем, как только лошади напьются и немного отдохнут, — произнес командир.

Родимцев никогда не служил в кавалерии, но лошадей любил. Его дочка Леночка росла болезненным ребенком, потому ей прописывали иппотерапию. Она с детства привязалась к лошадям, а ему, как родителю, приходилось ездить вместе с дочкой на конные прогулки. Так что держаться в седле он умел. Но, одно дело ехать на смирной лошадке и совсем другое — управлять настоящим боевым гнедым конем, которого ему подвел полноватый и низкорослый боец с красной буквой «Г» на одеянии, изображающей неполный орденский крест. Судя по такому знаку различия, это был сержант.

— Как там тебя? — спросил Григорий.

— Я Жюслен, мессир Рокбюрн, — представился воин. А Григорий сделал вывод, что зовут его здесь Грегор Рокбюрн, и он настоящий рыцарь, а этот факт придавал некоторую уверенность. Ведь рыцари — это элита средневековых армий.

— Подскажи, как зовут моего коня? А то по голове так в бою ударили, что и забыл, — сказал Григорий.

— Его зовут Антоний, — поведал сержант. Григорий, конечно, ожидал услышать какое-нибудь заковыристое французское имя, а оно оказалось самым обыкновенным. Ну, пусть будет Антоша, раз так.

— Он поел? — поинтересовался Григорий, поглаживая высокого гнедого жеребца с мощными ногами и высокой грудью, который выглядел сильным и очень породистым. Такой стоил кучу денег в любом времени.

Жюслен кивнул, и Григорий поручил сержанту установить обратно седло и поправить упряжь. Сам же он подошел к воде и склонился над ручьем, желая смыть кровь, которая с места удара на голове тонкой струйкой потекла и по шее. В отражении на воде он впервые увидел себя в новом виде. На поверхности прозрачной воды, играющей бликами яркого солнца, отчетливо виднелся светловолосый парень с мощным торсом и молодым симпатичным лицом. «Просто сказочный принц какой-то», — подумал про себя Родимцев. Он еще не привык к своему новому положению и рассматривал самого себя пока как бы со стороны, пытаясь абстрагироваться от непривычной реальности. Тем не менее, он промыл рану на голове, оказавшуюся неопасной, потому что под пальцами чувствовалась только

большая шишка, а кровь сочилась из содранной и рассеченной кожи. Удар вражеской палицы пришелся по шлему немного вскользь, и череп не пробил.

Холодная вода немного уменьшила боль и в голове чуть прояснилось. Ополоснув голову и лицо, Григорий поднялся и, вспомнив про меч, подошел к покойнику. Родимцев за годы военной службы не раз бывал в зоне боевых действий и видел убитых людей, но вот так вытаскивать клинок из мертвого тела ему еще не приходилось. Впрочем, на войне, как на войне. И, раз в этом времени боевые действия ведутся холодным оружием, значит и ему, как человеку военному, придется приспособиться. И тут очень помогали рефлексy нового тела. Рывком выдернув меч из мертвеца, он осмотрел клинок. Металл выглядел добротным, а рукоять удобно лежала в руке. Непроизвольно Григорий пару раз крутанул оружие в воздухе. В этот момент он четко понял, что новое молодое тело, доставшееся ему так неожиданно, отлично знает, как нужно обращаться с мечом в бою. Григорий смыл водой запекшуюся кровь с кончика клинка, вытер краем плаща и убрал меч в ножны, подвешенные к поясу.

У ручья собрались десять рыцарей, значит, он был одиннадцатым. Кроме них в походе принимали участие двадцать два сержанта, которым платил жалование орден. Братьями они не являлись, а были всего лишь наемными вояками. Причем, десять рыцарей, по-видимому, были действительно бедными, оправдывая название «Орден бедных рыцарей храма Соломона». Во всяком случае, личных оруженосцев у них не имелось. Впрочем, сержанты вполне выполняли эти обязанности. Персональный оруженосец находился только при командире отряда.

— Вражеский замок совсем близко, за отрогом, — указал Рене Дюрфор на край ближайшей горной гряды, до которой было не более километра. И отряд выступил. Они обогнули горный отрог по узкой тропинке и увидели замок. Он возвышался над предгорьем, покрытым кедровым лесом. Крепость вздымалась башнями. Одинокaя, но мощная. Она напоминала руку с пятью пальцами по числу башен. Нижняя, самая толстая и короткая, расположенная рядом с воротами, походила на большой палец.

По мере приближения выяснилось, что стены укрепления разрушены, а внутри никого нет. Послав на разведку пару сержантов и убедившись, что замок покинут, рыцари начали подъем, который был довольно крутым и узким. Всадники могли проезжать перед замком только очень медленно и по одному. Сделано такое было намеренно, чтобы обстреливать поднимающихся со стен и башен, а также лить горячее масло или смолу на головы штурмующих. Тем не менее, крепость не устояла.

Мамелюки Бейбарса взяли этот замок и разрушили его, как и многие другие укрепления христиан в Святой земле. Даже твердыню ордена, замок Сафед, армия султана Египта взяла не так давно. Об этом рассказал Тобиас, когда они въехали внутрь полуразрушенного укрепления. И теперь Григорий знал, в каком времени оказался. 1266-й год. Безрадостное время для тамплиеров. Еще не совсем закат ордена, но уже начало конца христианского королевства. Иерусалим был потерян более полувека назад, еще в 1187-м году, а оборона христиан в Леванте держалась на нескольких уцелевших орденских твердынях. Более или менее нормальная жизнь оставшихся в Святой земле христиан продолжалась только на узкой полоске берега, где стояли приморские города Акра, Тир, Сидон, Триполи и Антиохия. Все остальные территории левантйских христианских владений лежали в руинах.

Из книжек Родимцев помнил, что Бейбарс осадил замок тамплиеров Сафед седьмого июля 1266-го года. Эта твердыня преграждала путь с востока к Акре, являющейся столицей христианского королевства. Три штурма выдержали воины ордена тамплиеров в Сафед. Но султан пошел на хитрость, пообещав выпустить из осажденной крепости всех местных уроженцев. После чего многие сержанты и наемная прислуга удрали из замка. И внутри остались только рыцари, братья ордена, а их было не так много. И они понимали, что не удержат крепость без подкреплений. Но подкрепления не приходили, а припасы кончались. И командор начал переговоры о сдаче крепости в обмен на свободу рыцарей. В конце июля замок открыл ворота. Но, вместо свободы, немногочисленные рыцари были тут же перебиты ворвавшейся толпой врагов. Султан Бейбарс отличался коварством и вероломством. После взятия Сафед армия султана двинулась на север, чтобы осадить замок Торон, а там, где прошла армия султана Египта и Сирии оставалась лишь разоренная и выжженная территория.

Вспоминая эти события, о которых он когда-то читал, Григорий въехал в обширный двор в компании Тобиаса. От крепостной стены осталась каменная гряда высотой меньше, чем по грудь. Все остальное разобрали войска султана и куда-то увезли камни для того, чтобы предотвратить использование бывшей крепости, как оборонительного сооружения. Все башни они тоже повредили, выломав тяжелые входные двери, окованные железом, разворотив проемы в толстых стенах и обрушив лестницы, ведущие наверх. Султан не собирался кормить лишние гарнизоны. Потому предпочитал просто разрушать те захваченные крепости, которые не имели значения для его планов. Впрочем, так делали и его предшественники, начиная с Салах эд-Дина, уничтожая христианские крепости и ничего не строя взамен их.

— Неплохой был замок. Но, теперь его нужно отстраивать заново, — сказал рядом еще один молодой рыцарь, имени которого Григорий еще не знал.

— Это Тарбурон. Когда-то здесь оборонялись госпитальеры, — подсказал Тобиан.

— Они построили крепость на месте старинного сторожевого поста. Я слышал предания, что на этом месте раньше стояла древняя римская башня, — встрял в разговор один из рыцарей постарше.

По знаку Рене Дюрфора они спешили.

— Братья! Здесь мы разобьем лагерь и подождем второй отряд разведчиков. Но, прежде, помолимся за свет Господа и победу над врагами, чтобы тьма ушла из этого места, — сказал командир.

Вперед вышел пожилой рыцарь-капеллан, самый старший в отряде по возрасту, с короткой седой бородкой, наверное, лет пятидесяти, полысевший, но еще выглядевший крепким бойцом. Он снял шлем, воткнул перед собой меч в землю, словно длинный крест с перекладиной в виде гарды, опустился на колени и начал читать молитву на латыни. Остальные, сделав то же самое, вторили ему. Слов Григорий не знал, но его тело четко повторяло заученные фразы, как бы на автомате, и крестилось католическим знаменем. А кто-то писал, что тамплиеры плевали на крест. Впрочем, Родимцев поймал себя на мысли, что, несмотря на все прочитанные книги и статьи, он мало знает о внутренней жизни этого военного монашеского ордена, в составе которого так нечаянно оказался.

Солнце клонилось к западу, с высоты замка открывался красивый вид на долину, где протекал ручей, и раньше были деревушки левантийских франков, масличные рощи, маленькие поля и ветряные мельницы. Но теперь перед взором представали лишь руины строений и уродливые пеньки на месте деревьев. Очередная война прошла здесь.

Впрочем, военное противостояние христиан и мусульман в Святой земле почти никогда и не прекращалось, начавшись с Первым крестовым походом в самом конце одиннадцатого столетия, когда в 1099-м году крестоносцы взяли Иерусалим. И на этот раз после некоторого затишья война вспыхнула с новой силой, когда Бейбарс достаточно укрепился на троне, доставшемся ему в результате переворота, во время которого он лично зарубил саблей прежнего правителя Египта султана Кутуза в 1260-м.

В 1262 году армия Бейбарса вторглась в христианские земли Леванта, разгромив окрестности Антиохии, но отряды мамлюков откатились, получив отпор. Из-за первой неудачи Бейбарс не собирался отказываться от планов уничтожения христианского государства. На следующий год его армия устроила набег на окрестности Акры, Тира и Триполи. Крестоносцы собрали войска и через год попытались отомстить, предприняв атаку на земли вокруг Бетсана и Аскалона. Но больших успехов это наступление христианам не принесло, хотя Бейбарса в тот момент сильно отвлекли армянские войска Киликии и даже монголы. И те, и другие вторглись в его владения в Сирии, но были разбиты султаном. И весной 1265-го Бейбарс вновь атаковал крестоносцев и сходу захватил Биру, а затем и Кейсарию. В апреле мусульмане взяли замок госпитальеров Арсуф. И только тамплиеры из замка Атлит сумели в тот раз сдержать натиск. После поражения под стенами этого замка, армия султана возвратилась в Египет. Но, Бейбарс отличался упорством. Он скопил за зиму силы, и война в 1266-м вспыхнула вновь.

Григорий, он же теперь Грегор Рокбюрн, знал историю этой войны, но вот про замок госпитальеров Тарбурон прежде никогда не слышал. Зато прислушивался к разговору командира и капеллана, которые стояли неподалеку и производили рекогносцировку на местности. Из их диалога явствовало, что орденский капеллан — это второй человек в подразделении, вроде замполита.

— Они многое разрушили, но крепость еще послужит нам. Хоть стены и сломали, но само место расположено удобно. Отсюда мы сможем контролировать дорогу, которая проходит внизу. На низкую башню над барбаканом вполне можно попытаться забраться. А если мы посадим туда нескольких сержантов с арбалетами, то так просто к крепости будет не подойти, — говорил капеллан.

И из речи орденского священника Григорий понимал, что этот немолодой человек сведущ в военном деле и знает, что говорит. С точки зрения военной науки он был абсолютно прав. Действительно, стрелки с арбалетами смогут наносить урон тем, кто попытается пробираться внизу по неширокой дороге.

— Да, я тоже думаю, что укрепление еще можно использовать. Если постоянно разместить здесь хотя бы такой отряд, как наш, — согласился с капелланом Рене Дюрфор. Но добавил:

— Только стрелков нужно побольше, Годфруа. Те десять арбалетчиков, которыми располагаем мы, могут перебить разведку или патрульный разъезд из двух-трех всадников. А вот против многочисленного противника это мало поможет. Если вражеский отряд, вроде того, на который мы недавно напоролась у водополя, подойдет сюда, то нам придется сразу атаковать всеми силами.

Капеллан кивнул головой, и произнес:

— Все так, Рене, но атаковать сверху-вниз предпочтительнее, чем снизу-вверх.

— Так или иначе, а закрепимся пока здесь. Наших нужно подождать. Гуго Неверский приведет своих людей именно сюда, так мы с ним договорились. А там уже решим, оставлять ли кого-нибудь в этом замке. Тут теперь и охранять нечего. Вся долина разорена, а жители угнаны в рабство, — проговорил командир.

— Да, мамелюки никого из своих не оставили в этих развалинах, потому что прекрасно знают, что в округе их стараниями не осталось ни людей, ни скота. И даже небольшому отряду не прокормиться, сидя на этом месте. К тому же, и замковый колодец засыпан, — сказал капеллан.

— Ну, это не так уж страшно. Ручей внизу достаточно полноводный, а осады пока не намечается. Так что успеем наполнить цистерны для сбора воды. Их в замке две. И одна из них уцелела и даже ничем не завалена. Я распорядюсь, чтобы сержанты натаскали туда воду.

Григорий Родимцев слушал разговор местного начальства и думал, что подступы к этой высоте вполне надежно защитили бы несколько пулеметов в сочетании с парой полевых орудий и закрытой минометной позицией во дворе замка. Вот только где же теперь все это брать? А холодным оружием много не навоюешь. Впрочем, к концу тринадцатого столетия порох уже начал проникать из Китая в Европу по Шелковому пути. А значит, надо это использовать. Да и не очень трудно приготовить смесь из семидесяти пяти процентов селитры, пятнадцати процентов древесного угля и десяти процентов серы. Интересно, возьмут ли мамлюки Акру в 1291-м году, если на ее стенах установить пушки?

Голос Тобиана, который подошел тихонько к остаткам крепостной стены и встал рядом, прервал мысли Григория:

— Как ты думаешь, брат, мы надолго застрянем в этой дыре?

— Не знаю, — честно ответил Гриша.

Он теперь чувствовал себя снова не пожилым ветераном Григорием Михайловичем, а молодым парнем Гришей. Ощущения напоминали те, когда его только выпустили из военного училища молоденьким лейтенантом. Сейчас его тоже, можно сказать, выпустили в мир в новом качестве, чтобы служить стране и защищать ее. Только на этот раз он был не советским лейтенантом, а рыцарем-тамплиером. И он все же радовался, что не совсем умер от ковида, а переродился таким странным образом, что появилась возможность продолжать военную службу в ином времени. Пусть и в необычном качестве бойца с холодным оружием, но перед ним заново расстилалась дорога в новую жизнь. И то, как он сумеет распорядиться выпавшим шансом прожить еще один срок, предоставленный Вселенной, могло повлиять не только на него самого, но и на весь окружающий средневековый мир. Потому что свои знания он принес на Святую землю вместе с собой из далекого будущего.

— Ты как, Грегор? Что-то хмурый какой-то. Голова, наверное, болит? — поинтересовался Тобиан.

— Так и есть, — ответил Гриша. И добавил:

— А ты как думаешь? Конечно, будет голова еще долго болеть, раз череп мне чуть не раскололи.

— Там сержанты к барбакану трофеи от водопоя притащили. Пойди, возьми свою долю, а то забудешь. Ты же такой забывчивый теперь, после удара, — усмехнулся Тобиан.

— Спасибо, брат, что напомнил, — поблагодарил Григорий и отправился в сторону барбакана.

Он обратил внимание, что разрушенный замок быстро наполнялся жизнью. Хозяйственные сержанты прихватили от водооя все, что могли. Они освежали лошадей, убитых в стычке, а тех, которые оказались ранены, изловили и привели с собой. И теперь запас конины позволял отряду долго держать оборону. К тому же, к седлам сержантов были приторочены и тюки с прочей провизией, а отдельные лошади везли даже раскладные палатки-шатры. Эти разноцветные матерчато-палочные конструкции уже начинали расставлять некоторые сержанты, пока другие их сослуживцы занимались обслуживанием коней.

Те сержанты, которые таскали воду из ручья и постепенно наполняли большое каменное углубление, выдолбленное прямо в скальном основании в глубине замкового двора и называемое цистерной, тоже работали со знанием дела. Воду они не таскали вручную, а перевозили, перекидывая большие кожаные бурдюки, связанные вместе попарно, через лошадей. Возле того места, где когда-то находились крепостные ворота, на каменной площадке уже разложили трофеи. А рядом с их кучей суетился полноватый и уже знакомый Григорию сержант Жюсьен.

— С вашего мертвеца, мессир, мы сняли кольчугу, шлем, пояс и кинжал, а еще палица есть, которой вас ударили, — поведаль толстячок.

— А кошелек? — спросил Григорий, подумав, что наличные деньги ему совсем не помешают.

Толстячок потупил маленькие желтые глазки хитреца и пройдохи и тихо проговорил:

— Но, мессир Рокбюрн, есть же договоренность, что братья-рыцари не оскверняют себя прикосновением к трупам неверных, а трофеи собираем мы, сержанты, за что и получаем плату в виде кошельков убитых врагов.

— Ладно. Давай сюда хотя бы то, что перечислил, — снисходительно проговорил Гриша, подумав, что и лошадь убитого хитрый сержант, похоже, прикарманил. Но, поскольку подробности боя никак не вспоминались, настаивать на наличии коня у поверженного противника Родимцев не стал. Впрочем, он вроде бы заметил на пальце убитого большое золотое кольцо, когда вытаскивал меч из трупа. Но это тоже не точно, потому что, когда очухался, было не до внимательного рассматривания мертвых. Потому, на первый раз пройдоху-трофейщика Гриша простил.

Сержант нагнулся и поднял с земли увесистый сверток. Трофеи Жюсьен завернул во вражескую кольчугу.

— Кстати, а что с моим шлемом? Вы выправили его? — поинтересовался Григорий.

— Вон, прямо сейчас Дюбуа занимается, — сообщил сержант.

И действительно, шагах в двадцати развернулась походная кузница. Низкорослый, но широкоплечий парень на небольшой наковальне правил молотком тот самый шляпообразный шлем, который спас жизнь Грегору в стычке. В этот момент Родимцев внезапно осознал, что тот прежний владелец шлема все же, наверное, погиб, раз теперь на его месте неведомыми путями Мироздания внезапно оказался сам Гриша. А, может быть, он тоже просто переместился таким же образом, как и Григорий, попав куда-нибудь в другую эпоху в тело кого-нибудь еще? Кто знает?

— Готово. Возьмите ваш шлем, мессир Рокбюрн, — проговорил кузнец приятным баритоном, протягивая выправленную каску-шляпу Григорию.

Гриша подумал, что надо бы парня как-то отблагодарить и отдал ему трофейную кольчугу. Впрочем, она бы все равно не налезла, будучи меньше на пару размеров. Да еще и в

крови вся испачкана. Кузнец же подарку обрадовался, хотя для его широкой груди стальная рубашонка тоже казалась маловатой. Как потом узнал Григорий, кольчуги в Леванте стоили дорого. Сейчас же Родимцев направился к своему коню, которого один из сержантов, молодой худощавый и сильно загорелый брюнет, протирал настоящей влажной губкой. Впрочем, Гриша вспомнил, что в Греции губки применялись по бытовому назначению с глубокой древности, так почему им не быть и в Леванте?

Антоний, увидев хозяина, радостно заржал. Гриша потрепал коня по холке и пошел осматривать свое снятое седло и собственные седельные сумки, лежащие рядом. Григорий не только собирался разместить трофеи, но и осмотреть наследство, доставшееся от настоящего Грегора Рокбюрна.

Седло на деревянном каркасе казалось крепким. Широкая передняя лука образовывала защитную стенку от встречных ударов, оббитую железными полосами. А задняя — аналогичным образом прикрывала нижнюю часть спины. При этом, она была выгнутой, словно спинка кресла, и тоже защищена металлом. Обивка из коричневой кожи выглядела потертой, но не ветхой. А стремяна, прикрепленные к седлу по бокам на широких ремнях, даже хранили следы позолоты. Нормальное седло. Вполне сгодится.

Седельные сумки тоже производили впечатление надежных изделий из толстой кожи. Первое, что бросилось в глаза — это небольшой арбалет, торчащий наружу. Григорий открыл поклажу с некоторым содроганием. Потому что копаться в чужих вещах привычки не имел. Успокаивал совесть лишь тем, что эти вещи теперь его законная собственность, раз они достались в наследство от предшественника в теле рыцаря. Помимо арбалета, болтов к нему и пары узких кинжалов-милосердников, в сумках оказались латные рукавицы, арабские мягкие кожаные туфли с загнутыми кверху носами и куча разного тряпья. Начиная от исподнего и заканчивая запасным гамбизоном и черным монашеским балахоном. Еще имелись бордовое одеяло, маленькая шелковая подушечка, размером с два кулака, набитая пухом, а кроме того, мешочки с овсом, по-видимому, для экстренного кормления коня. Из посуды нашлись только глиняные кружка и миска, да странный медный предмет, одновременно похожий на черпак и на котелок. В деревянной шкатулке лежали две серебряных монеты среднего размера, огниво с трутом, обыкновенное шило и большая иголка с нитками. Скромный, конечно, оказался багаж. Григорий добавил к нему трофейный кожаный пояс, украшенный золотыми нитями, довольно большой изогнутый кинжал в ножнах с рукоятью из рога. А вот со шлемом и палицей Григорий пока не разобрался, что делать. Длинная и увесистая железная дубинка с утолщением на конце, покрытым шипами, как-то не представлялась оружием, достойным рыцаря. А вражеский шишак был ему мал, да и не носили тамплиеры из их отряда такие, предпочитая железные шляпы, как у него самого, или сплошные шлемы с прорезями для глаз, как у командира отряда и у капеллана.

Наконец, сержанты закончили чистить, поить и кормить лошадей и стреножили их, чтобы не разбегались, а затем расставили шатры таким образом, чтобы остатки стены прикрывали их от взглядов с дороги. Два шатра оказались белыми с орденскими крестами. В них разместились рыцари. В одном пять человек, а в другом — шесть. Палатки сержантов были трофейными и разноцветными, явно сарацинского происхождения. У каждого бойца в седельных сумках имелись свои постельные принадлежности, во всяком случае, одеяло. В качестве отхожего места приспособили полуразрушенную и наполовину заваленную водосборную цистерну, которая располагалась в противоположном углу замкового двора.

Для розжига огня собрали засохшие ветки кедров, которые торчали вокруг на склоне. Потом поели конину, неплохо приготовленную сержантами в виде супа с кусками варенного мяса с добавлением специй и овощей. Пахло кушанье очень вкусно, и Григорий наслаждался обонятельными и вкусовыми ощущениями, вернувшись в полной мере после недавнего ковида. Где-то он читал, что тамплиеры ели вдвоем из одной миски, но в их отряде такое не практиковалось. У каждого бойца имелась собственная посуда, хотя и довольно скромная, а пищу сержанты готовили в большом котле, подвешиваемым над костром на треноге, которую быстро собирали из копий с металлическими древками. А порции раздавали с помощью медного черпака. Родимцеву повезло, что совсем недавно он прочитал об этом времени книгу французского историка Жана Ришара «Латино-Иерусалимское королевство», подаренную дочерью на день рождения. Болея ковидом, Григорий как раз эту книжку и дочитывал.

Перед приемом пищи рыцари негромко молились и благодарили Господа за то, что послал им пищу. После трапезы Рене Дюрфор собрал рыцарей и спросил их, кто желает идти в разведку. Потому что нужно было до ночи тщательно осмотреть ближние подступы к укреплению и определить слабые места, где неприятель мог незаметно просочиться, чтобы командир потом рассчитал, какие направления прикрыть на ночь постами, и сколько людей следует выставить в караулы. Такое важное дело нельзя было доверить простым сержантам. К собственному удивлению, Григорий сразу же выпалил:

— Я пойду.

— А голова твоя как, Грегор? — спросил командир с сомнением в голосе.

— Да, прошла уже, — соврал Григорий. Боль, конечно, уменьшилась, но не прекратилась. Разве что головокружение почти исчезло.

— И я с ним, — тут же подхватил брат Тобиас.

— Только вернитесь до темноты. И возьмите двоих арбалетчиков, — приказал Рене Дюрфор. Тут же дав указание двоим сержантам следовать за рыцарями.

Они нашли едва заметную козью тропку возле разрушенной стены и начали пешком спускаться по склону, внимательно осматриваясь. Место, вроде бы, выглядело благоприятно для обороны. Склон имел достаточную крутизну. Обзор даже с самой низкой башни, на которую уже забрались арбалетчики, был отличным. На севере и на востоке вставали горы. На западе между двумя горными грядами лежала разграбленная долина. На юг шла та дорога вдоль ручья, по которой они пришли.

Замок Тарбурон стоял у подножия хребта, на крутом склоне. И высокие крутые обрывы надежно прикрывали его тыл. Отроги защищали позицию обрывистыми выступами еще с

двух сторон, образуя скальное полукольцо. Так что осадить крепость противник мог только со стороны самой долины. Больше расположиться было просто негде. И, судя по всему, так и произошло.

Похоже, враги ворвались в замок только тогда, когда обезопасили свой тыл, просочившись в долину и перебив ее защитников. Будь гарнизон многочисленным, такое не могло получиться. Но, по-видимому, те немногие рыцари-госпитальеры, которые оставались в замке, не сумели организовать атаку на неприятеля и перерезать единственную дорогу, ведущую в долину мимо укрепления. Они пытались отсидеться за стенами, пока христиан убивали в долине, надеясь на то, что враги оставят крепость в покое и уберутся, вдоволь поубивав и пограбив.

Так очень часто в те годы и происходило. Тактика набеговой войны широко использовалась в Леванте и не только в нем. Разорялись окрестности вражеских крепостей, а население частично вырезалось, а частично угонялось в рабство. И твердыни, оставшись без снабжения, сдавались сами. Но, Бейбарс решил разрушить Тарбурон и сделал это.

По мере спуска в эту долину, непонятное беспокойство охватывало Григория. Ему вдруг почудилось, что он видит тени убитых. Но это всего лишь легкий ветерок шевелил ветви уцелевших кедров, которые образовывали внизу вдоль горных отрогов редколесье, наполовину вырубленное осаждающими.

Через некоторое время они с Тобиасом спустились со склона и продвигались в сторону долины на запад. Арбалетчики семенили позади. Солнце, хоть и клонилось к закату, но все еще нещадно палило с безоблачного неба. Температура воздуха явно превышала тридцать градусов. Родимцеву было нехорошо, а голова все еще кружилась и болела после удара. И, если бы не его новое молодое тело, которое привыкло к таким условиям, наверное, он давно бы упал. А так Григорию было просто очень жарко, пот тек по всему телу, под тяжелой кольчугой и гамбизоном все ужасно чесалось. Ноги в сапогах, усиленных металлическими пластинами, опухли. Да еще и рыцарский плащ волочился за спиной. Но, раздеться и разуться возможности не имелось, потому что вокруг могли таиться враги.

Гриша порадовался, что не надел еще и шлем, который не успел примерить после рихтовки, бросив его поверх своих седельных сумок. Местная экипировка не удивляла Григория, потому что в свободное время он раньше частенько навещал своего сослуживца, который в отставке заведовал организацией реконструкторских мероприятий, средневековых фестивалей и даже являлся одним из учредителей регулярных «рыцарских сезонов», проводимых в Выборге.

Родимцев понимал, что такое оснащение военнослужащих в эту историческую эпоху в порядке вещей. Экипировка тяжелая и неудобная, но альтернативы ей пока нет. Кольчуга еще хоть как-то проветривалась через отверстия между кольцами, а в полном рыцарском доспехе на таком солнце воевать он совсем не хотел бы. Если пару часов на такой жаре походить в закрытом шлеме, то тепловой удар гарантирован. Потому, как он заметил, командир и капеллан держали свои сплошные шлемы, немного напоминающие перевернутые металлические ведерки, рядом, но не надевали их в обычное время, используя только в бою.

Вскоре молодые рыцари достигли ручья, русло которого огибало горные отроги, как бы отделяя замок от долины небольшой водной преградой и дорогой, идущей вдоль воды, но сворачивающей в долину напротив замка. Дорога в этом месте пересекала поток через маленький каменный мостик, пока его не разрушили враги. Вверх по течению местность

повышалась. Ручей вытекал откуда-то со склона горы, поросшего кедрами.

Григорий и Тобиас без труда перешли неширокий ручеек по торчащим из воды камням, оставшимся от разрушенного мостика, даже не замочив ноги. Здесь рыцари обернулись и рассматривали Тарбурон снизу, пытаясь найти слабые места и понять, откуда могут попробовать пробраться вражеские лазутчики, чтобы застать тамплиеров врасплох. Но явных слабых мест не имелось. Врагам, в любом случае, пришлось бы идти в замок по узкой и крутой дороге, простреливаемой арбалетчиками с башни возле ворот. Другим путем лошадям в замок просто не подняться. А вот пехотинцы, конечно, могут попробовать влезть на склон там, где только что спустились они с Тобиасом, но карабкаться вверх им будет трудно, потому что место открытое, а значит, их заметят заранее. В любом случае, на этой опасной козьей тропе, откуда в темное время легко можно полететь вниз и разбиться, пара караульных не будет лишней. Так они и решили доложить командиру.

— Наш Рене будет дожидаться здесь Гугона Неверского. Значит, застрянем, наверное, на пару дней. А за это время люди шейха Халеда могут пожаловать. Или бедуины Абу-Саида придут. Хорошо еще, что основные силы Бейбарса на север ушли, — поделился своими опасениями Тобиас.

— Ничего, Тоби, отобьемся. Место выглядит надежно, — высказался Гриша. Он впервые назвал друга сокращенно — Тоби, вместо Тобиаса, и сразу понял, что прежний хозяин тела именно так и называл рыжего парня.

Тот проговорил:

— Я бы с большим удовольствием оказался сейчас где-нибудь за столиком таверны в Акре. Или, хотя бы, в каком-нибудь из командорств нашего ордена. А здесь мне как-то не по себе. Мы даже не знаем, есть ли кто в этой долине. Ведь мы подошли сюда вдоль ручья, а в саму долину не заходили.

— Долина мне тоже не слишком нравится. Ты прав. Надо бы ее осмотреть как следует, да времени до темноты осталось маловато, — произнес Гриша.

— А ты как думаешь, брат, не прячутся ли там враги? — спросил Тоби.

— Скорее, мертвецы. Войска султана вряд ли кого-нибудь пощадили, — сказал Григорий.

— Знаешь, я слышал от сержантов, что среди тех разбойников, которые движутся следом за армией Бейбарса, есть некромант из Магриба, который умеет поднимать мертвых, — поведал Тоби.

— Да, брось, брат! Байки все это. Ничего такого не бывает, — успокоил друга Гриша, хотя и ему самому стало как-то не по себе от этой темы. Его смущало то, что про замок Тарбурон никаких описаний ни в книгах, ни в интернете он никогда не встречал. «А что, если это какая-то параллельная реальность?» — пришла Родимцеву шальная мысль. Чтобы перевести тему, он попросил рыжего парня:

— Расскажи-ка мне лучше, что там была за стычка у водопоя? Я слишком мало помню после контузии. Даже не могу припомнить, как все произошло, да и что за вражеский отряд мы перебили?

— Так, то была просто банда мародеров. Разный сброд, кочующий в поисках того, что не забрала армия Бейбарса. Там, где прошли войска султана, все ценное, конечно, уже вывезено, а малоценное — сожжено, но часто среди руин остаются нетронутые погреба и закопанные клады. Вот мародеры все это и ищут. Да и спрятавшиеся от войска жители имеют глупость возвращаться на свои руины. И их можно легко ограбить и продать в

рабство. Потому мародеров мы, тамплиеры, убиваем на месте и не церемонимся с негодяями. Зло должно наказываться.

— Да, негодяи еще те, — кивнул Григорий. Он пока не очень понимал здешний расклад сил, но уже уяснил, что помимо явных врагов, вроде Бейбарса с его войсками, местным христианам угрожают и различные банды, свирепствующие на опустошенной земле, а тамплиеры пытаются бороться и с ними.

Разговаривая, они прошли по дороге в сторону долины с полсотни шагов, когда впереди показались развалины. Похоже, тут находился постоялый двор, от которого после разгрома и пожара остались лишь обугленные куски каменных стен. На них сидели несколько больших ворон, расклеывая куски чего-то серого. Завидев людей, они взлетели и громко закаркали в воздухе.

За остатком стены, где только что сидели вороны, мелькнула тень. Тоби потянул меч из ножен. Григорий тоже быстро достал клинок и осторожно обошел руину с другой стороны. Оба арбалетчика приготовились к стрельбе в десяти шагах за их спинами. Но, это оказался всего лишь мертвец, распятый на кресте, сколоченном из досок. А легкий теплый ветерок, поднявшийся к вечеру, покачивал одежду покойника, создавая странную тень. Когда-то белый плащ сделался бурым, пропитавшись кровью, которая давно запеклась. Но, черный крест с характерными концами в виде букв «Т» свидетельствовал о том, что перед ними был труп рыцаря тевтонского ордена. Правую кисть руки несчастному отрубили перед казнью, о чем говорили остатки тряпки, намотанной на культю, которая была прибита вместо ладони к дереву перекладины креста огромным ржавым гвоздем.

— За что же они его так? Обычно, с рыцарями подобным образом не обходятся. Их берут в плен, чтобы потом получить выкуп, — пробормотал Тоби, прикрывая рот и нос от тошнотворного запаха материей своего рыцарского плаща. Ужасная вонь разложения стояла в воздухе, а, при приближении живых людей, с покойника, гнусно жужжа, взлетел целый рой мух.

— Да, они просто звери! — воскликнул один из сержантов сзади. Вообще-то, служивые должны были молчать и не имели права вступать в разговоры рыцарей, но этот не удержался.

Исклеванный птицами мертвец выглядел так ужасно, что понять, какой внешностью он обладал при жизни, возможным уже не представлялось. Нижняя челюсть отвалилась, а гниющая кожа имела серо-зеленый цвет там, где она еще оставалась. Лишь копна седых волос говорила о том, что рыцарь уже был немолод. Кто-то метнул небольшой тяжелый дротик с железным древком в область сердца распятого. И никто из мародеров почему-то до сих пор не выдернул из дерева креста это оружие, которое тоже стоило денег.

— Такие дротики есть у ассасинов, — поведал Тоби.

— Ты хочешь сказать, что беднягу распяли они? — удивился Грегор.

— Нет. Они убивают тихо. А вот так, на показ и для устрашения всех проходящих, никогда не причиняют смерть. Мне просто кажется, что какой-то ассасин пожалел этого тевтонца, быстро прервав его мучения смертью, — произнес Тобиас.

— Ты думаешь, что милосердный ассасин пожалел распятого рыцаря? Но, разве бывают ассасины милосердными? — недоуменно спросил Григорий.

— Я слышал о них разное, когда рос в замке своего отца. Говорят, что они проникают даже сквозь стены. И среди них иногда встречаются благородные. Даже отпрыски королевских фамилий, — проговорил Тобиан.

— Надо снять его и похоронить, — проговорил Григор, вплотную подойдя к труп.

— Эй, Поль и Жиром, вы слышали, что сказал мессир Рокбюрн? — произнес Тобиан, обращаясь к сержантам.

Они оба подошли ближе, морщась от запаха.

— Простите, но мессир капеллан не одобрит такое. Он распорядился показывать ему всех павших перед погребением, чтобы прочесть над усопшим молитву. Иначе магрибский некромант сможет поднять их.

Речь наглого сержанта почему-то возмутила Григория. И он не сдержался, прикрикнув на бойца уверенным тоном командира. Родимцев хотел сказать ядреным русским матом, но на старофранцузском получилось гораздо интеллигентнее:

— Какого монаха, мать его святую, ты осмелился перечить брату-рыцарю? Тебе приказали, значит, выполняй! Нечего обсуждать приказы!

Боец замолчал, смутился и потупил взгляд.

— Давай, Поль, командуешь ты, — обратился Тоби ко второму сержанту. И тут же добавил:

— Вы вдвоем валите крест. Потом снимите труп, и закидаете камнями с развалин, а мы еще немного пройдем в сторону долины.

Пока сержанты возились, рыцари прошли еще полсотни метров в сторону разоренного поселения христиан. После развалин постоянного двора на пути попала разрушенная водяная мельница, примостившаяся возле ручья, вода которого, собираемая в заводь с помощью небольшой каменной плотины, крутила деревянное колесо с лопатками. Впрочем, враги плотину разрушили, а большое колесо переколось и застыло навсегда. Здание мельницы выгорело, и внутри не осталось ни одного зернышка. Зато в разных позах лежали несколько покойников, состояние тел которых говорило о том, что по времени смерти далеко от распятого рыцаря они не ушли.

Солнце уже уходило за горный отрог, наполняя долину длинными косыми тенями, когда какое-то движение произошло в дальнем конце мельницы, там, где уже сгустился сумрак. Григорий заметил какую-то тень, метнувшуюся в угол при их появлении и укрывшуюся в развалинах. Но, кто это был, животное или человек, он пока рассмотреть не смог. Тобиан тоже что-то заметил, и меч в его руке тут же повернулся острием в ту сторону. Григорий последовал примеру друга. Рыцари осторожно продвигались к темному углу с двух сторон. Если там кто-то и прятался, то деваться ему было некуда.

Тобиас и Грегор с обнаженными мечами подходили все ближе к темному углу. Что находилось там, им видно не было. Мешали мельничные жернова и большие полуобгоревшие деревянные валы, а также дубовые шестерни механизма. К тому же, поверх остатков примитивного оборудования лежали обломки обугленных кровельных балок и куски обвалившейся верхней части стены, упавшие сверху во время пожара. Да и закатные тени ложились так, что заваленный угол плохо просматривался. Но, кто-то там определенно затаился.

Оба молодых рыцаря явственно слышали какой-то шорох. Они были готовы к тому, что враг может выскочить в любой момент, но такого увидеть не ожидали. За кучей обломков они обнаружили наполовину заваленный вход в погреб, и в нем явно прятался живой человек, потому что оттуда пахло не трупным разложением, а мочой. Причем, человек этот имел очень щуплую комплекцию. Ни Грегор, ни Тобиан, ни даже сержанты, которые не отличались высоким ростом и широкими торсами, не смогли бы пролезть в полузаваленный люк. Чтобы проникнуть внутрь, нужно было разбирать завал вчетвером половину дня. Времени на это сейчас не имелось. Вглядевшись в темноту, Григорий уловил внутри темного лаза какое-то быстрое движение и мелькнувшее лицо, успев заметить светлые волосы.

— Надо бросить туда зажженный факел, — предложил Тоби.

— Мне кажется, что там прячется кто-то из уцелевших погорельцев, похоже, что это ребенок, взрослый не пролезет в эту дыру, — проговорил Грегор.

— Эй, кто там спрятался! Вылезай, а то я точно принесу факел и выжгу твою нору, — пригрозил Тобиас.

В тишине отчетливо слышались возня и дыхание. Наконец, в незаваленной части проема подвального люка сначала показалась копна золотистых волос, грязных и спутанных, а потом оба рыцаря увидели круглое детское личико. Наверное, раньше это была хорошенькая девочка, но теперь от виска и до подбородка ее левую щеку пересекала глубокая рана с запекшейся кровью и сочащейся сукровицей, очень похожая на след от удара клинком. Правый голубой глаз малышки смотрел затравленно, напоминая взгляд волчонка, загнанного в угол, а левый заплыл отеком, который расплылся вокруг раны по всей половине лица.

— Давай, быстро выбирайся оттуда! — прикрикнул Тоби.

— Не кричи. Она же боится нас, — сказал другу Грегор. И добавил тихо, обращаясь к ребенку:

— Тебе нечего бояться, девочка. Мы рыцари храма Соломонова служим Господу и защищаем слабых. С нами ты будешь в безопасности. Так что вылезай скорее.

Девочка провозилась еще немного, но все же вылезла. Она выглядела тощей и изможденной, ее руки и босые ноги покрывали многочисленные ссадины и синяки, а тело прикрывали какие-то грязные лохмотья. За собой она тащила из погреба небольшой дырявый мешочек муки, за которым по каменным плитам пола стелился белый след. Ее разбитые губы, залепленные белым, указывали на то, что она этой мукой питалась.

— Клянусь святым престолом, это же настоящий шелк! Только благородные одевают своих детей в такое, — воскликнул Тоби, намереваясь потрогать серую порванную материю одеяния девочки.

Когда Тобиас протянул к ней руку, она отскочила, словно ужаленная.

— Ты кто, малышка? Как тебя зовут? — спросил Грегор, спрятав меч в ножны и опустившись перед ребенком на колени, чтобы не давить своим высоким ростом и получше рассмотреть девочку. Он заметил, что детское платье когда-то, действительно, выглядело дорого: на груди имелась вышивка, выполненная серебряными нитями в виде какого-то герба.

— Ты не знаешь, у кого такой герб? — спросил он Тобиаса, но тот только отрицательно покачал головой.

Девочка по-прежнему молчала, разглядывая рыцарей. Она как будто решала, можно ли им доверять. Взгляд ее единственного здорового глаза смягчился. Тем временем солнце садилось, и темнота в углу полуразрушенного здания мельницы сгущалась.

— Надо идти обратно, — сказал Тобиас.

Грегор поднялся, а девочка неожиданно выпустила мешок с мукой, бросилась к рыцарю, обняла и заплакала, прижавшись здоровой стороной лица к его белому орденскому сюрко там, где находился живот. Выше она не доставала. Утешая малышку, глядя ее своей новой огромной ладонью по голове, Григорий Родимцев сразу вспомнил свою дочку Леночку. Когда ей было одиннадцать или двенадцать, она казалась такой же маленькой и худенькой. Впрочем, дочка давно уже выросла и осталась где-то там, в невообразимой дали будущего. В этот момент он подумал, что здесь, в этом суровом времени его новой жизни, забота о сироте могла бы наполнить существование смыслом.

— Где твои родители? — спросил Грегор.

Но, девочка снова ничего не ответила, лишь сильнее заплакала. Родимцев понимал, что, судя по виду ребенка, ей пришлось пройти сквозь череду не только опасных приключений, но и издевательств. А ужасная рана на левой стороне лица явно указывала на то, что ее и вовсе пытались убить. И лишь каким-то чудом она осталась в живых. Но, в тех условиях, в которых они сейчас находились, было неизвестно, как такая рана заживет. И заживет ли? Что, если уже пошло заражение? Чем лечить, если нет ни только антибиотиков, но и почти никаких иных лекарственных средств? Чтобы отвлечь девочку, Григорий представился:

— Я Грегор Рокбюрн, брат-рыцарь ордена.

— А я Тобиан Жуанвиль, тоже брат-рыцарь. А еще меня называют Тобиас, потому что это греческое имя. Оно означает милость Божью. Так меня назвала мама, она происходит из империи ромеев, — представился и напарник. И Григорий наконец-то услышал его фамилию и понял, что мама его из Византии.

Выждав, когда раненая малышка проплачет, рыцарь взял ребенка за тощую ручку и потянул за собой. Впрочем, девочка не сопротивлялась и вполне способна была идти.

— Сейчас поднимемся в замок, где тебя накормят и подлечат, — подбодрил ее Григорий.

Но, она молчала по-прежнему, хотя бежать не пыталась и покорно семенила босыми ногами за рыцарем. Когда они вышли из развалин мельницы, солнце уже скрылось за горным отрогом, но пока еще вечернее небо оставалось светлым. Вскоре они поравнялись с двумя сержантами, как раз закончившими выкладывать кучу камней над телом несчастного тевтонца.

Сержант по имени Поль доложил, что, сняв покойника с креста и уже заворачивая его останки в орденский плащ, они обнаружили в подкладке небольшой отрезок пергамента с надписью и красной печатью. Сержанты читать не умели, но все же придали значение

находке. Тобиас взял помятый документ из рук бойца и прочитал вслух: «Предъявитель сего, Вильгельм фон Гетцендорф является посланником Великого комтура Дома Святой Марии Тевтонской».

— Значит, люди Бейбарса почему-то распяли орденского посла, — произнес Тобиас задумчиво.

Пока они шли обратно к замку, Родимцев вспоминал, что немцы пытались вести в Святой земле свою собственную политику. И она приносила плоды. В 1225 году королем Леванта стал Фридрих II Штауфен, и ему с помощью дипломатических ходов даже удалось вернуть Иерусалим христианам. Немцы тогда хитро воспользовались противоречиями между мусульманскими правителями. Но султан Египта, которым тогда был Ас-Салих из династии Айюбидов, организовал новый захват Иерусалима в 1244 году войсками хорезмийцев. После чего столицу королевства христиане вернуть себе так и не смогли. А политическое влияние немцев в Святой земле оказалось подорванным. И, несмотря на то, что королем Иерусалима в тот момент был Конрад II Гогенштауфен, власть оказалась в руках династии Лузиньянов, резиденция которых находилась на Кипре. Гогенштауфены вынужденно довольствовались властью над Сицилией. Хотя сын Конрада II, Конрадин, все еще номинально сохранял за собой корону Иерусалима.

А тевтонский орден, хоть и давно уже перебросил свои основные силы в Восточную Европу, все еще сохранял официальную резиденцию своего ордена в Святой земле. В 1220 году тевтонцы выкупили часть земель в Верхней Галилее и построили там замок Монфор, где располагался архив, орденская казна и реликвии. И теперь выяснилось, что тевтонцы, оказывается, отправляли послов в ту часть Святой земли, которая уже находилась под контролем мусульман, а значит, пытались вести какие-то переговоры с врагами за спиной у других христиан. Ничего удивительного, что немцы доигрались до того, что их посла враги казнили. Ведь реальной власти и силы ни у тевтонского ордена, ни у немецких королей в Леванте больше не было. Остатками христианского Леванта руководили Лузиньяны с Кипра, носящие титул «сеньоры королевства». Но, и они сами не управляли. От их имени правил назначенный управляющий «бальи».

И все же, над всей политикой королевских династий, конечно, стояла власть денег пизанцев, венецианцев и генуэзцев, которые имели серьезные торговые интересы на Святой земле и, в то же время, беспощадно конкурировали между собой, иногда доводя дела до прямых военных столкновений с конкурентами. Причем, между венецианцами и пизанцами взаимная ненависть была меньше, чем между генуэзцами и пизанцами. Тем не менее, им приходилось сосуществовать нос к носу в той же Акре, где пизанские торговцы занимали квартал рядом с портом на юго-западе, поблизости от церкви Святого Андрея. И их квартал отделялся с востока от района венецианцев только одной улицей, на которой жили провансальцы, и церковью Богородицы. А с севера примыкал квартал генуэзцев, нависая своими высокими башнями прямо над пизанскими домами.

Зимой 1248-го между пизанцами и генуэзцами на улицах Акры даже велась целый месяц самая настоящая война. Враждующие стороны тогда удалось развести и успокоить только с помощью тамплиеров и госпитальеров. Как не было согласия на Святой земле между христианами, так и мусульмане никак не могли договориться между собой. И только жесткая власть Бейбарса снова, как и во времена Саладина, сплотила их на какое-то время идеей уничтожения крестоносцев.

Между тем, небо уже потемнело, когда двое рыцарей и арбалетчики возвратились к

подножью крутого склона, на котором стоял замок Тарбурон. Девочка уже шла с трудом, и Григорию пришлось взять ее на руки, чтобы отнести наверх по узкой дороге. Южная ночь наступила резко в тот момент, когда они входили в ворота, и на небе вспыхнули первые звезды.

Похоже, арбалетчики с башни заметили их на склоне еще в сумерках и сразу доложили начальству, потому что встречать их вышел сам командир. Вообще-то, насколько Григорий помнил, убийство врагов на расстоянии из арбалетов не одобрялось старыми рыцарскими обычаями и святой церковью. Это оружие много раз запрещали. Но, поскольку сарацины всегда полагались больше на действенность стрел и катапульта, чем на своих бронированных витязей, то не было ничего особенно удивительного в том, что и христиане Святой Земли, наплевав на все церковные запреты, научились действовать точно также.

Тобиас сразу же доложил о том, что достаточно выставить караулы только на дороге и у козьей тропы, а других путей в замок обнаружить не удалось.

— Грегор и Тобиан, вы опоздали, не явились до темноты, как было приказано. И наказание ожидает вас, — обрадовал их Рене Дюрфор, выслушав донесение. И добавил:

— Да еще и раненого ребенка какого-то притащили. Разве вы не знаете устав? Мы должны помогать несчастным и сиротам, но держать их в расположении братьев не разрешается, тем более, девочек. К тому же, ночью.

— Но, эта девочка из благородного рода, мессир Дюрфор, — вступился Тобиас.

— Откуда ты знаешь? — не поверил Рене.

— Взгляните сами, на ее одежде вышит герб, а платье сделано из шелка.

Григорий поставил молчаливую девочку, сильно пахнущую мочой, перед командиром, и тот приказал пройти в отдельно стоящий шатер, спрятанный за входной башней, которого еще не было, когда они отправлялись в разведку. Внутри этой палатки имелось какое-то подобие стола, сделанное из большого камня, оставшегося после обрушения стен врагами. А рядом стоял маленький раскладной стул, похожий на рыбацкий из будущего. Только этот был сделан из двух деревянных рамок, скрепленных между собой куском парусины, который при разведении рамок в стороны образовывал походное сидение. Посередине камня-стола горела свечка, при ее свете командир разглядел вышивку на платье ребенка и произнес:

— Да, это герб одного из немецких баронских домов. Только я не помню, кому точно он принадлежит.

И тут же Рене спросил девочку:

— Ты из какого рода, детка?

Но, та по-прежнему упорно молчала.

— Вероятно, она немая от рождения, или же онемела от перенесенного горя. Такое бывает. А еще она просто может не знать наш язык, — проговорил командир.

— Мы нашли в долине не только ее, а и мертвого тевтонского посла. Его там распяли. При нем обнаружили вот это, — доложил Тобиас и протянул Дюрфору найденный документ.

— Что ж, это говорит только о том, что немцы снова плетут какие-то опасные интриги в Святой земле. Общаются с нашими врагами за спиной всех остальных христиан, никого не ставя в известность о своих целях. Значит, намерения у них не слишком добрые. Наверняка, немцы хотят уладить собственные дела за счет других, как уже бывало, например, когда они выторговали Иерусалим. На этот раз они чем-то сильно разозлили Бейбарса, раз их посла так жестоко и демонстративно убили, — сказал командир. Немного подумав и еще раз внимательно взглянув на ребенка, он вынес решение:

— Девочка будет спать здесь. Я приказал расставить палатку для себя и капеллана, но, раз так вышло, то разместим сюда на ночлег сиротку. Вы двое в наказание остаетесь без вечерней трапезы и будете сами ее всю ночь охранять по очереди, раз приволокли в наш лагерь. Сейчас я позову капеллана, он накормит бедняжку и осмотрит рану на ее лице. А вы пока определитесь, кто первый заступит на пост возле этой палатки. Пока будете стоять, читайте молитвы.

Они с Тоби сразу решили, что первым охранять палатку будет Грегор. Друг пошел отдыхать, а Григорий остался и стоял возле маленького шатра, глядя в темноту ночи, разбавляемую бледным светом половинки луны, которая уже показалась на небе. Есть, конечно, очень хотелось, тем более, что над лагерем до сих пор витал аромат свежеиспеченного хлеба и мясного жаркого. Но Родимцев, как человек военный, прекрасно понимал, что командир действует правильно, укрепляя дисциплину этим наказанием. В общем-то совсем не суровым. И, если бы не усталость после нелегкого дня, то стоять в карауле ночью в этом климате было даже предпочтительнее, чем в светлое время, потому что наконец-то удушливая жара ушла, и наступила долгожданная, пусть и относительная, прохлада. А еще Григорий испытывал большое облегчение от того, что его голова перестала болеть.

Сержант принес глиняную миску с едой, накрытую парой круглых арабских лепешек и кружку с чем-то вроде компота. И кушанье поставили перед девочкой. Но, она просто сидела на камне и не торопилась есть. Вскоре к палатке подошел капеллан. Следом за ним сержант тащил постельные принадлежности, да и у самого капеллана была сумка с какими-то вещами. Когда полог палатки осторожно приподняли, девочка по-прежнему сидела на камне и смотрела на горящую свечу правым глазом. К пище она не притронулась. На приветствие, которое капеллан произнес на немецком и повторил на греческом, итальянском и на арабском, она никак не отреагировала, не меняя позы, продолжая сидеть и смотреть на свечу. Она выглядела настолько отрешенной, что казалось, что душа ее летает где-то далеко. Капеллан только вздохнул и, первым делом, внимательно осмотрел рану на лице ребенка. Потом сказал:

— Мне нужно почистить края раны, чтобы зашить. Грегор, поможешь мне. Крепко держи девочку, потому что придется сделать ей больно. Но, это ради ее же блага. И принесите мне сюда таз с водой и черпак.

Последние слова предназначались сержанту, который тут же побежал выполнять поручение. А капеллан достал из своей сумки настоящие медицинские инструменты, пусть и довольно примитивные, и, подстелив белую тряпицу, аккуратно разложил их на камне, заменяющем стол.

Девочке было больно, но она терпела. Сильные руки того рыцаря, который пришел за ней, чтобы забрать из вонючей дыры, где она пряталась, крепко держали ее. Но она понимала, что ее лечат. То ли от новой боли, то ли от молитв, которые читал на латыни пожилой врач, делая свое дело, ее сознание начинало проясняться. А когда старик закончил сшивать края раны на лице и положил свою ладонь ей на голову, что-то изменилось. От ладони старика исходило необычное тепло, которое действовало животворяще. Вскоре сознание полностью вернулось к ней, а боль отступила. И она вспомнила все те ужасные события, которые произошли, начиная с прошлогодней осени. Все произошедшее вновь возникло в памяти. И она зарыдала.

Воспоминания нахлынули на девочку. Она вспомнила, что зовут ее Адельгейда фон Баренбергер и снова отчетливо видела, как полтора десятка монахов, одетых в широкие плащи с капюшонами, неспешно приближались к захваченному мусульманами монастырю.

Стражник на башне вынужден был высунуться из-за каменных зубцов караульной площадки, чтобы лучше разглядеть путников. «Зачем они идут? Неужели не знают о том, какая участь постигла всех тех христиан, которые оставались в монастыре после того, как мамелюки султана Бейбарса ворвались внутрь?» — наверное, думал он. Караульщик на башне не успел удивиться, когда плащ одного из монахов распахнулся, и стремительный стальной болт, вылетевший из арбалета мессира Эдварда, попал стражнику в левый глаз. Стражник умер тихо, не успев даже вскрикнуть.

Над воротами сарацины поставили еще трех караульных, но, удачно сняв часового на башне, христиане смогли подобраться совсем близко. Лучшие стрелки барона Карл и Эдвард выстрелили одновременно, и один стражник рухнул с болтом в горле, а другой — в сердце. Старому Жюсьену повезло меньше: его болт ударил третьего стража в правый бок. Падая, этот последний страж ворот закричал и тем предупредил сарацин об опасности. Скрываться стало невозможно, уже не таясь, барон отдал приказ, христиане сбросили ненужные более монашеские плащи, обнажили оружие и пошли на штурм.

Вечерняя заря занималась на западе, вверху сквозь редкие просветы в тяжелых серых облаках левантийской зимы проглядывали лучи заходящего солнца, окрашивая облачные подбрюшья зловещим багровым цветом. После утреннего дождя было холодно, желтоватая глинистая почва пропиталась влагой, дул сырой ветер. Плотнее надвинув капюшон черного монашеского плаща, голубоглазая и светловолосая Адельгейда, девочка, которой недавно исполнилось тринадцать лет, куталась под ним в теплый роскошный палантин своей погибшей матери, расшитый золотом и подбитый мехом куницы. Хорошо еще, что сейчас дождя не было.

Атакующие христиане быстро перелезли через полуразрушенную монастырскую стену и заняли башенку над воротами, откуда арбалетчики могли хладнокровно расстреливать сарацин, выбегающих во двор. Адельгейда, охраняемая двумя оруженосцами ее отца, наблюдала за происходящим с вершины холма, откуда открывался широкий вид на разграбленный сарацинами монастырь с его водяной мельницей у ручья, со странноприимным домом, церковью и коновязями, на разрушенные стены и выжженные посеы вокруг. Армия Бейбарса прошла здесь совсем недавно. И ничего из разрушенного еще не поправили. А вокруг свирепствовали мародеры.

Несколько сарацин выскочили во двор с ятаганами в руках. Но сир Эдвард и его стрелки уже держали арбалеты заряженными. Первый сарацин пал сразу, другой отскочил к стене и прикрылся своим небольшим круглым щитом, но болт все равно нашел брешь в защите и пронзил ему правый бок. Раненый развернулся и побежал вдоль стены, но следующий болт, пробив чешуйчатый панцирь, вонзился глубоко под левую лопатку, войдя между нашитых стальных пластинок, и сарацин рухнул лицом в грязь.

А у арбалетчиков Эдварда в запасе оставалось еще достаточно болтов. Хорошо бы уметь вот так стрелять из арбалета, как дядя Эдвард, младший брат ее отца, подумала Адельгейда. Хотя от отца она знала, что убийство врагов на расстоянии не одобрялось старыми рыцарскими обычаями и святой церковью. Но, поскольку сарацины всегда полагались больше на действенность стрел и катапульта, чем на своих бронированных федаинов, то и христиане Святой Земли давно научились действовать точно также. И эта тактика приносила плоды: еще король Ричард Львиное сердце привез с собой в Левант во множестве арбалеты и длинные шотландские луки, которых вовсе не было у сарацин.

С тех пор прошло более полувека. Длинных шотландских луков у мусульман не появилось, но арбалеты уже были. Усатый турок с арбалетом высунулся из стрельчатого окошка странноприимного дома, быстро выстрелил и нырнул обратно, чтобы перезарядить. Адельгейда увидела, что возле коновязи завязалась схватка. Сарацины пытались прорваться к своим лошадям, но несколько рыцарей в тяжелой броне во главе с ее отцом уверенно сдерживали их натиск: ржали лошади, сверкали клинки, слышались крики умирающих.

Сарацины терпели поражение. «Их надо всех перебить», думала Адельгейда, закусив губу почти до крови. После того, что они сделали с ее матерью и старшей сестрой, и, если бы отец со своими рыцарями вовремя не отбил захваченный врагами во время очередного штурма донжон, то сделали бы и с ней, в сердце девочки поселилась лютая ненависть к этим людям.

Их замок штурмовали непрерывно в течение трех месяцев. Главное войско Бейбарса давно обошло замок и двинулось дальше к побережью, но сарацинские штурмовые отряды продолжали штурм с прежним усердием. У них были катапульты и длинные осадные лестницы. Замок крепко держался. Только подкоп, обрушивший часть стены, помог сарацинам ворваться в твердыню в первый раз. Но тогда их отбросили, потому что у барона еще оставались могучие боевые кони, которые, прикрытые кольчужными попонами, пронесли своих всадников через ряды противников и даже позволили сокрушить четыре из семи катапульта. Но осаждающих было слишком много, и их длинные пики сделали свое дело: из той атаки в замок вернулись всего три всадника.

Новый штурм был ужасен. Сарацины пошли на приступ сразу с двух сторон. Пока барон с рыцарями оборонял главные ворота, сарацинская пехота, используя брешь от подкопа, ворвалась в замок и захватила среднюю башню южной стены, отрезав донжон от основных сил осажденных. Трое рыцарей, несколько оруженосцев и десятков сержантов не смогли удержать двери, а арбалетчики с верхней площадки были не в силах перестрелять всех врагов, когда страшная, вооруженная до зубов толпа сарацин, подмяв под себя защитников, хлынула в главную башню. Адельгейда спряталась за гобеленом, и это спасло ей жизнь, но она видела все.

Оцепенев от страха, она смотрела, как сарацины насильовали ее мать и старшую сестру. Она навсегда запомнила и тот ужасный момент, когда отец со своими рыцарями прорвался в покои донжона, весь перепачканный кровью, с безумными от гнева глазами. За считанные

мгновения он зарубил двуручным мечом пятерых насильников, но двое уцелевших успели перерезать горло обеим женщинам прежде, чем смерть нашла их самих.

Три дня назад, после того, как была отбита очередная атака, отец Адельгейды собрал всех оставшихся защитников замка и объявил, что помощи ждать неоткуда, а без подкрепления дольше удерживать полуразрушенную крепость они не смогут. Было решено прорываться к Акре. Под покровом ночи пятеро рыцарей, шестеро оруженосцев и восемь арбалетчиков, взяв под свою защиту Адельгейду, единственную уцелевшую дочь барона, покинули замок по подземному ходу. Развороченная камнями катапульта верхушка донжона еще долго была видна за спиной при свете луны и звезд. Пешком, набросив поверх доспехов черные монашеские плащи, люди барона навсегда оставили свой замок.

К утру ветер нагнал облаков, и пошел сильный дождь. Вода лилась с неба потоком, и продрогшим христианским беженцам казалось, что это сам Господь оплакивает скорбную участь королевства христиан. После изнурительного пути под дождем они нуждались в еде и отдыхе, но вся местность, через которую они продвигались к Акре, уже перешла под контроль войск Бейбарса. Промокшим насквозь беглецам было необходимо обогреться, пополнить провизию и найти лошадей. Потому барон и решил отбить этот монастырь.

Усатый турок перезарядил арбалет и высунулся снова, но его тут же отбросило от окна назад: пущенный Эдвардом болт врезался турецкому арбалетчику в переносицу. В этот момент христианские рыцари прикончили последнего сарацина у коновязи и ринулись к дверям странноприимного дома. Несколько сарацинских лучников попытались стрелять по ним из узких стрельчатых окон второго этажа, но их быстро сразили болты людей Эдварда. После короткой схватки на первом этаже, сарацины, находившиеся на втором, начали выпрыгивать из окон в надежде добежать до своих лошадей и спастись. Но все они нашли свою смерть во дворе, подстреленные арбалетчиками барона. На близкой дистанции от арбалетных болтов не защищали ни щиты, ни доспехи.

Когда Адельгейда через распахнутые настежь ворота вошла во двор монастыря, то насчитала не менее двадцати трупов. Девушке на мгновение сделалось дурно, но она за последнее время так привыкла видеть мертвецов, что уже не падала в обморок. В трапезной странноприимного дома царил разгром. Столы и лавки были перевернуты, в беспорядке валялись сарацинские плащи и оружие. Но трое сержантов-арбалетчиков быстро наводили порядок. Вскоре столы и лавки приобрели привычное положение, лишние вещи были свалены в мешки, а из кухни запахло горячей едой.

Адельгейда забилась в теплый угол возле кухонной печи, но все никак не могла согреться, хотя дядя Эдвард лично принес ей ломоть плоского сарацинского хлеба, деревянную ложку и горячий суп в глиняной миске. Лицо дяди пересекал длинный багровый рубец: след от сарацинской сабли. Дядя был очень добр к ней, но Адельгейда хотела видеть рядом с собой отца, а он все не появлялся. Она была измучена и нуждалась в поддержке. Девушка никогда прежде не совершала столь длительных пеших прогулок. Ноги ее болели, и она чувствовала себя невероятно уставшей. Снова она с тоской вспоминала мать и сестру, вспоминала прежние счастливые годы, ведь вся ее жизнь была связана с их замком, который назывался Баренбург. Она родилась в этом замке и прожила в нем всю свою жизнь. Все тринадцать своих лет.

Ее предки по отцу принадлежали к франконско-баварской династии маркграфов и герцогов. Замок построил дед Адельгейды, младший отпрыск этой славной фамилии, который отправился в странствия и присягнул на верность Фридриху II Штауфену. А когда

тот сделался королем Иерусалимским, то пожаловал верному вассалу баронский титул и земли. Дед был одним из тех, кто укреплял своим мечом немецкую власть в Святой земле. Но те времена давно прошли, главные силы тевтонского ордена покинули Левант, и немцы сделались в этой стране почти изгоями. И теперь, когда замок захватили враги, Адельгейда еще не понимала, что будет с ней, как она сможет жить дальше без матери, без сестры, без дома? Ведь даже привычных вещей у нее больше не будет: все их вещи оставлены сарацинам вместе с замком. Да и из одежды сохранилось только то, что на ней. И вообще чудо, что она сама осталась жива. Пока жива. Все это тогда казалось ей страшным сном, но сном не было.

Наконец-то ее отец, барон Альбрехт фон Баренбергер, появился, лицо его было мрачным, глубокие морщины пролегли над переносицей, темные круги обрамляли глаза, лоб был рассечен и кровоточил. После гибели матери отец вдруг сразу постарел. Он объявил людям, что никто из врагов не ушел. Значит, никто не расскажет об этой стычке. А потому он дает всем, кроме караульных, время на отдых до рассвета. А завтра на рассвете они оседлают захваченных лошадей и доберутся до Акры уже к вечеру. Еще он сообщил, что пленные, которых захватили при взятии монастыря, рассказали, что армия Бейбарса двинулась на юг, к Яффе, и путь к Акре пока был свободен. Люди барона выслушали это сообщение с радостью, потому что на тот момент это была самая добрая весть за все последние месяцы. Только они тогда не знали, какие еще опасности поджидали на пути.

Поев и немного отдохнув, собрав припасы, оставшиеся в странноприимном доме, они покинули его на рассвете. Кроме одного единственного коня, на котором поехал сам барон с дочерью, нормальных лошадей раздобыть не удалось. Все три захваченные лошади оказались ранеными и седоков нести не могли, потому что на их спинах были порезы, нанесенные клинками. Потому на этих лошадок осторожно погрузили немного припасов и повели в поводу.

Они ехали половину дня. Адельгейда сидела впереди своего отца, он прижимал дочку к себе левой рукой, и ее тело чувствовало жесткие доспехи. Отец был ранен. Лоб ему перевязали оруженосцы, но боль, по-видимому мучила его. Хотя он не показывал виду и старался улыбаться, когда она оборачивалась и смотрела на него. Лишь иногда морщился, трогая рану через повязку. Как назло, небо после полудня потемнело, и пошел очень сильный дождь. Через некоторое время, несмотря на плащи с капюшонами, все люди в отряде вымокли насквозь. Потому, увидев маленький замок с вершины следующего холма, решили передохнуть и обсохнуть.

— Что это за замок? — спросила девочка. Ей казалось, что они едут уже очень долго. Она никогда не бывала в этих местах. Вся ее жизнь прошла в родовом замке, и всего однажды, когда ей исполнилось десять лет, она побывала в Акре с отцом, с матерью и со старшей сестрой. Но тогда мама с дочками ехала в повозке, и дорога показалась не такой долгой и утомительной. Они в тот раз часто останавливались по дороге в постоялых дворах и странноприимных монастырских домах, чтобы передохнуть. А теперь путь был трудным, а повсюду плотной стеной стояла пелена дождя. Все ручьи, пересохшие за лето, наполнились водой. А земля превратилась в сплошную скользкую грязь. Потому отец старался выбирать путь там, где почва выглядела каменистой. Двигаться по дороге барон не рисковал, потому что там могли встретиться вражеские отряды.

— Это не замок, детка, а просто дом с башней, укрепленный манор. Кажется, там жила семья какого-то английского рыцаря. Я слышал, что его предки пришли в Святую землю еще с войском короля Ричарда Львиное Сердце. Посмотрим, что там сейчас, — ответил отец.

Но, когда они подъехали ближе, оказалось, что дом с башней, похожий на замок, подвергся разрушению. Ворота его были выломаны и лежали на земле при въезде в крохотный дворик. Увидев это, отец тут же остановил лошадь, и послал половину оруженосцев и арбалетчиков вместе с мессиром Эдвардом вперед, желая проверить, насколько место представляет опасность. А все оставшиеся бойцы стояли наготове снаружи, окружив дом, который выглядел покинутым.

Вскоре мессир Эдвард, поднявшись на башню, крикнул, что можно заходить. Внутри оказались трупы мужчин и две плачущие женщины. Одна из них назвалась вдовой хозяина замка Пресциллой, а вторая — взрослой дочерью, которую звали Беатрис. Рыцаря Бернара Бедфорда убили сарацины во время атаки, как убили и всех мужчин. Женщины спаслись, спрятавшись в потайной ход. На их счастье, армия султана не задержалась здесь, ограничившись грабежом. Враги так куда-то спешили, что даже не сожгли дом, а только разгромили все, что попало им под руку.

— Муж с сыновьями и нашими людьми крепко держались. Но, отряд осаждающих оказался слишком большим. Они выбили ворота тараном и убили всех. Я потеряла мужа и троих сыновей, а мы с дочкой чудом уцелели, — рассказывала женщина, плача.

Мертвых под сильным дождем хоронить не стали, а отнесли тела в подвал башни. В маноре почти ничего не осталось, но крыша была целой. Потому отец Адельгейды решил переждать там непогоду. Он беспокоился, что дочка простудится. До Акры из замка было уже достаточно близко. Хозяйка сказала, что, если идти пешком, то за день можно добраться до спокойных мест. И барон приказал своим людям отдыхать, пока дождь не ослабнет. Несмотря на дождь, арбалетчики заступили в караул на единственной башне, сменяя друг друга каждый час. Так что врасплох их не должны были застать.

В маноре сохранились поленья, их грабители не забрали. Потому оруженосцы развели огонь и подогрели еду, которую прихватили с собой из развалин странноприимного дома. Они накормили всех бойцов, да еще и хозяйку с ее дочерью. Уставшая и вымокшая Адельгейда сидела у большого камина вместе с отцом, засыпая. Барон тоже позволил себе расслабиться. Но, как вскоре выяснилось, расслабляться не следовало. Потому что в тот день места, где можно укрыться от сильного дождя, искали и другие. Большая банда мародеров, двигавшаяся по следам недавно прошедшего войска султана, подходила с востока.

Сержант принес бурдюк с водой, медный таз и черпак. И капеллан, первым делом, вымыл руки. А затем обмыл рану на лице ребенка жидкостью из небольшой глиняной бутылочки, которую тоже принес с собой. И под пологом палатки отчетливо запахло спиртом. По распоряжению капеллана, Григорий крепко держал девочку, перехватив правой рукой поперек и прижав все ее тщедушное тельце к себе вместе с обеими ручонками, а левой — надежно зафиксировал голову. Старик убрал бутылку, вынул из своей сумки и поставил на камень еще две свечи, запалив их от горящей. При трех свечах света в палатке сразу стало значительно больше. И капеллан приступил к операции. Гриша пока почти ничего не знал об этом престарелом орденом священнике, кроме того, что зовут его Годфруа. Но, он уже понимал, что перед ним человек опытный и разбирающийся во многих вопросах. От военной тактики и до хирургии.

Годфруа начал с того, что прокалил все свои инструменты в свечном пламени, производя, таким образом, стерилизацию огнем. А потом он осторожно надрезал края раны на лице девочки маленьким ножичком и выпустил гной, образовавшийся там. Малышка задергалась и закричала, но Григорий держал ее крепко. Потом капеллан взял кривую иглу с шелковой нитью и вколол ее в слой кожи возле края раны, отступив от него примерно половину сантиметра. Он уверенно шил наискось, бормоча при этом молитвы и постепенно стягивая края раны. Причем, шил глубоко, достигая раневого основания и захватывая ткани. И кровь ребенка текла по его рукам.

Но, к удивлению Григория, девочка перестала кричать, а только всхлипывала. Она, оказывается, в отличие от большинства детей, могла терпеть сильную боль. Возможно потому, что уже свыклась с ней? Сколько дней проходила она с этой ужасной раной, было непонятно. Еще больше Родимцева удивило то, что, закончив сшивать рану, капеллан велел Григорию отпустить ребенка, а затем положил девочке руку на макушку и произнес какие-то слова на непонятном языке. Из короткого страстного монолога, похожего на заклинание, Григорий четко уловил лишь одно знакомое слово: «Бафомет». И вдруг что-то произошло. Как будто бы мгновенно изменилось атмосферное давление. Налетел порыв ветра и две свечи из трех задуло. Зато свечение появилось прямо под ладонью капеллана и оставалось там какое-то время, пока девочка не начала падать. Тогда Годфруа ловко подхватил ее и уложил на расстеленную сержантом постель.

— Теперь ей нужно как следует поспать, — объяснил капеллан. И добавил:

— Я сделал для девочки все, что мог. Но, рана у нее не столько на лице, сколько в душе. Завтра увидим, поправится ли она.

Потом капеллан быстро собрал свои инструменты, накрыл девочку одеялом, задул свечу и, опустив полог палатки, ушел на другую сторону замкового двора, к просторному шатру, в котором расположился командир отряда вместе с тремя немолодыми рыцарями, имен которых Григорий еще даже не знал. А у входа в их палатку дежурил оруженосец командира, совсем молодой парнишка.

Небо было ясным. Луна и крупные южные звезды давали достаточно света, чтобы заметить врагов, если они подкрадутся к замку. Потому Григорий, стоя на посту возле палатки, внутри которой спала девочка, позволил себе покопаться в собственных воспоминаниях. Ему захотелось припомнить все то, что он читал про Бафомета в книжках

далекого будущего.

Родимцев помнил, что при разгроме ордена храмовников одно из обвинений, вменяемое им церковью, как раз и заключалось в поклонении некоему Бафомету. Но, кто это был такой, до конца установить так и не удалось, а потому само обвинение выглядело необоснованным. Церковными обвинителями утверждалось, что Бафомет представлял собой демона с тремя головами. А многие подследственные говорили обратное, что это был символ мировой мудрости, а три головы изображали святую Троицу или же триединство Бога-Творца, или даже само Мироздание.

В любом случае, никаких достоверных свидетельств, кто же такой Бафомет, найти не удалось. Не было и его правдивых изображений. Лишь в девятнадцатом веке французский эзотерик и оккультист Элифас Леви нарисовал Бафомета в виде человека с козлиной головой на одной из карт колоды Таро, изображающей сатану. Но, к тому моменту от разгрома ордена тамплиеров в 1307-м году Филиппом Красивым и от окончательного упразднения этой организации папой Климентом V в 1312 году прошло слишком много времени, чтобы сохранились шансы на то, что изображение, выполненное Леви, хоть как-то соответствовало истине. Тем не менее, в мировой культуре с конца девятнадцатого века имя Бафомета утвердилось в качестве синонима сатаны. Хотя настоящую суть этого названия по-прежнему никто не знал. Были только предположения, что само слово является искажением имени Мохаммед или же означает «крещение мудростью».

Вообще, из книжек, прочитанных Родимцевым, явствовало, что внутренние обряды ордена бедных рыцарей храма Соломона, которых для краткости называли храмовниками или тамплиерами, несколько отличались от обычных, принятых католической церковью. Без сомнения, у них имелись какие-то собственные символы, ритуалы и реликвии. Например, на том же обвинительном процессе говорилось, что тамплиеры поклонялись неким засушенным головам. Но, эти обвинения были еще более абсурдны, потому что и официальная церковь в то время не только поклонялась святым мощам, и не только головам, а фрагментам скелетов и даже отдельным костям, но и активно торговала ими по всей Европе.

Хотя, с другой стороны, многими исследователями утверждалось, что ничего мистического в ордене храмовников и не происходило, а причиной его разгрома послужила элементарная зависть короля Франции Филиппа IV Красивого и римского папы к богатству и влиянию тамплиеров. А все грехи, приписываемые членам этого ордена, представляли собой лишь пропагандистскую выдумку недоброжелателей, распространяемую для оправдания собственного беспредела в отношении рыцарей-монахов.

Так это или нет, Григорий и собирался постепенно выяснить, раз уж по воле судьбы нечаянно попал прямо внутрь этой таинственной военизированной организации, вокруг деятельности которой ходило столько легенд даже через многие века. Странное наложение рук со свечением и упоминанием имени Бафомета, свидетелем чему он только что стал, лишь утвердили Родимцева в желании узнать правду. Пока же он даже не мог толком объяснить, чему же стал свидетелем: к сатане или к Господу обращался капеллан? Как бы там ни было, а из действий капеллана Григорий уяснил, что основы медицины и практика хирургии тамплиерам известны.

Между тем, пока Григорий Родимцев, он же Грегор Рокбюрн, рассуждал о мистической стороне жизни бедных рыцарей храма Соломона, Адельгейда спала и видела сны про все то, что ей довелось пережить за последние месяцы.

Дождь хорошо убаюкивал. Сквозь плотную стену ливня мародеры подошли к манору. Старый Жюсьен задремал на башне под шум дождя и не заметил их приближения. Почти безмолвно они возникли там, где лежали выбитые ворота. И их оказалось много. Несколько десятков. Жюсьен, наверное, не успел ощутить даже боль, когда его убили. Ему положено было хотя бы крикнуть, но он не сумел сделать даже этого.

Тревогу подняли лишь тогда, когда враги уже захватили башню и пересекли маленький двор, а мессир Ульрих, который охранял вход, встретил их возле дверей самого манора. Тяжелый двуручный меч рассек воздух, сразу снеся голову одному из приближающихся врагов. Но, огромный сарацин в шишаке, предводитель отряда, быстро ударил тяжелым ятаганом, улучив момент, когда острое рыцарского меча пошло вниз.

Мессир Ульрих встретил удар прочным железом доспехов. Его левый наплечник принял на себя кривой ятаган даже не помявшись. Доли мгновения хватило рыцарю, чтобы вновь привести двуручный клинок в готовность. Такие мечи, тяжелые длинные цвайхендеры, появились не так давно, но уже получили распространение среди тевтонских рыцарей, особенно среди опытных вояк, обладающих высоким ростом и большой физической силой, которые не боялись противостоять в одиночку многочисленному противнику. Таким и был мессир Ульрих Матфридинг. Следующим ударом он убил еще одного врага, а главарь мародеров отскочил назад, спрятавшись за первую шеренгу, и коротким выкриком приказал пустить в ход копья.

Мессир Ульрих отбил мечом несколько копейных ударов, но его с каждым мгновением теснили все ближе ко входу в дом. И тогда он закричал, призывая на помощь. И его слышали. Арбалетчики начали бить из окон, а оруженосцы выскочили из дома с мечами в руках. Клинки мечей соприкоснулись с копьями, отводя удары. А арбалетные болты пожинали кровавую жатву.

Атака на какое-то время остановилась. Но, позади неприятельского отряда в арбалетчиков уже целились лучники. Их стрелы, выпущенные из коротких луков, не позволяли пробивать доспехи. Но меткие стрелки били по лицам. И вскоре один из арбалетчиков получил стрелу в левый глаз. А копейщики усилили натиск. Пятеро оруженосцев и один рыцарь с трудом сдерживали натиск полусотни врагов. К журчанию ливня добавился звон клинков и крики людей.

Адельгейда проснулась и испугалась. На ее глазах отец облачился в доспехи, схватил свой меч и спустился вниз вместе с оруженосцем по имени Ганс. Внизу к ним присоединился мессир Бернард. А мессир Карл уже был внизу и бился. Мессир Эдвард остался на втором этаже возле окна. Он стрелял из арбалета и руководил остальными арбалетчиками.

Может быть, они смогли бы сдержать натиск, и даже обратить врагов вспять, но рыцарские щиты они не взяли с собой, уходя из замка, потому долго держаться против копейщиков, построенных в три ряда, они не могли, принимая уколы копий на доспехи. Обрубить древки не получалось, потому что они были защищены на приличную длину железными полосами. А противники с копьями все наседали, действуя довольно слаженно. Видимо, перед ними были не простые мародеры, банды которых, обычно, состояли из разного плохо обученного отребья, а опытные копейщики-ветераны, пехота Бейбарса, используемая против рыцарской кавалерии. По-видимому, этот отряд пехотинцев отстал от основного войска и рыскал по окрестностям в поисках наживы.

Копейные удары одноручными мечами удавалось лишь немного отклонять, но

добраться до самих копейщиков не получалось. А арбалетчики были заняты перестрелкой с парой десятков вражеских лучников. Мессир Ульрих уже устал отбивать копьё и принимать удары доспехами и закрытым шлемом. Яростно зарывав, он ринулся в атаку, дотянувшись концом своего длинного меча до рук копейщиков. Его поддержали мессир Бернард тоже вооруженный двуручником и мессир Карл с длинным полутраручным мечом. Под ноги полетели чьи-то отрубленные пальцы. Длинными мечами им удалось сдвинуть пики. Строй копейщиков нарушился и смешался. Двое из них упали убитыми. А в брешь ринулись остальные защитники манора, и это оказалось ошибкой.

Под потоками ливня, в наступивших сумерках, тяжелые рыцари скользили на камнях мощного двора. А враги быстро отступили и окружили их полукольцом, нанося удары теперь с разных сторон. Неожиданно стремительный копейный удар угодил Карлу подмышку. И рыцарь пал. Кровавая лужа быстро расплывалась вокруг его тела. Но, мессир Бернард пока контролировал дистанцию. Подныривая под копьё, ему удалось сразить еще двоих прежде, чем ему проббили кольчугу, и наконечник копьё вошел в тело между пластинами доспеха. Последним усилием он достал еще одного врага, а потом упал, подмяв под себя собственный длинный меч, и больше не двигался.

Барон понимал, что верное средство от копий — это большой щит. Но, если щиты у погибшего хозяина манора и его людей и были, то похоже, что те, кто их убил, забрали это снаряжение с собой. Во всяком случае, щитов нигде найти не удалось. И потому барон приказал оруженосцам сделать импровизированные щиты из столешниц. Толку от оруженосцев, вооруженных обычными мечами, против копий было не много. Хозяйка и ее дочка забились в угол в ужасе, наблюдая, как гости ломают их последнюю мебель. Но женщин никто и не спрашивал. Альбрехт фон Баренбергер в этот момент плевать хотел на обитательниц разбитого манора. Потому что он спасал свою единственную оставшуюся дочь.

Пару самодельных щитов сделали только тогда, когда двое рыцарей уже пали. А атакующие снова сомкнули ряды и усилили натиск, пытаясь ворваться внутрь манора. Усталый здоровяк мессир Ульрих с четырьмя оруженосцами сдерживал их натиск с большим трудом. Но барон с оруженосцами подоспел вовремя и снова отбросил врагов от входа. Очередной лучник с криком упал с башни во двор. В перестрелке с лучниками арбалетчики постепенно брали верх. Теперь мессир Эдвард и пять его оставшихся стрелков получили возможность отстреливать копейщиков. И рыцарям снова удалось разрушить их строй.

Но, когда копейщики рассыпались в стороны, в бой вступили витязи с ятаганами, которые прятались за их спинами. С ними рыцари сражались гораздо увереннее. Прочные пластинчатые доспехи, надетые поверх кольчуги, позволяли барону обходиться без щита. Он и мессир Ульрих, защищенные с боков оруженосцами с самодельными щитами, сдержали очередную атаку. Силы сторон таяли. Атакующие понесли достаточные потери, пара десятков мародеров уже нашли свою смерть во дворе манора, но их оставалось еще около четырех десятков, в то время, как кроме двух рыцарей, отряд барона уже потерял в этом бою троих арбалетчиков и одного оруженосца. Дождь все еще продолжался, и насквозь вымокшие сарацины не оставляли попыток прорваться в манор. Альбрехт фон Баренбергер уже собрался отправить дочь вместе со своим младшим братом Эдвардом по подземному ходу, о котором говорила хозяйка манора. Для себя же барон видел две возможности: сдержать врагов и победить в схватке, или умереть в бою.

Во время сражения за Адельгейдой никто не присматривал. Толстая хозяйка манора и

ее дочка дрожали от страха, забившись в дальний угол зала на втором этаже. Адельгейда украдкой пробралась к окну и затаилась рядом с ним, прячась от стрел за простенком, но иногда выглядывая и наблюдая за ходом боя. После всех ужасов последних дней она уже почти ничего не боялась. И ей очень хотелось знать, чем же этот бой закончится. Она видела, как падали сарацины и радовалась. Ей казалось, что их уже вскоре всех перебьют рыцари отца. Но этот момент все не наступал. Вскоре мессир Эдвард заметил ее и оттащил от окна. Когда он делал это, вражеская стрела попала ему в грудь, но отскочила от стальной пластины нагрудника, бессильно упав на пол.

Сражение во дворе манора все продолжалось. Мессир Ульрих уже выдыхался, и барону пришлось принимать удары на себя. Ростом Альбрехт был чуть пониже, но в ширине плеч Ульриху не уступал. И с цвайхендером умел обращаться не хуже, держа врагов на расстоянии. Больше сражаться в полную силу было просто некому. Оруженосцы тоже устали, а два самодельных щита, которыми они пытались прикрывать фланги от вражеских копий, оказались разбитыми. Все, что пока удалось барону и его людям, так это не допустить неприятеля внутрь манора. А еще они сумели оттащить тела Карла и Бернарда со двора. И теперь оба убитых рыцаря лежали в просторном холле, возле лестницы, ведущей на второй этаж.

Дождь внезапно прекратился, а ветер усилился. Облака разошлись, и закат запылал в небе цветом крови. Арбалетные болты уже заканчивались, когда мессир Эдвард увидел из окна второго этажа манора, что в их сторону направляется еще один отряд. На этот раз вдали двигались всадники.

Григорий Родимцев долго простоял в карауле возле палатки, где спокойно спала девочка. В теплой левантийской ночи ничего не происходило. Лишь где-то далеко в долине выли шакалы, наполняя темноту своим скулящим воем, похожим на детский плач, начинающийся с нескольких звуков и переходящий в стаккато на верхних нотах. Один начинал, другой подхватывал и вскоре уже голосила вся стая. Судя по звукам, там бродили семь или восемь животных. Пришли полакомиться трупами, не иначе. В ответ на эти звуки, сонные лошади, согнанные сержантами на ночь в дальний конец замкового двора, иногда отвечали негромким ржанием. Наконец, примерно в середине ночи, когда Гриша понял, что уже слишком сильно хочет спать, подошел Тобиас, чтобы сменить его.

Друг оказался не халывщиком, а вполне надежным парнем, на которого можно было надеяться. Понятие о чувстве долга у него точно имелось. Каким-то образом Тобиас сумел проснуться без всякого будильника посреди ночи и поспешить на пост возле палатки. Должно быть, причиной являлась выработанная молодым рыцарем привычка стоять в ночных караулах, хотя, вроде бы, для этого имелись сержанты. Но, похоже, им в ордене не слишком-то доверяли. Потому, помимо сержантов, ночные дозоры возлагались и на молодых рыцарей. Григория это ничуть не удивляло, потому что в любой нормальной военной части должен иметься начальник караула, а есть еще и оперативный дежурный, офицер, который тоже не должен спать на своем посту.

Здесь же, в ордене храмовников, в роли офицеров выступали рыцари. Причем, самые молодые соответствовали и самым младшим командным должностям. Оруженосцы были чем-то средним между кандидатами в офицеры и прапорщиками, напоминая немецких фенрихов, а наемные сержанты, в представлении Григория, походили на хитрых бойцов-контрактников, любителей халывы, за которыми нужно постоянно присматривать. И это подтверждалось хотя бы тем, что с башни барбакана, возле которой стояла палатка со спящей девочкой, доносился богатырский храп трех сержантов-арбалетчиков, которые должны были охранять подступы к полуразрушенному замку в ночи. Правда, второй пост в том месте, где вниз от остатков стены спускалась козья тропа, нес службу исправно. Григорий видел при свете луны, что там сержанты не спали, а неторопливо прогуливались вдоль каменного основания туда и обратно.

— Тоби, разбуди сержантам смену, а то эти, которые на башне сидят, заснули уже, — попросил Гриша друга.

— Сейчас я им покажу, как спать на посту! — произнес Тобиас и, подняв камешек, запустил его на верхушку невысокой башни между зубцов ограждения караульной площадки, попав в кого-то из спящих, судя по тому, что один из сержантов сразу перестал храпеть.

— Смотри только, всех остальных в лагере не перебудит, — сказал Гриша и, оставив своего нового друга разбираться с караульщиками, пошел спать.

Теплой ночью ему совсем не хотелось лезть в душную палатку к другим рыцарям, с которыми он пока даже толком не познакомился, хотя они об этом не подозревали, ведь Грегор Рокбюрн, в которого Родимцев так нечаянно перевоплотился после ковида, служил вместе с ними в ордене тамплиеров, похоже, довольно давно. Григорий пошел к своим седельным сумкам, которые так и лежали за палатками, как он их и оставил. Он расстелил одеяло прямо на камнях, снял тяжелую кольчугу через голову, после чего стянул с себя и

потный гамбезон. Переодевшись в чистое белье, в тонкие штаны из льна, которые назывались «брэ» и в белый ночной балахон из такого же материала, Гриша положил под голову свою маленькую шелковую подушечку и укрылся плотной черной монашеской рясой, а поверх нее еще и тамплиерским плащом. Наконец-то его тело получило долгожданный отдых после напряженного дня, и он заснул сразу.

Родимцева разбудил странный звук, который слышался в предрассветном сумраке откуда-то снизу. Приподнявшись, Григорий прислушался. Звук повторялся еще и еще раз. Подобные звуки он уже слышал на рыцарских турнирах в Выборге, когда реконструкторы дули в рога. Его догадку подтвердило то, что кто-то ответил таким же сигналом уже из лагеря тамплиеров. Повернувшись в ту сторону, он увидел, что протрубил в рог сам командир отряда, который уже не только проснулся, но и успел полностью экипироваться. Молодой оруженосец стоял рядом с ним. Сигналы разбудили и всех остальных, в лагере началась суета обычных военных приготовлений. Тамплиеры надевали кольчуги, а сержанты помогали им, подавая пояса с мечами. Было понятно, что, раз на чьи-то сигналы отвечает сам командир, значит прибывают свои. Какое-то подкрепление подходило к Тарбуруну.

Тело Грегора Рокбюрна имело привычку к рыцарскому снаряжению. Потому Григорий Родимцев довольно сноровисто натянул две отдельные стеганные брючины, закрепив их завязками на поясе, поверх них одел кольчужные поножи, закрепив их кожаными ремешками. Затем, обмотав ноги тряпками вроде портянок, натянул латные сапоги из кожи, усиленные полосами металла. Потом надел льняную рубаху-камизу, сверху — гамбезон, поверх него — кольчугу и орденский сюрко с красным разлапистым крестом на груди. Надел он и наплечники. Потом перетянулся широким кожаным поясом и закрепил на левой стороне меч в ножнах таким образом, чтобы достать его можно было максимально легко и быстро. А справа привесил кривой трофейный кинжал. Поверх всего он накиннул на плечи тамплиерский плащ, закрепив его спереди простой металлической фибулой. Теперь его облику позавидовал бы любой реконструктор рыцарских баталий из двадцать первого века. Сержанты уже складывали сухие ветки для костра, чтобы развести огонь и приготовить еду возле одной из дальних полуразрушенных башен. Быстро убрав постельные принадлежности обратно в седельные сумки, Григорий поспешил к палатке, возле которой продолжал нести караул Тобиас. Тот обрадовался появлению друга, широко улыбнувшись.

— Ты как раз вовремя! — сказал он. И добавил:

— Но, похоже, что я уже не успею поспать.

— Это почему же? — спросил Гриша.

— Так ведь трубили в рога. Отряд Гуго Неверского подходит. Значит, будет смотр. Вон, сержанты уже завтрак готовят, чтобы накормить всех с дороги.

Тут Григорий почувствовал, что от сержантского костра ветерок принес вкусный запах поджаренного мяса. И ему очень захотелось есть. Тем более, что вечером поесть так и не удалось.

— Граф Неверский ведет своих людей даже быстрее, чем можно было предполагать, — сказал Тобиас. И добавил:

— В прошлый раз мы ожидали их много дней.

— А что, разве рыцари ордена носят мирские титулы? — поинтересовался Родимцев.

— Так, граф Неверский, он же гость нашего ордена. Недавно дал обет на пять лет биться вместе с нами плечом к плечу. От этого его графский титул никто не отменял. К тому же, он же не сам по себе биться собрался, а со своим отрядом, который и содержит за

собственный счет, что, разумеется, подкрепляет силы нашего ордена, — объяснил Тобиас.

— А какой вояка из него? — поинтересовался Гриша.

— Говорят, что силен в схватке на мечях, что скуп на слова, но в бою неплох. Вместе с графом десяток рыцарей и их оруженосцы, — поведал Тоби.

Пока было немного времени до появления графа и его людей, Тобиас удалился справлять естественные потребности, а Грегор наблюдал, как внизу отряд всадников въезжал на узкую дорожку, петляющую по склону и ведущую к замку. К счастью, звук рогов пока не разбудил девочку, которая продолжала мирно спать внутри палатки. Недалеко от Гриши вниз смотрели и командир с капелланом, и он невольно прислушался к их беседе. Пожилой Годфруа предлагал оставить в развалинах замка лишь небольшой гарнизон, а с остальными отправляться по окрестностям на поиск христиан, выживших на опустошенных землях, чтобы выводить уцелевших людей под защитой в безопасные места. Но, командир возражал:

— А если мы наткнемся на отряды шейха Халеда, которому Бейбарс пожаловал эти земли после того, как прошел здесь? У шейха людей гораздо больше, чем у нас вместе с Гуго Неверским. Я думаю, в войске Халеда тысячи три бойцов. Из них почти полтысячи всадников. Да они сомнут нас в два счета.

— Да, Рене, количество бойцов у неверных всегда больше нашего. Так повелось со времен Первого крестового похода. Но, наши деды и прадеды не боялись атаковать их превосходящие силы. И побеждали. А основатель нашего ордена Гуго де Пейн охранял христианских паломников от многочисленных отрядов сарацин всего с несколькими рыцарями. Их было всего девять против всех. И справлялись. Девять львов способны побеждать огромные стада баранов, сын мой. Так что не в количестве дело. Если мы застанем врагов врасплох, то получим хорошие шансы, чтобы разгромить их. Тем более, что, насколько я знаю, Халед не передвигается по местности всей своей армией. А отдельные вражеские разъезды нам не страшны, — сказал капеллан.

— Все так и было. Вот только мы сами давно уже не те львы, Годфруа. Да и сарацины уже не бараны. Они научились больно кусаться, — проговорил командир отряда.

Пока они разговаривали, первые всадники из отряда графа уже подъезжали к воротам. И они не были тамплиерами, хотя на одежде у всех имелся вышитый крест. Но, он не был орденским. Такие кресты носили обыкновенные мирские рыцари, участвующие в крестовых походах. А герб у каждого рыцаря оставался своим собственным. Только сам граф выглядел, как тамплиер. Но, от тамплиеров из отряда Рене Дюрфора он все равно отличался новеньким рыцарским плащом и не полинявшим орденским сюрко.

Все его снаряжение блестело начищенными поверхностями. Что и не удивительно, учитывая, что позади графа его шлем, доспехи, копье и щит везли три оруженосца, кроме оружия, на их лошадях размещалась еще какая-то графская поклажа. Сам граф Неверский ехал налегке. Он казался немного полноватым, но довольно рослым мужчиной среднего возраста, гладко выбритым и холеным, хотя от взгляда Грегора не укрылось то, что вокруг глаз богатого всадника залегли глубокие тени, а сам он выглядел весьма озабоченным.

— Сержанты болтают, что он сгубил свою жену Агнессу де Бофремон, дочь богатого барона. Женился только ради ее денег, а потом придушил, сказав всем, что бедняжка умерла от лихорадки, после чего и решил замаливать грехи таким способом, дав гостевой обет нашему ордену, — шепнул Тобиас, который уже возвратился и, стоя рядом с другом, рассматривал всадников, въезжающих в проем разрушенных ворот замка.

Рыцари в отряде графа имели мало общего с храмовниками. На их упряжи и снаряжении поблескивали не только золото и серебро, но и драгоценные камни, которыми украшались седла, ножны и рукояти клинков. А их разноцветные плащи, как и попоны их коней, отливали бархатом. Выглядели они самодовольными и надменными. И за каждым следовали по два оруженосца. Сзади отряда на привязи шли запасные лошади. В отряде, вместе с самим графом, Григорий насчитал двенадцать рыцарей и двадцать пять оруженосцев. Получалось, что прибывший гостевой отряд оказался даже чуть больше орденского, в котором служил Грегор.

— Мои всадники очень устали и все голодны, да и кони немедленно нуждаются в еде и отдыхе, — проговорил граф, лихо осадив коня и выбравшись из седла прямо перед Рене Дюрфором.

— Распоряжения уже даны, мессир, сейчас наши сержанты всех накормят, хоть вы и пожаловали значительно раньше, чем мы ожидали, — сказал командир тамплиеров.

Граф поведал:

— Мы не спали, ехали всю ночь при свете луны. Я приказал скакать сюда, не дав никому отдыха, потому что вечером был замечен большой сарацинский отряд. И они движутся за нами. Сюда идет шейх Халед, чтобы занять долину и этот замок, пожалованные ему Бейбарсом. Мы опережаем их только на несколько часов.

— Откуда у вас такая уверенность, граф, что это именно люди Халеда? — спросил Рене.

Гуго Неверский ответил:

— Мы напоролись на их передовой дозор и всех перебили в короткой стычке. Их оказалось лишь шестеро. Один раненый сказал, умирая, что сам Халед идет сюда во главе своего войска.

Пока они разговаривали, остальные рыцари графа въезжали в замок и слезали с коней. А оруженосцы сразу же принимались этих коней расседлывать.

В это время несколько орденских сержантов занимались приготовлением завтрака, а другие помогали прибывшим с лошадьми.

Суету прервал громкий голос капеллана:

— Помолимся, братья, нашей святой покровительнице Деве Марии! Она дарует жизнь и победу! Так почтим ее утренней молитвой!

Он, как всегда, воткнул перед собой меч, опустил на колени и начал наизусть читать молитву на латыни. Все братья-рыцари тут же присоединились к своему капеллану. Даже граф встал на колени и начал повторять слова следом за Годфруа. Тобиас и Грегор тоже опустились на колени там же, где и стояли. Но, от Григория не укрылся тот факт, что пока они молились, рыцари и оруженосцы, прибывшие с графом, продолжали заниматься собственными делами, делая вид, что молитвы тамплиеров их совсем не касаются. Наемные сержанты, напротив, молились вместе с братьями ордена. Прибывшие казались не очень-то набожными.

После утренней молитвы капеллан благословил трапезу, и все приступили к завтраку, состоящему из тушеной конины, арабских лепешек и фруктового отвара, напоминающего обыкновенный компот. Командир за завтраком выглядел озабоченным. Ему предстояло принять решение, что же делать дальше. Принимать бой с войском Халеда или немедленно уходить, оставив полуразрушенный замок и разоренную долину неприятелю. Сразу после завтрака Рене Дюрфор отвел графа в сторону и спросил его, удалось ли что-то узнать о составе войск противника.

Григорий услышал обрывок их разговора:

— Я высылал разведку. В передовом отряде полторы сотни всадников. А пехота плетется где-то сзади. И сколько у них пехотинцев, я не знаю, — говорил Гуго Неверский.

— Ну, против полутра сотен мы сможем выстоять. Наше положение позволяет атаковать их сверху-вниз. Дадим приблизиться. Когда сгрудятся напротив замка внизу, где дорога резко сужается, или попробуют начать подниматься к Тарбуруну, арбалетчики произведут обстрел, а остальные бойцы столкнут камни им на головы. После чего сами обрушимся на врагов, пока они будут паниковать, — поведал свой план Рене.

— Тогда нужно и где-нибудь внизу спрятать засадный отряд. Атака с двух сторон будет действеннее, — высказал свое предложение граф.

Слушая их, Григорий подумал, что полсотни рыцарей и оруженосцев объединенного отряда при поддержке двух десятков сержантов-арбалетчиков, все же, слишком мало против ста пятидесяти всадников. К тому же, придется не сидеть в глухой обороне, а атаковать, что предполагает возрастание потерь. Да и как получится стремительно атаковать на лошадях с крутого склона? Они же ноги переломают. Оценив ситуацию, он не выдержал и, наплевав на субординацию, подошел к Рене Дюрфору и высказал свое мнение:

— Мессир, простите, что я встречаю, но, если уж вы собираетесь атаковать кавалерией против кавалерии, то лучше расположите внизу с двух сторон два отряда, спрятав один из них в долине, а другой укрыв среди кедрового лесочка. А когда неприятель сгрудится у развилки перед замком в месте сужения дороги, надо сперва ударить сверху камнями и арбалетными болтами, а в момент, когда все внимание неприятель сосредоточит на замке, атаковать этими двумя засадными отрядами кавалерии. Тогда успех будет обеспечен. А если вы ринетесь в атаку с крутого склона, то лошади сломают себе ноги еще даже не соприкоснувшись с неприятелем.

— Да вы, молодой человек, разбираетесь в тактике! В ваших словах есть смысл. Возможно, что таким образом, действительно, поступить лучше всего, — неожиданно похвалил Гришу граф.

А командир отряда, судя по его лицу, хотел сказать что-то резкое, но, услышав одобрение графа, смягчился и произнес:

— Меня радует, что среди молодых рыцарей нашего ордена не все разгильдяи. Но, в вопросах тактики я больше полагаюсь на мнение ветеранов. Не так ли, Годфруа?

Капеллан слышал беседу и присоединился к ним, сказав:

— Рене, когда я говорил о том, чтобы атаковать сверху-вниз, то не имел ввиду атаку на лошадях. Конечно же, они переломают ноги. Так что молодой Грегор прав.

Вдруг Григорий почувствовал чей-то взгляд. Девочка проснулась и выглядывала из палатки.

Глава 8

Не только Григорий Родимцев, но и капеллан с командиром заметили детскую мордашку, высунувшуюся из палатки. И старый Годфруа сразу направился туда, а Гриша пошел с ним вместе. Мимо них проехали на отдохнувших конях несколько орденских разведчиков, отправленные вниз на дорогу в передовой дозор.

Девочка, по-видимому, кое-как умылась той водой, которую оставил в палатке старик. Во всяком случае, лицо ее уже не выглядело таким грязным. Но, ее зашитая рана выделялась уродливым и зловещим красным рубцом, сшитым серыми нитками. Хорошо еще, что удар клинка не разрубил лицевые кости и не повредил левый глаз, отек вокруг которого уже начал спадать, и он чуть приоткрылся. И теперь голубоглазая девочка снова могла смотреть двумя глазами. Она выглядела некрасивой, тщедушной и несчастной, но самое главное, что взгляд ребенка сделался осмысленным. Было похоже, что руки старика-хирурга оказались добрыми, и ее рана все-таки заживет, оставив, конечно, уродливый шрам через все лицо.

Капеллан, первым делом, спросил девочку:

— Можешь ли ты теперь говорить, дитя мое?

Григорий удивился произошедшей перемене, когда эта малышка, еще вчера так похожая на безумного загнанного зверька, кивнула и тихо произнесла:

— Я Адельгейда, дочь барона Альбрехта фон Баренбергера.

Капеллан сказал:

— Я капеллан Годфруа Шабо, а рядом со мной Грегор Рокбюрн, который притащил тебя в наш лагерь. Мы братья ордена бедных рыцарей Христа и храма Соломона. И мы рады, что ты ожила, Адельгейда. Вчера я еще не знал, поможет ли мое лечение, но сегодня вижу, что оно помогло. Спасибо Господу нашему!

— Я плохо говорить ваш язык, — призналась девочка.

— Это ничего. Я знаю и немецкий, — сказал капеллан.

— Мои родители погибли. А я чудом сбежала от сарацин. Мне нужна служанка, я хочу, чтобы она меня вымыла, причесала и передела, — поведала Адельгейда капеллану уже по-немецки.

Старик посмотрел на нее добрыми глазами и сказал правду:

— Дитя мое, здесь у нас только мужчины. Это военный лагерь. Мы можем обеспечить тебя водой, едой и охраной до тех пор, пока ты остаешься в этой палатке, но внутри нее тебе придется заботиться о себе самой. Разгуливать по нашему лагерю девочкам запрещается.

— Эй, что это у вас тут за милашка? — спросил один из рыцарей, приехавший с графом, высокий и краснощекий шатен, который проходил мимо.

В отличие от тамплиеров, все рыцари в графском отряде были гладко выбриты. Многие оруженосцы знали еще и ремесло цирюльника и регулярно заботились о внешности собственных начальников. Выбритость и ухоженность в эти времена подчеркивала высокий социальный статус. Братья ордена, напротив, все носили бороды, время от времени подстригая их кинжалом. Когда длина бороды делалась слишком большой и начинала мешать в бою, они ее просто отчекривали острым клинком. То же самое делали и с волосами. Потому бороденки и волосенки у большинства в отряде выглядели кривовато. Григорий Родимцев вчера уже наблюдал, как один из пожилых братьев-рыцарей укорачивал себе прическу и бороду таким нехитрым способом. К счастью, у молодых рыцарей бороды

росли не столь быстро. У Тобиаса вместо бороды на щеках и подбородке и вовсе имелся пока лишь лохматенький рыжий пушок, который выглядел очень смешно. У самого Грегора борода имелась, но она была короткой и редкой. Что никак ему не мешало.

Любопытный выбритый рыцарь лет тридцати шагнул в сторону палатки. Но капеллан решительно перегородил дорогу ему со словами:

— Здесь под охраной нашего ордена содержится сирота, спасенная от сарацин. И тревожить эту сироту запрещается.

Графский рыцарь недовольно выпятил подбородок и проговорил в лицо старику:

— Что это вы тут такое развели? Какой разврат! Это же надо, тамплиеры теперь держат в своих палатках молоденьких девчонок для утех. Обязательно расскажу вашему командору.

— Эй, отвечай за свои слова, как тебя там? Думай, что говоришь! Ты же оскорбляешь не только весь наш орден, но и несчастную сироту, которая, между прочим, дочка барона, — вспыхнул Грегор, которого возмутили слова холеного рыцаря.

Воин набычился, холодно взглянул пустыми серыми глазами на двух храмовников, стоящих перед ним, на старого и на молодого, и проговорил зло:

— Шевалье Бодуэн де Салиньяк к вашим услугам. И наплевать мне, что ваша малолетняя шлюха дочка барона. Да, хоть дочка самого короля Лузиньяна. Зато я точно знаю, что вы не имеете права держать девок на своей территории.

— Имеем в исключительных случаях, когда дело идет о защите жизни, — возразил Годфруа.

— Похоже, что ваш орден окончательно погряз в разврате, а все, что говорят про вас горожане в Акре, — чистая правда. Ругаться и развратничать, как тамплиер, вот как говорят люди, когда имеют в виду нарушение вами всех священных обетов! — выпалил рыцарь.

Это уже пахло настоящим скандалом. Вокруг сразу начали собираться любопытные графские рыцари и их оруженосцы. Услышав оскорбительные слова, которые Бодуэн де Салиньяк произносил нарочито громко и заметив девочку, выглядывающую из палатки, которая потом сразу спряталась, они тут же начали судачить, словно женщины, обсуждая ситуацию между собой и громко хохоча. Капеллан молчал, а Родимцев пытался лихорадочно вспомнить, имел ли право рыцарь-тамплиер вызвать на дуэль мирского рыцаря за оскорбление. И тут ему на ум пришла одна уловка. После чего он бросил в лицо Салиньяку обвинение:

— Вы, шевалье, сейчас оскорбили не только нас, как братьев-рыцарей, но оскорбили весь наш орден, а служим мы Господу. Следовательно, вы оскорбили самого Господа в нашем лице, как верных слуг Храма и Бога. Такое никто из нас не в силах стерпеть. А потому, Бодуэн де Салиньяк, я немедленно вызываю вас на суд Божий. И пусть поединок на мечах покажет, на чьей стороне правда.

Тут на шум подошел и сам граф, сопровождаемый командиром отряда. Вероятно, разговор он услышал, потому сразу воскликнул:

— Еще чего! Нашли время, чтобы выяснять отношения! К полудню Халед будет здесь, и нам понадобится каждый меч. Да, и все это пустые разговоры. Вообще-то тамплиеры обязаны спасать детей от сарацин. И не важно, девочка там или мальчик. А наш Салиньяк всегда резок на язык. Не надо обращать внимания. Да и ваши братья, я смотрю, тоже особым смирением не отличаются.

Последнюю фразу граф высказал в сторону Рене, кивнув на Григория и, бесцеремонно взяв своей лапицей Салиньяка под локоть, оттащил его подальше. А командир отряда

направился к Рокбюрну и отвел его в сторону, проговорив с укором:

— Вот видишь, Грегор, какую кашу ты заварил. Ты обвинил этого скандалиста, а сам не отличаешься выдержкой и смирением. Еще чего придумал, Божий суд устроить! Это в стародавние времена, когда Гуго де Пейн только недавно основал наш орден, такое могло получиться. А теперь такие вопросы решаются только на капитуле, да и то в порядке исключения.

— Но, наказывать несправедливость разве не обязанность братьев нашего ордена? — возразил Григорий.

— За грехи наказывает Господь. А мы лишь солдаты Господни. И не нам, а Имени Его слава, — произнес Рене Дюрфор. И добавил:

— Вот что, Грегор. Раз ты заварил всю эту кашу, так ты ее и расхлебывай. Девочку нужно немедленно увезти из нашего лагеря. Как видишь, она уже послужила источником раздоров. Не зря многие братья нашего ордена считают, что все беды, которые существуют в мире, проистекают от Евы и передаются через всех существ женского пола. Будь то даже маленькая девочка. Потому я приказываю тебе немедленно вывезти ребенка из нашего лагеря в монастырь Богоматери Горы Кармель. И отдать там сироту на попечение сестер-кармелиток. Это такой же нищенствующий орден, как и наш, только не военный. Там добрые женщины, в основном, вдовы. Они позаботятся об этой девочке. Я напишу письмо их приору. А ты уж, главное, как-нибудь туда доберись и защити ребенка в дороге. Это будет твоим наказанием и послушанием. Когда отдашь девочку сестрам, то поступишь в распоряжение главы нашего командорства, расположенного по-соседству с монастырем. Командору я тоже чиркну пару строк.

— Я боюсь, что один не справлюсь. Можно ли мне взять с собой брата Тобиана? — спросил Григорий. В ордене Тоби, как он сам сказал, был записан именно, как Тобиан, а не как Тобиас. Отсюда проистекала и вариативность произношения его имени. Сам же рыжий парень предпочитал, чтобы его называли так, как звала его мама — Тобиасом, или сокращенно — Тоби.

Но командир проговорил сурово:

— Нет, брат Грегор. Мне сейчас понадобится на этом месте каждый боец. Я бы не отправил и тебя, но ты сам виноват в том, что притащил к нам в лагерь проблему не меньшую, чем шейх Халед со всем его воинством. Девочка, своим нахождением здесь, представляет собой не только яблоко раздора, но и серьезное искушение для братьев-рыцарей. И потому ты должен выполнить это задание именно сам, один. Всю дорогу ты будешь бороться с искушением, сдерживать свою похоть и молиться. И только тогда твое преодоление зачтет Господь.

Или ты считаешь, что один брат-тамплиер не способен обеспечить защиту даже одного единственного ребенка? На что тогда мы нужны, Грегор? Так что в твоём сердце не должно быть места трусости. Господь защитит тебя. Пока твои помыслы будут оставаться добрыми, Он будет помогать в пути. Главное — это верить. Потому что вера в Господа творит чудеса.

А когда мы придем на Кармель, я проверю, как ты выполнил это задание. Да и, посуди сам, что будет делать ребенок в развалинах замка во время боя? Исход сражения неизвестен. Если раньше сарацины, потеряв много своих, разбежались или отступали, то теперь они часто сражаются до конца. Все. Хватит разговоров. Иди, собирайся в дорогу.

Родимцев понял, что его желание взять с собой друга Тобиаса, Дюрфор истолковал, как проявление трусости. На самом же деле, Григорий просто совершенно не знал эту местность

и очень смутно представлял себе, как из замка Тарбурон, где они находились, можно безопасно добраться до горы Кармель, на которой располагался тот самый монастырь, куда следовало пристроить сиротку. Да и компания друга в пути совсем не помешала бы. Жаль, что Тоби пошел после завтрака немножко поспать после ночного дозора, а то бы он, наверняка, уговорил командира, чтобы отправиться вместе с Григором.

А теперь получалось, что Григорию самому придется ни то что ехать сквозь незнакомую и опасную местность, да еще и нести ответственность за эту немецкую девочку со странным именем Адельгейда. К тому же, немецким языком он никогда не владел, а учил только английский. И местный Грегор, как выяснилось, тоже не был полиглотом, а знал только свой старофранцузский язык и молитвы на латыни.

А еще командир почему-то решил, что он обязательно станет бороться с похотью по отношению к девочке. Но, Родимцев совсем не был педофилом. Ему всегда нравились только взрослые женщины. И он никогда ничего другого не мог бы испытать к беззащитному ребенку, кроме отцовских чувств. Он видел в малышке совсем не Лолиту из книги Набокова, а просто ребенка, чем-то похожего на его собственную дочку Леночку. Но здесь, похоже, у людей в головах имелись гораздо более развратные мысли.

— А как же я поеду, брат Рене, если войско Халеда на подходе? А выход из этой долины только один, — спросил Григорий у командира.

— Это так, — кивнул Дюрфор. И сразу добавил:

— Но, тебе нужно успеть лишь немного проскочить по дороге и обогнуть отрог, а потом сразу возьмешь вправо от водооя. В этом месте придется перейти ручей. На противоположном берегу начинается тропа, которая идет через лес вдоль подножия горы. По ней и поедешь. Если поспешишь, то успеешь не встретиться с людьми Халеда. Сквозь кедровый лес они тебя не увидят. К тому же, граф считает, что Халед будет у входа в долину только к полудню. Так что иди собираться. Я пока напишу письма в монастырь и нашему командору. А Годфруа накормит девочку и подготовит ее к дороге. Тебе все понятно?

Григорий кивнул и сказал:

— Брат Рене, а можно попросить нарисовать заодно и карту пути отсюда в сторону Кармеля? А то боюсь заплутать.

Рене проговорил удивленно:

— Даже не знал, Грегор, что ты и в картах, оказывается, разбираешься. Ладно, пару штрихов черкну на обороте письма к приору.

Рене отправился к своей палатке, а Григорий поспешил собираться в путь. Он остановил одного из сержантов, уже знакомого болтливого Жиромы, и приказал ему седлать коня. Сам же, взяв свою железную шляпу, подошел к кузнецу, чтобы попросить у него новый подшлемник, взамен испачканного кровью в бою у водооя. Дюбуа, видимо памятуя, что Грегор вчера подарил ему трофейную кольчугу, встретил его очень любезно, сразу вытащив из мешка серую войлочную шапочку с завязками, набитую паклей. И учтиво сказал:

— Если хотите примерить шлем, мессир, то могу дать зеркало.

И, когда Григорий кивнул, Дюбуа показал ему отполированную округлую железку, размером меньше ладони. Такие уж имелись зеркала в этом времени. Впрочем, отражение хоть и выглядело тускло и нечетко, но поправить железную шляпу на голове все-таки позволило.

Поблагодарив кузнеца, Гриша направился в глубину замкового двора к своему коню. Антоний встретил его уже оседланным. Стараниями сержантов, конь выглядел

отдохнувшим. Он оказался накормленным и напоенным, вычищенным и с расчесанной гривой. Так что Антоша подготовился к дороге даже лучше хозяина, который пока совсем не знал пути, надеясь только на карту, которую обещал набросать командир.

Пока Грегор Рокбюрн, он же Григорий Родимцев, собирался в дорогу, другие рыцари тоже готовили коней. По-видимому, Рене Дюрфор все-таки решил устроить внизу засаду. Капеллан в это время что-то по-немецки говорил Адельгейде, которая высунулась из своего маленького шатра, у которого имелось два входа, на этот раз, с другой стороны. Вероятно, для того, чтобы рыцари графа не глазели на нее. Потом, по знаку Годфруа, сержант привел девочке невысокую пегую лошадь с какой-то поклажей в пухлых седельных сумках.

Сама же Адельгейда уже успела надеть поверх своего истрепанного шелкового платья серый монашеский балахон из материала, похожего на мешковину, выданный ей капелланом. Одевание было слишком велико Адельгейде и сидело мешком на ее тощей фигурке. Наконец, капеллан помог Адельгейде забраться на седло и усестся на нем поженски, свесив ноги на левую сторону лошади. Сидеть на мужской манер лицам женского пола считалось неприличным, не зависимо от их возраста. Слишком длинный подол монашеского одеяния не только полностью закрывал ноги девочки, но и свисал ниже их.

Увидев девочку на лошади, Родимцев сразу же вспомнил, как водил в конный клуб на иппотерапию свою дочурку Леночку. Там инструктор, опытная наездница, жена владельца клуба и врач-ортопед по специальности говорила, что дамское седло — это просто какой-то ужас. Оно неудобно не только для всадницы, но и для лошади, потому что груз на спине смещается на одну сторону. Да и у всадницы при такой позе развивается искривление позвоночника. А еще такая посадка очень опасна. Потому что лошадка — это живое существо. И потому, как ее ни обучай, она может иногда чего-нибудь неожиданно испугаться и понести. Или же просто поскользнуться. Если у обычного всадника есть хорошие шансы удержаться на спине лошади при разных подобных неожиданностях, то у наездницы в дамском седле таких шансов почти не имеется. В непредвиденных ситуациях падение и травмы ей будут обеспечены. Причем, большие риски существуют не только для конечностей и головы, но и для позвоночника. Потому Леночка всегда ездила на лошадке обычным «мужским» способом. А вот Адельгейда сидела очень опасно. Тем более, что и специального женского седла с приделанными «рожками» ей не дали, а просто посадили даже не на рыцарское седло, а на самое обыкновенное. Как бы там ни было, Григорий сразу решил, как только они немного отъедут от лагеря, дать девочке более приемлемую одежду и усадить ее на лошади нормально.

Григорий с Адельгейдой, выехав из замка, осторожно спустились вниз по узкой дороге, когда вдали затрубили. И то не были звуки рогов, в которые, обычно, трубили христианские рыцари. То звучали медные трубы, которыми для военных сигналов пользовались сарацины. Враги неумолимо приближались ко входу в долину. Но, рыцарь с девочкой успели проскочить водопой, где их лошади перешли неширокий и довольно мелкий ручей вброд, нашли тропу, подсказанную Рене Дюрфором, и углубились в кедровую поросль, покрывающую подножье горного отрога, спускающегося к руслу ручья. Таким образом, единственная дорога, ведущая в долину сквозь естественные «ворота», образованные с двух сторон от русла ручья отрогами гор, осталась в стороне.

Тропа, которую, следуя указаниям командира отряда тамплиеров, Григорий сразу же обнаружил, и по которой лошади уверенно шли друг за другом, постепенно поднималась по склону вверх, в сторону ближайшего перевала. Рене, как и обещал, начертил на обратной стороне куска пергамента, который предназначался в качестве письма приору монастыря кармелиток, импровизированную карту. Путь из замка Тарбурон к горе Кармель предстоял не такой уж и близкий. Сопоставив каракули Дюрфора с тем, как Родимцев помнил карту Израиля, а, интересуясь эпохой крестоносцев он, конечно, изучил эту карту довольно неплохо, хотя подробности помнил смутно, они находились где-то между Тверией на юго-востоке и Цфатом на севере, а до Кармеля отсюда по прямой было около полусотни километров.

Но, Гриша прекрасно понимал, что по прямой можно путешествовать лишь на летательном аппарате, которого пока нигде нет и не предвидится в ближайшие века. А на лошадях путь им предстоял небыстрый и нелегкий. На восток они двигаться не могли. Тверия, которая здесь называлась Тивериадой, была захвачена войсками Бейбарса, как и все берега одноименного большого озера, библейского Галилейского моря. Да и Цфат, который тут звался Сафет, постигла такая же участь. Открытым оставался только путь на запад по местности, разоренной врагами, но еще окончательно не захваченной, на которой должны были пока оставаться какие-то опорные пункты христиан. Впрочем, так считал Рене. Но и командир отряда тамплиеров едва ли обладал достоверной информацией. Потому что положение постоянно менялось. Одни враги уходили, но приходили другие.

Лошади медленно поднимались в гору. Когда они оказались выше нижних кедров, между верхушек деревьев открылся вид на дорогу, идущую с востока. По ней как раз двигалось вражеское войско. Их разделяло по прямой не более трех сотен метров кедровой поросли. И Григорий неплохо рассмотрел армию Халеда.

Христианам-крестоносцам в Леванте доводилось сражаться с разными вражескими армиями. С момента создания государства крестоносцев, благословенные библейские земли, за которые не прекращалась борьба, пытались взять под свой контроль бедуины, египтяне, турки, курды, персы и даже монголы Великой Орды, добравшиеся и до этих мест. Но, всех врагов христианской веры крестоносцы Леванта называли собирательным именем: «сарацины».

Хотя сам Бейбарс и придавал большое значение укреплению армии, постоянно тренируя своих бойцов на нильском острове Рода, но это не значило, что и другие вожди мусульман относились к организации военной службы в своих собственных отрядах столь же

серьезно. Потому армия шейха Халеда выглядела достаточно разнородной. Вместе с тяжелыми профессиональными всадниками на лошадях виднелись и бедуинские всадники на верблюдах, за ними ехали легкие конные лучники, а сзади шла наемная негритянская пехота, набранная откуда-то из Африки. Основной ударной силой являлись боевые рабы, которых называли «мамелюки». Это были профессионалы, вооруженные и снаряженные для боя не хуже рыцарей из Европы. Сам султан Бейбарс происходил из этого сословия. Но в войске Халеда таких имелось не слишком много.

Горный отрог изгибался, а тропа поднималась все выше и выше, и вскоре Григорий и Адельгейда выехали на каменную площадку, откуда открывался вид между понижающихся отрогов на замок Тарбурон и склон перед ним. Отсюда хорошо просматривалось сражение, которое уже началось. Камни и арбалетные болты обрушились на головы врагов, когда те неосторожно приблизились к подножью предгорного холма, на котором стояла полуразрушенная крепость. В рядах неприятеля поднялась паника, чем тут же воспользовался отряд рыцарей, выскочивший из засады. Перед атакой им раздали большие щиты и копья, отчего удар тяжелой кавалерии опрокинул треть сарацинских всадников, а негритянская пехота, тащившаяся сзади, не успевала поддержать головной отряд, попавший в ловушку. Но, исход сражения не был предрешен, потому что по дороге подходила вторая часть войска шейха.

Убедившись, что их никто не преследует, Григорий спешил к девочке, осторожно снял ее с седла. Он попытался объяснить Адельгейде, что, если они будут ехать так медленно, то сарацины непременно догонят их. А потому ей необходимо переодеться и сесть на лошадь нормально, обхватив ее ногами. Только вот, незадача. Девочка не желала следовать его совету. Он уже и не знал, как ее убедить, когда малышка внезапно предложила, коверкая слова старофранцузского:

— Я хотеть ехать, как отец возить меня.

— А как это? — спросил Григорий.

Она потянулась ручками к седлу его коня и показала, что хочет, чтобы Родимцев держал ее впереди себя. Антоний, конечно, выглядел крепким конем, но Григорий жалел его и совсем не хотел, чтобы животное несло лишнюю ношу. Он решил для себя, что когда они достаточно отъедут от замка и сражения, разразившегося под его разрушенными стенами, то пойдут пешком для того, чтобы побереечь лошадей. Но, пока ему пришлось согласиться на условия девочки, которая оказалась очень настойчивой. Привязав уздечку второй лошади к своему седлу, Григорий посадил немецкую девочку перед собой, боком, в той же позе, в какой она сидела сама на лошади. Теперь Гриша крепко держал Адельгейду левой рукой, а правой управлял конем. И они поехали немного быстрее. Хорошо еще, что девочка была тощей, а рыцарское седло оказалось достаточно просторным.

Солнце уже стояло достаточно высоко в ясном небе и сильно припекало. Григорий и без того постоянно потел под гамбезоном, а, прижимая к себе Адельгейду, ему делалось совсем жарко и хотелось раздеться. Но, он отчетливо понимал, что раздеваться никак нельзя. Он вспомнил, как носил бронежилет и каску на такой же жаре еще в Афганистане. Там ему, как командиру взвода разведчиков, тоже приходилось таскаться пешком по жаркой местности и по горам, где техника пройти не могла. А имущество, оружие и боеприпасы он и его бойцы тащили на собственных спинах. Если удавалось раздобыть лошадь, то это считались тогда просто роскошью. Ее нагружали и вели за собой по горным тропам, но почти никогда не ехали верхом. Кольчуге, конечно, было далеко до бронежилета по

прочности, но, тем не менее, она могла защитить от стрелы на излете, как и от не слишком сильных колюще-режущих ударов. Белый тамплиерский плащ прикрывал спину и круп коня от солнца. А шлем в виде железной шляпы оказался довольно удобным в дороге тем, что его поля создавали хоть какую-то тень, падающую на лицо.

Чтобы шлем не нагревался, Григорий повязал на него сверху белую тряпку, найденную в собственных седельных сумках. Он видел на каких-то старинных гравюрах, что рыцари применяли подобные «чехлы», обматывая шлемы какими-то накидками. Родимцев помнил, что именно от таких железных шляп, как у него, произошел знаменитый испанский шлем морион с гребнем. Правда, с четырнадцатого века подобные шлемы носили, в основном, пехотинцы. Его же боевая шляпа гребня не имела и походила, скорее, на немецкий айзенхут. Она неплохо защищала от ударов сверху, как он уже и сам убедился.

Чтобы солнце не напекло голову и девочке, Григорий кое-как уговорил ее накинуть капюшон от монашеской рясы. Еще он время от времени заставлял Адельгейду отхлебывать нагретую воду из бурдюка, взятого с собой, чтобы она не получила тепловой удар. Потому что нельзя было допустить обезвоживание организма на такой жаре. Гриша знал, что в столь жарком климате взрослому человеку рекомендуется выпивать в сутки не менее пары литров жидкости, а ребенку — чуть меньше.

По дороге Родимцев постоянно осматривался, опасаясь попасть в какую-нибудь засаду, опытным взглядом военного разведчика он замечал места, где врагам было бы удобно установить пулеметы, или даже арбалеты, чтобы простреливать тропу. Но, никаких пулеметов тут, к счастью, не имелось, мины тоже еще не изобрели, и им с Адельгейдой пока везло. Они успешно преодолели подъем по краю отрога, и к полудню впереди показался невысокий перевал. Там, судя по примитивной карте, кое-как нарисованной Дюрфором гусиным пером, находился постоялый двор. Едва завидев постройку, Григорий спешился и повел лошадей за собой. Снаружи людей не виднелось. Зато у тропы, которая в этом месте расширялась, лежал вниз лицом чей-то несвежий труп, раздутый и поклеванный воронами.

Адельгейда вздрогнула. Она вспомнила, что однажды уже проезжала здесь. Когда ее спас из лап сарацин, торгующих рабами, посол тевтонского ордена, пожилой рыцарь Вильгельм фон Гетцендорф. Посол проезжал со своей свитой в сторону той самой злосчастной долины, в которой жили люди ее народа. Гетцендорф просто выкупил девочку у работорговцев за золото. Она видела, как он отсчитывал несколько золотых монет бородавтому караванщику, который был достаточно добр к ней, потому что не насиловал ее и не калечил, как других христианских девочек, угнанных в рабство. Скорее всего, он просто рассчитывал продать Адельгейду подороже, не каждый же день торговцу людьми попадаетея дочка барона.

Тевтонский посол старался договориться, чтобы сарацины оставили немецкое поселение в долине в покое, и дали возможность проживать немцам дальше на этом месте, просто выплачивая налоги не христианским правителям, а мусульманским. Но, что-то пошло не так. Сарацины разозлились и убили всех жителей, зарезав всех мужчин и некрасивых женщин, а красивых девушек и детей угнав в рабство. Самого посла, который защищал людей до последнего, распяли на кресте. Ей же чудом удалось вырваться, получив удар от охранника саблей по лицу.

Она потеряла сознание, а крови из ее раны на лице натекло очень много, и Адельгейду сочли мертвой. Она не знала, сколько пролежала там, но когда пришла в себя, то в маленькой долине остались одни трупы. Сарацины ушли, но она очень боялась, что они

вернутся. Потому она спряталась в нору под мельницей и просидела там вместе с крысами, боясь высунуться наружу непонятно сколько времени. Пока, как ей казалось, не сошла с ума от боли и страха. Адельгейда даже плохо помнила момент, когда ее спасли тамплиеры. И она до сих пор не могла до конца прийти в себя. Ведь все эти ужасы и еще многие другие, которые произошли с ней до этого, стояли у девочки перед глазами.

Внутри маленького постоянного двора кто-то находился. Во всяком случае, там стояли четыре лошади, на попоне одной из которых Григорий разглядел крест. Потому он принял решение немного отдохнуть. Тем более, что подъем дался ему не слишком легко. Под гамбезоном все тело взмокло от пота, а стальная шляпа, несмотря на тряпку, намотанную сверху, так нагрелась, что грозила тепловым ударом. Да и поесть им не мешало бы. Хотя в седельные сумки, которые капеллан распорядился повесить на пегую лошадку, сержанты и положили что-то из еды, вроде арабских лепешек и вяленой конины, обедать всухомятку Григорию совсем не хотелось.

Отправляясь из замка Тарбурон, Григорий думал, что на дорогу ему выдадут какие-нибудь командировочные. Но, с деньгами для простых братьев все обстояло слишком скромно. Они должны были оправдывать название ордена бедных рыцарей, побираясь в пути. Ведь Господь все, что нужно, пошлет, а если не пошлет, значит, оно и не очень-то нужно. И никакие деньги им не выдавались. Существовало распоряжение магистра о том, что если после смерти у брата-рыцаря в вещах найдут деньги, то хоронить его станут за пределами кладбища, как самого нищего и безродного. Потому братья-рыцари были беднее даже сержантов, которым орден исправно выплачивал жалование.

Зато при поступлении в орден рыцарь дарил ему все свое имущество, отчего орденская верхушка богатела неимоверно. А еще по всей Европе постоянно в пользу ордена собирались немалые пожертвования, которые тоже никак не доходили до простых братьев. Хотя орден тамплиеров и считался самым богатым, орденское руководство обеспечивало своих рыцарей едой, кровом, конями, амуницией и вооружением, но только не деньгами. Все это напоминало Грише какую-то секту. «Впрочем, а что такое монашеский орден, как не узаконенная секта?» — подумал он.

У Грегора Рокбюрна имелись всего две серебряные монеты, тщательно припрятанные на дне седельной сумки под бельем. Григорий вынужденно вытащил их и сунул в маленький кармашек, нашитый на обратной стороне орденского сюрко. Спустив девочку на землю с седла, он привязал лошадей в тени под навесом у коновязи. Но, конюха нигде видно не было.

Когда они вошли на веранду трактира, расположенного на первом этаже каменного двухэтажного здания, там сидели четверо воинов. По виду двое были мирскими рыцарями, а двое других — их оруженосцами. Почему эти люди с крестами на одеждах пустились в опасное путешествие по землям, формально занятым неприятелем, а на самом деле пустым и разоренным, Григорию еще только предстояло выяснить. Но, он не видел врагов в этих людях. Во всяком случае, кресты на их одеждах говорили об этом. Потому, держа девочку за руку, он смело подошел к стойке полноватого немолодого трактирщика.

— Эй, тамплиер, чего ты здесь ищешь? — неучтиво окликнул Григория один из сидящих, который выглядел постарше остальных, здоровый седоватый мужик лет сорока.

— Еду ищу, — коротко бросил Грегор.

— Здесь милостыню не подают, — сообщил спутник седого, рыцарь лет тридцати пяти.

— Я и не прошу, — сказал Грегор.

Он вытащил один из серебряных кругляшей и положил перед трактирщиком.

— Уходили бы вы отсюда, мессир. Видите, мои гости сильно пьяны, — шепотом поведал хозяин заведения.

Наверное, следовало бы последовать его совету. Но, Адельгейда сказала с непосредственностью маленького ребенка, уловив носиком вкусный аромат свежего бульона:

— Суп. Я хотеть суп!

Трактирщик забрал монетку, налив им по большой глиняной миске бульона и выдав по кругляшу свежего хлеба. Никакой сдачи он не дал. Впрочем, упрекать торговца Григорий не мог, потому что совсем не ориентировался пока в здешних ценах. А ничего похожего на меню в заведении не наблюдалось. Адельгейда помочь ему тоже ничем не могла, ведь она росла в баронской семье на всем готовом, и сама ничего никогда не покупала. Чувствуя себя дурачком, которого можно легко обвести вокруг пальца, Родимцев отнес еду к пустующему столу на веранде, и они с Адельгейдой, усевшись на лавке, с удовольствием приступили к еде в прохладе тени навеса, хлебая бульон грубыми деревянными ложками.

В разгар трапезы снаружи послышался шум и конское ржание. Лица обоих рыцарей, сидящих напротив, сразу вытянулись и побледнели. Григорий обернулся и понял, почему. В постоянный двор въезжали сарацины. Шесть всадников. Должно быть, передовой дозор все того же Халеда, который все же отправили для проверки тропы, ведущей на перевал.

— Быстро прячься! — сказал Григорий Адельгейде.

Девочке два раза повторять не пришлось. Сарацин она уже и так боялась до дрожи. Проворно, словно маленькое животное, она приподняла подол своей рясы и юркнула в дальний угол трактира, спрятавшись где-то внутри помещения. Григорий поднялся с лавки и отошел в тень, затаившись за широкой деревянной опорой навеса. Он и сам не заметил, как одним быстрым движением выдернул меч из ножен. Похоже, боевые рефлексы Грегора Рокбюрна работали. И это немного обнадеживало, потому что сам Родимцев, конечно, никогда на мечах не дрался. Он знал, что умение вести такой бой приходило постепенно и требовало постоянных тренировок. Рыцари учились этому искусству с детства и владели мечом на уровне рефлексов. И потому, наверстать навыки владения длинным клинком он сам быстро не смог бы. Но, Рокбюрн, похоже, владел мечом достаточно хорошо.

Всадники спешили. Это оказались загорелые сарацинские воины в кожаных доспехах, усиленных металлическими наплечниками и нагрудниками. Голову каждого из них покрывал стальной шишак. Молодые и неопытные, они сразу все вместе рванулись внутрь постоянного двора, вместо того, чтобы сначала забрать рыцарских лошадей и оставить кого-нибудь в карауле снаружи. Уверенные в себе, в руках витязи держали кривые сабли и небольшие круглые щиты.

Очевидно, они рассчитывали застать посетителей заведения врасплох и быстро перебить их всех, но не тут-то было. Седой рыцарь что-то негромко сказал, и его люди сразу вскочили, перевернув стол со всей едой в сторону неприятеля. Тут же начался бой. Длинные кривые сабли замелькали, пытаясь достать подвыпивших христиан, использующих свой опрокинутый стол в качестве небольшой баррикады. Никакого оружия, кроме мечей и кинжалов, у компании не оказалось. Они были без шлемов и не имели щитов, но решимость сражаться или погибнуть читалась в их взглядах. Разделившись по двое с каждой стороны перевернутого стола, христиане пытались противостоять нападению. И это вначале удавалось, но трезвые сарадины все же теснили пьяных гостей постоянного двора, когда в схватку решился вмешаться Григорий Родимцев.

Он вынул из ножен на поясе трофейный кинжал и решил действовать им левой рукой, вместо щита. Выбрав удобный момент, Гриша вышел из тени и, размахнувшись, нанес удар сзади мечом одному из атакующих. Наверное, это было совсем не по-рыцарски, но зато эффективно. Тяжелый клинок угодил сарацину по затылку, попав по стальной кромке шлема-шишака. Но, длинны и резкости размаха вполне хватило, чтобы враг полетел вперед и растянулся на полу, не двигаясь и разбив при падении еще и лицо. Удар в основание черепа вырубил противника.

Силы сторон тут же сравнялись. Пять прямых мечей замелькали в воздухе против пяти сабель. Но, успех способствовал сарацинам, и один из христиан, молодой оруженосец, вскоре получил удар острым кривым клинком по шее и упал замертво, разбрызгивая алую кровь. И теперь четверо сарацин теснили троих христиан к углу, успешно обходя препятствие в виде перевернутого стола.

А пятый, самый высокий из витязей, надвигался на Григория, прикрываясь своим круглым щитом, диаметром чуть больше обычного баклера. Его сабля, оттянутая назад и чуть опущенная, таила угрозу внезапной атаки. И тут нужно было выждать миг для удара, потому что этот вражеский боец, пожалуй, дрался лучше других.

Похоже, что он и был главным в небольшом отряде. Сражался высокий молча, в то время, как другие сарадины все время что-то визгливо орали на своем языке. А еще он обладал хорошей скоростью и каждый новый его удар походил на настоящий экзамен по бою с мечом против сабли. Незачет означал смерть. И Григорий это хорошо понимал. Он напряженно ждал, чтобы вовремя парировать атаку. Но, ждал и сарацин. Его карие глаза внимательно следили за каждым движением Грегора Рокбюрна.

Боковым зрением Григорий наблюдал и за тем, как продолжается бой по-соседству. Сарацины наступали, все больше оттесняя христиан в угол таверны. Седой рыцарь ревел, размахивал мечом и кричал что-то нечленораздельное, но его неуверенные движения говорили о том, что вина выпито им слишком много. Двое других, помоложе и потрезвее,

кое-как отбивались, парируя удары сабель своими мечами.

Но, Григорий понимал, что если христианам сейчас не помочь, то долго они продержаться вряд ли смогут. И он решил атаковать хитрым приемом. Улучив момент, он блокировал вражескую саблю, подставив свой меч поперек основания вражеского клинка, и одновременно шагнул вперед, поднырнув под правую руку сарацина. Родимцев давно заметил брешь на боку в металлических пластинах, нашитых поверх кожаной куртки противника, и резким коротким ударом всадил туда левой рукой свой кинжал.

Сарацин закричал от боли. Острая сталь кинжала вошла глубоко в область его правой почки. Григорий повернул рукоять и сразу почувствовал, что сумел победить этого противника. Умирая, сарацин ничего больше не мог сделать. Клинок его сабли был заблокирован мечом, а левая рука держала щит, оказавшийся бесполезным в этой схватке. Они несколько секунд стояли друг против друга, сойдясь вплотную, и Григорий видел, как глаза врага начинали стекленеть. Следующим движением Родимцев сильно оттолкнул противника, повалив его.

Оставив главного сарацина умирать на полу, он развернулся и атаковал остальных с тыла, захватив мечом по голове еще одного, который тоже упал. После чего численное преимущество уже получили христиане. Теперь их было четверо против троих. Один из сарацинских витязей повернулся навстречу Грегору, пытаясь сдержать атаку, а двое других больше не наступали, а лишь кое-как отражали удары троих подвыпивших гостей заведения, которые, почувствовав изменившийся расклад сил, тут же сами перешли в наступление из угла.

Рыцарь средних лет, который недавно сообщил Григорию, что милостыню в заведении не подают, сражался лучше других. Он достал одного из сарацин кончиком клинка по щеке. И загорелое лицо витязя обагрилось кровью. Наверное, от боли, он разъярился и попытался без всякой подготовки провести удар саблей в голову противника, не имевшего шлема. За что сразу поплатился, нарвавшись на удар мечом по кисти руки. Клинок рыцаря оказался неплохо заточенным. От резкого удара часть ладони вместе с саблей и пальцами, держащими ее, отлетели на пол, а из обрубка полилась кровь. Сарацин взвыл и закружился на месте, но рыцарь сразу добил его, ударив мечом по лицу и перерубив переносицу, отчего тот мгновенно умер.

Когда сарацинских витязей осталось всего двое, они поняли, что живыми уже вряд ли удастся уйти. Об этом говорило изменившееся выражение их лиц. А карие глаза сменили самодовольное и наглое выражение на взгляды загнанных зверей. Хотя они еще отбивались какое-то время, но исход схватки изменить уже не могли. Они встали спина к спине и продержались еще немного, но вскоре оба оказались зарезанными христианами. Одного из них умудрился убить седой, а другого зарубил мечом тот самый тридцатипятилетний рыцарь, который оказался лучшим воином из всей подвыпившей компании.

— Да, ты неплохо дерешься, тамплиер, — сказал он Грегору, вытирая окровавленный меч об одежду поверженного противника.

— Если бы ни он, Бертран, нас бы уже убили, — высказался седой, который, вроде бы, немного протрезвел во время схватки. Наверное, от вида крови.

— Да, Джерард, он троих срубил, признаю, — пробормотал тот, которого, оказывается, звали Бертраном. И добавил с бахвальством:

— Но, и я неплохо сражался. Отправил двоих на тот свет.

— Я Джерард де Луарк, а со мной племянник Бертран и его оруженосец Гильом. А мой

оруженосец Жильбер, к сожалению, пал в бою, — представился сам и представил своих седой. Потом добавил:

— Мы решили посетить Святую землю. Да застали здесь совсем не лучшие времена. Мы хотели навестить нашего родственника, моего двоюродного брата. Но оказалось, что сарацины уже разрушили не только его замок, но и разорили все земли вокруг. Теперь уносим ноги.

— Я, между прочим, лучший меч Луарка, — похвастался рыцарь помоложе.

По-видимому, этот человек любил прихвастнуть и покрасоваться лишней раз, чтобы оказаться в центре внимания. К тому же, он не был трезв, и его совсем не смущали трупы. Григорий, напротив, был удручен итогами схватки, потому что, во-первых, ему пришлось собственноручно лишить жизни трех человек. Пусть они и были враги, но все-таки люди. Смерть, сама по себе, его не пугала, ведь Родимцев был опытным бойцом, прослужившим целую жизнь, и теперь нечаянно начавшим служить уже во второй жизни в качестве рыцаря-тамплиера. Но вот так, мечом, ему до этого еще никого не доводилось убивать. Даже служа в Афганистане и убивая противников пулями, Родимцев всего однажды зарезал моджахеда ножом, когда нужно было срочно и очень тихо снять вражеский караул, а прибора бесшумной стрельбы под рукой не имелось. Да и поручить такое ответственное дело он не мог в тот раз никому из своих бойцов. Тогда так уж вышло, что ветеранов из его взвода отправили на дембель, а новички еще ничему почти не научились. Он сделал все успешно, как учил инструктор, но тот зарезанный душман потом долго стоял у Родимцева перед глазами. Но, никогда Григорий не попадал в такую близкую рукопашную схватку, чтобы в дело пошли клинки с обеих сторон. А во-вторых, Гриша знал, что это совсем не последние противники. За убитыми в любой момент могли приехать к постоялому двору и другие сарацины. Потому убираться отсюда следовало как можно скорее.

Какая-то шальная мысль пришла внезапно на ум Григорию. Он подошел к поверженному врагу, труп которого уже остывал, и, вынув из его бока окровавленный кинжал, быстро срезал им с золоченного пояса мертвеца тугой кожаный кошелек, оказавшийся довольно увесистым. Гриша заметил этот вражеский аксессуар еще во время схватки.

— Зачем берешь деньги, тамплиер? Разве Господь перестал помогать тебе? — насмешливо спросил Бертран, точно также в этот момент срезая кошелек с другого убитого сарацина.

— Господь меня не оставил, раз дал силы победить врагов, не получив ран, да еще и послал трофей, — в тон ему ответил Грегор.

— Так деньги — это же греховное искушение для таких, как ты. Братьям вашего ордена деньги иметь нельзя. Вам это запрещают. Потому, лучше отдай их мне, — не переставал подначивать рыцарь.

— Не беспокойся, Бертран, я собираюсь раздать нищим милостыню, а оставшееся пожертвовать на храм, — сказал Григорий.

— Знаю я вас, тамплиеров. Слышал уже все, что про вас говорят. Хитрецы вы, еще те. Вот, кого это ты с собой везешь? Маленького монашка? Или маленькую монашку? — не унимался Бертран.

— А тебе какая разница? — произнес Григорий.

— Так просто. Интересуюсь. И куда это тамплиер может везти ребенка? — задал подвыпивший рыцарь очередной глупый вопрос.

— Куда велели, туда и везу, — ответил Гриша.

Ссориться с кем-нибудь из христиан, а тем более с этим высоким и широкоплечим рыцарем, который неплохо показал себя в бою даже будучи пьяным, ему сейчас хотелось меньше всего. Все, чего он желал, так это поскорее забрать сироту и уехать с постоянного двора. А деньги, конечно, в путешествии пригодятся. На Господа, как говорится, надейся, да и сам не плошай. Потому, вытерев от крови меч и кинжал, и убрав клинки в ножны, Григорий заглянул в добытый в бою кошелек и увидел там блеск желтого металла. Дюжина кругляшей поблескивала настоящим золотом, а помимо них там имелось и серебро. Привязав трофейный кошелек к своему поясу и справив нужду, он пошел искать немецкую сироту, но, Адельгейда, как назло, куда-то подевалась. Наверное, она до сих пор где-то пряталась и не вылезала из укрытия, боясь, что бой еще не закончился.

Григорий заглянул под все столы в поисках девочки. Ее там найти не удалось. Но, слишком долго искать не пришлось, потому что она внезапно подала голос. Адельгейда оказалась сидящей на полу за прилавком, забившись в дальний угол, а трактирщик стоял перед ней, нависая над ребенком всей своей немаленькой тушей.

— Что тут происходит? — спросил Грегор, почувствовав недоброе.

— Мертвецы, лежат, там, — пробормотала Адельгейда, указывая куда-то назад своим маленьким пальчиком.

Григорий обернулся и, увидев за открытым дверным проемом медные котелки, подвешенные к стене, понял, что в той стороне находится что-то вроде кухни. Он шагнул в ту сторону, но ему внезапно перегородил дорогу трактирщик. Толстяк казался взволнованным и что-то пытался объяснить:

— Там совсем не то, что думает девочка. Просто сарацины здесь уже проходили. Вот и некуда класть трупы.

Григорий оттолкнул его с дороги и заглянул в помещение. Там действительно была большая кухня с плитой, с жаровнями и даже с примитивной мойкой. В корзинах лежали овощи, а в медных котлах на плите варилось мясо. Сначала Григорий подумал, что возле разделочных колод на досках лежат свиные туши, но, подойдя ближе, обнаружил, что это наполовину разделанные трупы людей, из которых хозяин и готовил для гостей свои «угощения». Пораженный этим страшным открытием, Гриша чуть не прозевал атаку трактирщика, который внезапно кинулся на него с топором.

Вовремя обернувшись, Григорий перехватил руку толстяка, и они схватились врукопашную. Но, трактирщик оказался неожиданно сильным, да и весовые категории были разными. И побеждал толстяк, прижав своим пузом Грегора к стене, когда на шум внезапно в кухню влетел Бертран. Недолго думая, рыцарь кинулся растаскивать дерущихся. Но, едва он увидел разделанные трупы, как тут же ударил трактирщика увесистым черпаком по затылку.

— Похоже, этот негодяй накормил нас человечиною, — пробормотал рыцарь.

— За этот грех он достоин смерти, — сказал Григорий, отдышавшись после медвежьей хватки трактирщика и вытащив меч.

На что хозяин постоянного двора, который быстро пришел в себя после удара черпаком, встал на колени и проблеял:

— Сжальтесь, добрые христиане! Еще Раймунд Ажилский свидетельствовал, что во время Первого крестового похода наши доблестные воины христовы потрошили пойманных нехристей, варили их в котлах, насаживали на вертела, поджаривали и съедали. И нет ничего

плохого в этом. Тем более сейчас, когда все вокруг разорено, а скотина угнана.

— Так что же эти трупы, которыми ты накормил нас, такие белые? На сарацин что-то мало похожи, — сказал Бертран трактирщику с упреком.

— Нет, мессир, это были истинные сарацины, свежие, убитые совсем недавно, — утверждал трактирщик.

— Умри же, людоед! — не выдержав дальше таких речей, Бертран снес голову трактирщику одним быстрым взмахом своего меча.

— Надо уходить отсюда! Здесь проклятое место! — воскликнул Григор.

Но Бертран не спешил уходить, сказав:

— Здесь могут быть и другие такие же людоеды. Вы езжайте, а мы еще задержимся и все осмотрим.

Возможно, Бертран действительно собирался выявить и покарать сообщников людоеда-трактирщика, если таковые имелись. А, может быть, подвыпивший рыцарь просто хотел помародерствовать. Но, Григория это мало волновало. Он вернулся к Адельгейде, взял ее за руку и повел к выходу. Девочка, похоже, так ничего и не поняла. А может, просто сделала вид, что не поняла. Григорий уже смекнул, что Адельгейда, что называется, была себе на уме. Сам же Родимцев, узнав, что бульон, которым их накормил трактирщик, сварен из человечины, хоть и не начал блевать, но отвратительное чувство надолго испортило ему аппетит. Впрочем, он не показывал своего омерзения перед девочкой. Делая вид, как будто бы этого неприятного эпизода и не происходило.

Прежде, чем ехать дальше, Григорий отвязал лошадей, напоил их и покормил овсом, взятым с собой. Рядом у коновязи стояли и лошади сарацин, убитых в схватке. Наверняка, они стоили недешево. Но, брать с собой какую-нибудь из этих лошадок в качестве запасной, Григорий не рискнул, хотя и имел законное право на трофей. На каждой из них имелось клеймо, и по лошадям убитых сразу становилось понятно, кто их убил. А, если они попадут в плен к сарацинам, чего нельзя было исключать, то этот факт явится отягчающим обстоятельством.

После обеда жара и не думала спадать. После относительной прохлады под навесом постоянного двора, на открытом месте солнце палило нещадно. Но, приходилось двигаться дальше. Горная тропа после перевала расширилась, превратившись в настоящую дорогу, и теперь они спускались вниз в обширную долину, совсем не похожую на ту маленькую и стиснутую с боков горами, запирая вход в которую торчал замок Тарбурон. Когда они наконец-то спустились с горы, солнце уже начало клониться к закату, делая тени длиннее. Но, на пути им по-прежнему никто не встретился. Даже покойники на этот раз не попадались. И, наверное, это было к лучшему.

Сидя в седле боком впереди рыцаря, Адельгейда ехала молча. Ее рана на лице свербела, но уже не болела так сильно, как раньше. Она все время хотела ее потрогать, но каждый раз вспоминала предупреждение старого капеллана, что рану трогать нельзя ни в коем случае, иначе та не заживет. И девочка каждый раз запрещала себе приближать руки к лицу, несмотря на то, что зуд был очень сильным, и рану постоянно хотелось почесать.

Рыцарь-тамплиер по имени Грегор, который спас ее и вез к добрым монашкам, немного напоминал Адельгейде отца. Хотя ее отец и был, конечно, совсем другим. Но, этот мужчина тоже производил впечатление очень надежного человека. И он уже смог защитить ее от опасностей, точно также, как ее всегда защищал отец, пока его не убили враги.

На постоялом дворе Грегор показал, что он отлично умеет сражаться, расправившись с тремя сарацинами, да еще и с настоящим людоедом. До этого Адельгейда думала, что людоеды бывают только в страшных сказках, которые рассказывала ей старая няня Бригитта из Швабии. Но, раньше Адельгейда считала, что и такие жестокие войны, как нынешняя, бывают тоже лишь в легендах и в песнях, которые рассказывали и пели миннезингеры, собираясь на праздники в замке ее отца. Да и все то, что произошло с ней самой, напоминало какую-то очень страшную сказку. Хорошо еще, что тамплиеры нашли ее и спасли.

Правда, Адельгейда помнила и то, что говорил ее отец про этих самых тамплиеров, называя их лицемерными плутами, но Грегор Рокбюрн не был похож на такого. Он во многом походил на настоящего рыцаря. И она все больше надеялась на то, что на этот раз, все же, с его помощью сумеет добраться до нормальных мест, где пока еще сохранилась власть христиан. А мессир Грегор благополучно проводит ее до монастыря на горе Кармель, где, наверняка, добрые вдовы-монашки окажут ей помощь и примут, как и обещал старый капеллан, вылечивший ее.

После всех несчастий, выпавших на ее долю, Адельгейда уже просто мечтала скорее оказаться за надежными стенами обители, где можно будет спокойно молиться и плакать, не скрывая своего горя. Она очень нуждалась в женском обществе и утешении. После гибели сестры, матери и их служанок некому было даже расчесать ей волосы.

Дорога спустилась вдоль горы длинной изогнутой лентой и наконец-то пошла ровно и гладко. Солнце уже почти коснулось линии горизонта своим нижним краем, когда они заметили впереди поселение. Грегор сказал, что надо спешиться, на что Адельгейда не возражала, потому что понимала, что конь по имени Антоний, на котором они ехали, уже очень устал их везти по жаре. И его надо бы покормить и напоить. Да и о запасной пегой лошадке по имени Эмма, которую подарил ей капеллан, тоже следовало позаботиться.

На краю деревни, на самой границе пшеничного поля стоял маленький крестьянский домик, покрытый соломой. Когда они подошли к плетню, огораживающему постройку, Григорий постучал по большому глиняному горшку, надетому на шест у входа, но никто не отозвался. Признаков жизни в деревне не было. Даже собаки не лаяли. Грегор прошел во двор и постучал в косую дверь, сколоченную из рассохшихся досок. Но, никто не отозвался и на этот раз. В жарком воздухе слышалось лишь гудение мух. Толкнув дверь посильнее, Грегор распахнул ее, но, заглянув внутрь, тут же закрыл снова.

— Там все мертвые, — сказал рыцарь.

И от этих слов Адельгейда поежилась под своей длинной монашеской рясой, хотя вечер выдался жарким и душным. Она понимала язык франков. Две из трех служанок ее матери, Алисия и Жозефина, происходили из франков и научили Адельгейду пониманию их языка. Но, говорила она на нем плохо, с трудом подбирая слова, хотя и могла кое-как донести до собеседника свою мысль.

Грегор осмотрел и следующий деревенский дом, и еще два других, но и там внутри тоже лежали трупы. Было похоже, что крестьян в этой деревне сарацины вырезали целыми семьями, а всю скотину угнали. Но, вскоре немного повезло. Рядом с пятым домом Адельгейда с Грегором набрали на огород, где на грядках оказались неубранные дыни и морковь. Теперь было, чем перекусить и накормить лошадей, которые свежую сочную морковь жевали с большим удовольствием.

А чуть дальше протекал небольшой ручеек. Совсем маленький и узкий, но с вкусной холодной водой. И, напоив лошадок, Грегор наполнил про запас еще и бурдюк. Солнце уже почти село. И деревенские постройки отбрасывали длинные тени. Тишина вокруг них казалась тревожной. Внезапный резкий звук заставил Грегора мгновенно положить руку на рукоять клинка, но оказалось, что это просто хлопнула на сквозняке дверь одного из домов с мертвецами.

На противоположном берегу ручейка, пространство оказалось выжжено. От деревенских домов там остались лишь обугленные остатки глиняных стен. Поле, которое располагалось дальше, тоже почти полностью выгорело. Сгорел и коровник. Внутри его обгоревших развалин, кроме трупов людей, валялись и обугленные туши домашней скотины, на которых сидели вороны. Солнце быстро заходило, но, несмотря на все увиденные вокруг ужасы, им нужно было где-то заночевать.

Взгляд Грегора упал на здание небольшой часовни, стоящее поодаль от остальных деревенских строений. Огонь прошелся снаружи, сжег траву вокруг и опалил штукатурку, но не причинил особого вреда самой каменной постройке. Ее стены выглядели достаточно крепкими, а высокая крыша осталась на своем месте. Даже крест все еще торчал наверху. Похоже, сарацины просто поленились лезть наверх, чтобы скинуть его. Дальше за часовней простиралось кладбище, а за ним было еще одно поле, вдоль которого вдаль уходила дорога. И больше никаких строений до самого горизонта не виднелось.

Ведя лошадей за уздечки, рыцарь и девочка подошли к часовне со стороны, противоположной входу. Но, когда обошли ее, то увидели, что там уже кто-то находился. Какой-то старик с седой бородой, опирающийся на палку, стоял у входа. Он был в длинном полинялом одеянии, похожем на монашеский балахон и в дорожной шляпе с большими полями и кормил морковкой серого ослика, стоящего возле дверного проема.

— Кто вы? — спокойно спросил рыцарь. Человек не вызывал у него чувства опасности.

— Я нищенствующий пилигрим, — ответил старец. И тут же поинтересовался:

— А вы кто, добрые люди?

— Я брат-рыцарь ордена храма, по заданию своего командира сопровождаю в монастырь сироту. Мы ищем пристанище для ночлега, — честно сказал Грегор.

Старик взглянул на Адельгейду внимательными серыми глазами и проговорил:

— Негоже тамплиеру разгуливать в компании с девочкой.

— А что же делать, если ее больше некому отвезти в монастырь? — произнес Грегор, как бы оправдываясь.

— Неисповедимы пути Господни, — сказал пилигрим. И добавил:

— Но, раз мы встретились на этом месте, то будем считать, что это провидение Господне свело нас здесь. Ведь ничего не происходит просто так. Любое событие земное имеет какую-то высшую причину. Разве не так?

— Наверное, — кивнул рыцарь, соглашаясь со странным стариканом.

— А раз так, то и наша встреча для чего-то нужна. Какой-то смысл в ней, определенно, имеется, — продолжал философствовать старик.

— И как же вас зовут, отец? — поинтересовался Григорий.

— Я монах, зовите меня просто брат Иннокентий, — представился пожилой человек.

— А я Грегор Рокбюрн, — представился рыцарь.

— Адельгейда фон Баренбергер, — сказала девочка.

— Ишь ты какая! Баронесса, значит? Гордыню я вижу в тебе, дитя мое, — беззлобно, но с укором произнес пилигрим.

Они вошли в помещение небольшого храма и обнаружили, что внутри двери выбиты и вынесена вся сколько-нибудь ценная утварь. Разграблена часовня была до такой степени, что не осталось ни то что распятия, а даже и алтаря, не говоря уже о подсвечниках, которые, наверняка, мародеры унесли первыми. Но, все же, внутри часовни еще можно было попробовать разместиться. Потому что в углу уцелели несколько деревянных лавок. А сама часовня вблизи оказалась не такой уж и маленькой, размером ближе даже к небольшой церквушке.

Григорий привязал лошадей к плетню, чудом уцелевшему от пожара. Со стороны входа ограда осталась, хоть и обгорела немного с внешнего края. Рыцарь достал из седельных сумок еду, которую организовал им капеллан на дорогу. Там оказалась вяленая конина, белый сыр, груши, яблоки и круглые хлебные лепешки, так что, пусть и скромная, но к ужину еда у них имелась. Григорий расстелил тряпицу и, накрыв на лавке, сделанной из неровных досок, импровизированный фуршет, пригласил старика разделить трапезу. Пилигрим не отказался, он уселся напротив и внимательно рассматривал молодого рыцаря и девочку, сидящую с ним рядом.

— Откуда вы, брат Иннокентий? — спросил Григорий.

— Я тоже из нищенствующего монашеского ордена, и в этом я чем-то сродни вам, тамплиерам. Только мы не воинствующие. Хотя у нас есть свои собственные методы борьбы со злом. Я принадлежу к францисканцам, к последователям Франциска Ассизского. Мы имеем право проповедовать вне стен храмов и просить пищу во время проповедей. А питаемся мы тем, чем пошлет Господь. Вот, как сейчас. Я ем вашу пищу, значит, Господь послал мне еду через вас. Да и вас мне послал зачем-то. Только не знаю пока, зачем именно. Но, уже вижу, что вы люди добрые, раз покормили меня, — сообщил старик.

— А если вас не захотят покормить, то что, голодными так и останетесь? — спросил Григорий.

Монах кивнул и сказал:

— Такое тоже случается, потому что добрых людей в мире все меньше. Слишком многие погрязли в грехах. И даже некоторые церковные служители попали под власть дьявольскую. Они забыли служение свое. И не подают бедным, а набивают свои карманы. Я путешествую и разное видел. Но, и Господь наш все замечает и учитывает. А потому воздастся каждому по заслугам его.

— И куда же вы направляетесь, брат Иннокентий? — задал вопрос Григорий.

— Я послан иерархами нашего ордена в эти края, чтобы оценить ущерб, понесенный

местными жителями от сарацин. И чтобы расследовать преступления и злодеяния, совершенные в этой местности. Сарацины тоже разные. И потому нужно выяснить, кто из них стоит за этими зверствами, чтобы запомнить и принять меры. А еще я должен в пути искоренять зло молитвами, бороться с нечистью, а также пресекать ереси, убеждая еретиков, если таковые мне встретятся, вернуться на путь истинной веры. Так что, действую я в интересах церковного правосудия и путешествую в этих краях не из праздного любопытства.

«Ничего себе, получается, что этот монах работает на инквизицию, хотя она, вроде бы, еще официально и не создана. Ордена иезуитов еще нет, но францисканца уже послали с подобной миссией. Не простой монах, однако», — подумал Родимцев, внимательно глядя на старика, который сразу предстал в новом свете. Григорий поинтересовался:

— И как же вы собираетесь бороться со злом и убеждать еретиков?

— Силой молитвы и Именем Господа! — ответил монах.

— Мы, храмовники, тоже стараемся бороться со злом, но не только молитвами, а и силой оружия. Добро, знаете ли, должно уметь себя защищать. А молитвы на врагов не особенно действуют, — возразил Григорий.

— Молитвы могут творить чудеса. Просто вы, тамплиеры, наверное, разучились правильно молиться, — высказал францисканец свое мнение.

Пока они ужинали и вели умные разговоры, солнце скрылось за горизонтом, и наступила южная ночь. В темноте громко запели цикады. Когда стало темнеть, монах вышел к своему ослику и вскоре вернулся с горячей свечой в руке. Как он зажигал свечу, Григорий не видел, но подозревал, что в седельных сумках ослика спрятаны отличные огниво и трут, а монах просто какой-то виртуоз розжига огня, раз Родимцеву даже не удалось услышать, как тот работает кресалом.

Как бы там ни было, они доели ужин при свете свечи и, достав из седельных сумок спальные принадлежности, одеяла и маленькие подушечки, улеглись спать на лавках. Григорий рассудил, что, несмотря на то, что двери часовни выбиты, неприятель незаметно не подойдет, потому что у самого входа стояли две расседланные лошади и ослик. А уж они гораздо более чувствительны к любому изменению окружающей обстановки. Значит, в случае приближения посторонних, поднимут тревогу ржанием.

Адельгейда заснула быстро, но ей снова приснился страшный сон. Она опять видела тот кровавый вечер, когда сражение во дворе манора продолжалось. Она видела, как под натиском сарацин пал усталый мессир Ульрих. И как ранили копьем отца, поразив его в правый бок между доспешных пластин. В тот самый миг он закричал своему младшему брату Эдварду, чтобы они уходили через подземный ход. И дядя, оставив прикрывать спину отцу всех своих арбалетчиков, сам поволок Адельгейду куда-то вниз по лестнице. В подвале они зажгли факелы, а дорогу показывали хозяйка манора и ее дочь. Они тоже бежали из осажденного дома, на этот раз навсегда.

Довольно долго они двигались в темноте. Но, к несчастью, подземный ход вывел их прямо к дороге, по которой в это время проезжали сарацинские всадники. Их сразу заметили и быстро окружили. Дядя Эдвард ничего уже не мог сделать, успев выстрелить из арбалета только пару раз перед тем, как всадники налетели на него с разных сторон и зарубили кривыми саблями.

Следом они убили пожилую хозяйку манора, а ее дочку и Адельгейду схватили, отобрали все вещи, связали руки и ноги, положили поперек седел и повезли куда-то. Это была самая ужасная скачка в ее жизни. Голова Адельгейды свешивалась с левой стороны

лошади, а ноги болтались с правой. Волосы волочились по дорожной пыли, едва ли не задевая за саму дорогу, а в лицо летела грязь из-под копыт. И она ничего не могла с этим поделать.

Адельгейда не знала, сколько прошло времени, но, когда сарацинские всадники привезли их к месту, где расположился караван бедуинов с верблюдами, она чувствовала себя едва живой. Пленниц побросали прямо на землю перед хозяином каравана, к которому обращались по имени Абу-Бадер. Это был толстый и усатый загорелый человек с маленькой редкой бороденкой. Лежа на земле, Адельгейда наблюдала, как он о чем-то спорил с воинами, которые привезли их, а потом вытащил из кошелька серебряные монеты и начал отсчитывать их.

Потом сарацинские воины, получив за пойманных христианок деньги, ускакали, а Адельгейда и дочка хозяйки манора Беатрис остались связанными среди верблюдов, вони и бедуинов в наступивших сумерках. Но, они не одни находились в таком положении. Пленных, которых вели в рабство, было очень много. Целая толпа. Среди них находились и девочки ее возраста, и девушки постарше, и молодые женщины, вроде Беатрис, там Адельгейда видела даже совсем маленьких детей, как девочек, так и мальчиков. Хозяин каравана приказал развязать Адельгейду, а потом дал ей напиток из бурдюка и даже угостил сочной грушей. Он долго рассматривал герб, вышитый на ее платье, при свете факела, а потом приказал своим людям, чтобы ей дали место в одной из повозок. И вскоре караван тронулся, несмотря на наступающую ночь.

Это была тряская телега с большими деревянными колесами, запряженная толстыми серыми волами. Кроме Адельгейды в повозке сидели еще восемь девочек ее возраста. Они выглядели очень разными. Со светлыми волосами и с темными, но мордашки у всех были хорошенькими. Только ни одной тевтонской девочки, кроме самой Адельгейды, среди них не оказалось. Чтобы пленницы не разбежались, телегу огораживала деревянная решетка. Беатрис же заставили идти пешком вместе с большинством пленных. А тех, кто отставал, погонщики с факелами били плетками.

Адельгейду Григорий уложил спать подальше от входа, в дальнем углу часовни. Он отдал свое одеяло девочке. Впрочем, он и не нуждался в одеяле. Было жарко, но Гриша не мог позволить себе даже полностью раздеться. Снял он только ремень с ножнами, шлем, подшлемник, наплечники и сапоги. Но, кольчугу снимать не решился, потому что не исключал возможности нападения врагов ночью. Меч он положил рядом с собой на достаточно широкой лавке под левую руку, с тем, чтобы схватить его правой, едва проснувшись, можно было почти мгновенно.

Засыпая, Григорий заметил, что монах не спит, а сидит на лавке в углу возле входа перед огоньком свечи и шепчет молитвы себе под нос. Свечной огонек был достаточно маленьким, и его отсвет вряд ли был заметен снаружи издали. Потому Гриша не стал делать старику замечание. Сам он очень устал за день и быстро заснул.

Проснулся он внезапно от какого-то звука, доносящегося снаружи. Маленькая свеча по-прежнему горела в углу, разрывая мрак ночи. Но, старого монаха в часовне не было. Григорий резко сел на лавке, сразу схватив меч. Он обернулся и, убедившись, что Адельгейда на месте и спокойно спит в углу часовни, немного успокоился и, обернув ноги портянками, натянул латные сапоги. Но звук, доносящийся снаружи, повторился, и Григорию он определенно не нравился. Это был странный отдаленный вой.

Григорий подумал, что, наверное, снова где-то завывали шакалы, пришедшие перекусить мертвечиной. Но, звук повторился, и он был другой, какой-то более низкий и хриплый. В ответ испуганно заржали у входа лошади и заголосил ослик. Рывком Гриша встал и направился к выходу. Уже на пороге часовни он понял, что шакалы тут ни при чем. Вокруг часовни выли какие-то неизвестные твари. И источников звуков было несколько. Они были где-то далеко, но завывания звучали жутко, лютый голод и злоба слышались в них.

К удивлению Григория, старый монах спокойно стоял снаружи перед входом в часовню. Монаха было хорошо видно в ночи, потому что вокруг него клубился беловатый подсвеченный туманчик. Так, обычно, светится газ на болотах. А тут, словно бы источником этого свечения был сам старик. Инквизитор опирался на посох и, казалось, внимательно вглядывался в ночь. Но, разве может человек видеть в темноте? А старик, казалось, видел.

— Они еще далеко, — произнес Иннокентий, заметив рыцаря.

— Кто это там воет? — спросил Грегор.

— Это вампиры. Те, кого поднимает некромант, становятся вампирами. Ты не знал об этом, брат тамплиер? Чтобы поддерживать свое существование, они должны пить живую кровь и есть живую плоть, — проговорил монах.

— Те самые вампиры из сказок, которые кусают людей за шею? А вы уверены, что это не какие-нибудь животные, вроде волков? — спросил рыцарь.

— Нет. Это точно вампиры, некромант из Магриба поднял их, — ответил Иннокентий и обернулся к рыцарю.

Григорию сделалось жутко, потому что глаза монаха светились в ночи, подобно тому, как светятся глаза у кошки, только горели они не зелеными огоньками, а желтыми. Старик явно находился в каком-то измененном состоянии. Не зная, что и сказать, Гриша пробормотал:

— Так, надо скорее бежать от этих тварей.

— Человеку никогда не убежать от вампира. Он настигнет. Вампиры бегают быстрее гончих. Даже на лошади от вампира трудно оторваться, — сказал монах.

Услышав такое, Григорию стало совсем уж не по себе. Он сразу вспомнил, что его дочка Леночка любила читать про вампиров книжки и обожала смотреть про них кино в подростковом возрасте. Соответственно, он, как родитель, был в курсе того, кто такие эти вампиры. Но, Гриша всегда считал подобных тварей лишь персонажами сказок. «Хотя, кто его знает, быть может, вампиры и существовали в тринадцатом веке? Дыма же без огня не бывает? Ведь, даже святая инквизиция тогда еще только начинала зарождаться, а великий инквизитор Томас Торквемада родится лишь в пятнадцатом веке. Значит, вполне возможно, что истребили всяких вампиров, некромантов, ведьм и прочую подобную нечисть на несколько веков позже», — подумал Григорий. Но, воевать еще и с мистическими тварями Родимцеву совсем не хотелось. Тем более, что в сказках они были невероятно живучими, а убить их могло только серебряное оружие. Потому он проямлил:

— Так, что же нам делать?

— Единственный способ противостоять вампирам заключается в том, брат-рыцарь, чтобы выманить их на себя и убить, — поведал старик. И добавил:

— Отойдем немного от часовни. Мы должны наблюдать за их приближением, чтобы не прозевать нападения. Они бросаются по одному. В стаи не собираются, потому что друг друга боятся. И в этом наш шанс.

И они отошли от входа в здание на пару десятков метров.

— Но, там же спит девочка! — воскликнул Родимцев.

— Это хорошо. Она и будет приманкой, на которую вампиры обязательно польстятся. Они очень далеко чувствуют запах жертвы. Для них девочки — это особенное лакомство, — зловеще проговорил пожилой францисканец.

Страшные звуки постепенно приближались из глубины ночи.

Монах походил на странную статую с подсветкой.

— Готовься встретить созданий тьмы, тамплиер, — сказал он.

— Что я должен делать? — спросил Григорий.

— То, что можешь. Молись Господу и бей мечом. Остальное я возьму на себя, — произнес старец.

Страшные завывания раздавались все ближе. Твари приближались с разных сторон. Судя по звукам, их было четверо. Левой рукой Грегор достал из ножен кинжал, которым уже убил сарацина.

Но, монах предупредил его:

— Учти, против этой нечисти простая сталь почти бесполезна. Нужно специально освещенное оружие или серебряное. Раны, нанесенные вампирам простым металлом, на них очень быстро затягиваются. Но, способ усилить действие обычных клинков тоже есть. Возьми это и натри свои лезвия перед боем, пока осталось время.

И монах протянул Григорию обыкновенный чеснок. Родимцев не стал спорить и последовал совету, сказав:

— Я тоже слышал, что вампирам не нравится запах чеснока и серебряное оружие. Говорят, что помогают еще и осиновые колья.

— Да, брат, колья тоже нужны. Но, их применяют уже для добивания вампиров, чтобы снять заклятье, наложенное некромантом, — объяснил Иннокентий.

В последний момент Григорий вспомнил про арбалет, лежащий в седельной сумке, и

спросил, может ли помочь метательное оружие?

— Попробуй, только болты чесноком обязательно нужно смазать, — сказал монах-инквизитор.

Григорий метнулся к седельным сумкам, сложенным на снятых с лошадей седлах, и достав оттуда небольшой арбалет, быстро намазал несколько болтов чесноком и зарядил оружие, натянув арбалетную дугу с помощью железного рычага с двумя крючьями.

Вой раздался гораздо ближе. И в лунном свете Григорий увидел силуэт твари, приближающейся к часовне. Тварь мчалась галопом, прыгая через препятствия. По виду это был полуистлевший мужчина в каких-то лохмотьях. Такие существа, кажется, в двадцать первом веке назывались не вампирами, а зомби. Сильно пригнувшись, восставший покойник помогал себе бежать еще и руками, подобно обезьяне. Скоростью перемещения он, действительно, не уступал лошади.

Родимцев неплохо стрелял из огнестрельного оружия, а стрельбой из арбалета только несколько раз баловался, когда навещал своего друга, реконструктора старинных побоищ. Потому он совсем не был уверен, что попадет с расстояния метров в сто, на котором тварь пока находилась. Григорий решил подпустить вампира поближе. Тварь быстро приближалась и все равно через пару мгновений пришлось стрелять.

Тетива щелкнула, и болт поразил зомби-вампира в плечо. Тварь взвыла, но скорость бега не сбавила. Перезарядить арбалет было некогда, Григорий кинул его на землю и снова выхватил из ножен меч. А странный старик инквизитор пока бездействовал. Он вытащил из-под своей рясы большой крест самой простой формы, без всяких украшений, сделанный из светлого металла, поблескивающего при луне начищенными гранями, и сжимал его за нижнюю длинную часть в правой руке, а левой по-прежнему опирался на свою палку.

Вампир приближался к часовне справа. И Григорий уже различал при свете луны и звезд его ужасный нечеловеческий оскал с длинными вампирскими клыками и злые глаза, светящиеся красным в глубине облезлых глазниц, как у боевого робота-терминатора, и жаждущие крови. Донесся и запах мертвечины. Лошади испуганно ржали и брыкались у коновязи, порываясь сбежать. Рыцарь поднял клинок и шагнул навстречу монстру.

— *Domine, exaudi orationem meam!* Господи, услышь молитву мою! — выкрикнул монах на латыни и добавил несколько непонятных слов.

Крест в его руках неожиданно вспыхнул ярким электрическим светом, словно бы весь крест был напичкан светодиодами. Из его концов появились три луча разного цвета. Из верхнего конца ударил зеленый луч, а из краев перекладины креста били желтый и белый. Родимцев успел подумать, что больше всего эти лучи похожи на лазерные, когда все три сфокусировались в точку на бегущей твари, и она, мгновенно вспыхнув, закружилась на месте.

— В атаку, брат! Бей нечисть мечом, пока она горит! — прокричал инквизитор-францисканец.

Григорий выполнил приказ, рванувшись вперед, и начал наносить удары по горящему существу. Страшный оживший мертвец корчился в голубом огне, похожем на пламя газовой горелки, и одновременно судорожно пытался парировать удары руками, стараясь поймать меч своими костяными ладонями, с которых давно сошла кожа. И вскоре Григорию удалось обрубить противнику все пальцы. Запах горелого трупа наполнял воздух.

То ли от огня, то ли от напора рыцаря, тварь начала отступать, отпрыгнула назад и жалобно взвыла, воздев вверх обрубки рук и защелкав клыками. Но, это оказался лишь

хитрый маневр. Когда Григорий приблизился, чтобы добить этого зомби-вампира, тот неожиданно прыгнул вперед. Но, изловчившись, Григорию удалось проткнуть тварь в прыжке насквозь. Клинок вошел в грудь твари между обгорелых ребер, и его кончик вышел из спины.

Хотя и это мало что дало, потому что нечисть все никак не хотела успокаиваться. Продолжая гореть, зомби-вампир пытался укусить рыцаря за руку. Но, левой рукой Григорий ударил сталью кинжала прямо в раскрытую пасть монстра. Кинжал был достаточно большим, широким и острым. Войдя между длинных зубов твари, клинок проник глубоко внутрь черепа, лезвие словно бы вспыхнуло снопом искр, а красные глаза внутри черепа погасли. И только тогда тварь успокоилась.

А монах в это время за спиной рыцаря уже вел бой со второй такой же тварью. Он точно также поджег ее своим крестом, а потом, в отсутствие рыцаря, сам колотил горящего вампира своей палкой-посохом. Григорий извлек оружие из останков нечисти и поспешил на помощь монаху. Но, старик колотил посохом так бешено, что довольно быстро раздробил зомби все кости, упокоив его самостоятельно.

С другой стороны быстро приближался еще один монстр, а другой одновременно с ним вынырнул из-за противоположной стены часовни. Громко читая молитвы, монах жег своим крестом того вампира, который напал слева. А Григорию пришлось встать на пути твари, которая рвалась справа к привязанным лошадям. Те по-прежнему бились на привязи и громко ржали, а ослик просто орал. Животные давно бы разбежались, если бы не были привязаны.

Приближающийся оживший покойник на этот раз выглядел получше. Во всяком случае, почти все мясо оставалось при нем. Да и ростом этот казался повыше прежнего. К тому же, еще его защищала и кольчуга. Но, тактика нападения оставалась той же. Монстр клал челюстями, выл, рычал и старался наброситься и укусить. Хотя это когда-то и был человек, но теперь, когда он стал зомби, повадки его сделались откровенно животными. Подобно собаке или волку, он старался наскочить на жертву и укусить ее за горло. Только рыцарь сделать этого с собой никак не давал. Он, как и в прошлой стычке, сначала обрубил вампиру руки. А потом перешел в наступление сам, прикрываясь от твари мечом и кинжалом и нанося ей удары.

После первого боя с нечистью Григорий уже не боялся вампира. Несмотря на то, что этого монстра монах не поджигал, Григорий предпринял атаку. И она удалась. Как и в прошлый раз, он изловчился и ударил кинжалом в открытый зубастый рот. После чего опять наблюдал, как после яркой вспышки, произошедшей внутри черепа, красные глаза монстра погасли и он упал к ногам рыцаря мертвым мешком с костями. К этому моменту монах тоже завершил свою схватку. Они снова стояли рядом. Станный монах, убийца вампиров, и странный рыцарь, пришедший из будущего.

— А ты и вправду не просто так здесь, брат тамплиер. Я сразу почувствовал, что Господь послал тебя. Но, не знал, для чего. Теперь вижу, что в помощь тебя послал Господь. Иначе, один бы я не справился, — произнес монах, когда немного отдышался после схватки. И глаза его по-прежнему горели желтым огнем, а крест в правой руке искрился электрическими разрядами.

Останки зомби-вампиров догорали в языках синего пламени, а над мертвой деревней и ее кладбищем стелился тонким слоем чуть заметно светящийся белесый туман. Но, другие зомби-вампиры, если они еще где-то поблизости и оставались, пока не атаковали. Да и воя

больше не слышалось.

— А что же остальные вампиры? Они будут нападать? Или сбежали? — спросил Грегор.

— Они затаились, увидев гибель подобных себе. Но, до рассвета есть время, значит, могут еще и напасть, — поведал монах.

— А после рассвета не нападут? — спросил рыцарь.

— От солнечного света создания тьмы сгорают, брат тамплиер, — объяснил францисканец.

Старик повернул голову на восток и направил взгляд своих светящихся глаз куда-то вдаль, всматриваясь далеко в глубину ночи.

— Вампиры уходят. Где-то там находится некромант, который создал их. Я почувствовал его темную силу. Он прощупывает пространство. Скорее всего, он тоже мог почувствовать гибель своих тварей и отозвать их. Но, быть может, он и не видел сражения. Он, все же, достаточно далеко от нас. А твари могли уйти сами, — сказал монах.

— Как? Как вы сделали крест оружием? — задал Родимцев вопрос, который мучил его. Ведь крест в руках монаха больше всего напоминал лазерный боевой излучатель с управляемой фокусировкой.

— Никому не говорите, брат. Это запретное оружие. Истинный Крест Животворящий, не распятие животворящее, а именно Крест. Древнейшая и редчайшая вещь. И я один из немногих, кто владеет тайной его, — ответил Иннокентий.

— По-моему, вы владеете еще и тайной свечения в ночи, да и ночным зрением, — сказал Григорий.

— Это как раз потому, что Животворящий Крест со мной. Он дает мне такие силы, — признался монах. И добавил:

— И Господь, конечно, помогает.

«Оказывается тут и какие-то древние артефакты еще существуют», — подумал Родимцев, не переставая удивляться. Впрочем, после его собственного «попаданства» в тринадцатый век, Гриша уже мало чему удивлялся. Особенно, после ночного сражения с нечистью.

— А у тебя, брат рыцарь, тоже кинжал не простой. Дай, я взгляну, — сказал францисканец.

Родимцев протянул монаху свой трофейный клинок. Тот взял его и внимательно рассматривал в электрическом свете своего креста, который он повесил на шею на длинной цепочке поверх рясы. Крест по-прежнему продолжал светиться в ночи. Только теперь свет его постепенно угасал, все больше напоминая свет фонарика с севшими батарейками.

Наконец Иннокентий проговорил:

— Так и есть. На лезвии древние руны. Взгляни сам.

И действительно, в свете, идущем от креста, как под ультрафиолетовой лампой, на лезвии проступали странные знаки, похожие на буквы давно исчезнувших алфавитов забытых цивилизаций, вроде древнеханаанейской письменности.

— И что это значит? — спросил Григорий.

— Это значит, что вещь очень древняя и запретная, как и мой крест. Старайся никому ее не показывать. Я не знаю, известно ли тебе, но Святой Престол борется не только с нечистью и ересями, но и с подобными древними вещами и книгами, дающими силу. Так что пусть это будет твоей тайной. И не удивляйся, если у тебя установится связь с этой

вещью, — загадочно произнес монах. Потом спросил:

— Где ты взял такой кинжал?

— Добыл в бою, — честно ответил Грегор.

В ту ночь поспать Григорию больше не удалось. Сражение с зомби-вампирами все еще стояло у него перед глазами. Впрочем, вскоре начался рассвет. И при первых же лучах солнца останки вампиров, действительно, как и говорил монах, вспыхнули голубым пламенем и сгорели почти мгновенно. На месте убитых тварей на поверхности земли остались лишь свежие выжженные пятна. Станным образом сгорела даже кольчуга, надетая на одного из зомби. Словно и не было вовсе ночной атаки мерзких тварей на часовню.

Хорошо еще, что несмотря на всю ночную заварушку, немецкая девочка спала крепко и даже не проснулась от воя вампиров, ржания лошадей, рева осла и шума схватки. Похоже, бедняжка очень сильно вымоталась за последние дни, раз так глубоко заснула. К удивлению Григория, монах после схватки прочитал молитву, задул свою свечку, прилег подремать в рассветной прохладе и тоже уснул. Родимцев поражался самообладанию и мужеству этого пожилого человека. Мало того, что монах путешествовал один по спорной территории, так еще и не боялся опасностей. Впрочем, с таким волшебным крестом, как у него, можно, наверное, и не бояться.

Между тем, пока девочка и монах сопели и видели сны, Гриша вышел из часовни и огляделся. Не обнаружив вокруг ничего опасного, он справил нужду возле чудом уцелевшего масличного дерева, умылся водой из ручья, а потом вернулся и присел на свою лавку, желая повнимательнее разглядеть необычный кинжал, который так нечаянно достался ему после боя у водополя. А сколько уже всего произошло с ним с тех пор!

Причем, самого этого сражения Родимцев по-прежнему не помнил, кроме того, что в том бою ему, то есть, еще тому прежнему здешнему Грегору, противник хорошо заехал палицей по шлему, вызвав, таким образом, странное явление «попаданчества» или, может, переселения душ, в результате чего сущность Григория провалилась с больничной койки через века и получила новую жизнь в теле молодого рыцаря-тамплиера.

Пытаясь постичь события двух последних дней, Родимцев гонял в голове мысли и одновременно рассматривал трофейный кинжал сантиметров тридцати длиной, который выглядел, вроде бы, самым обыкновенным. Металл его не был ни дамасским, ни булатным, никакой слоистости не просматривалось, хотя сталь казалась темнее обычной и очень прочной, во всяком случае, усилием рук хоть немного согнуть клинок не получалось. У основания ширина клинка составляла почти три пальца, а толщина не превышала одного. К острому концу клинок плавно сужался. Заточен он был неплохо. И все-таки, если не знать про руны, проявляющиеся на клинке при определенном освещении, то на вид кинжал почти не отличался от тысяч своих собратьев восточного изготовления.

Кинжал слегка походил на квилон, но не имел крестовины на рукояти и был не прямым, а слегка изогнутым на восточный манер. Хотя лезвие казалось менее кривым, чем у обычного арабского ханджара. Если квилон копировал рыцарский западноевропейский меч, являясь как бы его уменьшенной копией, то этот кинжал, скорее, копировал саблю и видом больше напоминал кинжалы народов Кавказа. Возможно он относился к изогнутой разновидности кабардино-черкесской камы с ромбическим сечением, чуть искривленной, но обоюдоострой.

На роговой рукояти имелся мелкий растительный орнамент, наполовину стершийся от времени. В небольшое навершие рукояти были вставлены с двух сторон довольно крупные

заклепки в форме шестиконечных звездочек из светлого металла, возможно серебряные, тоже потертые, а сталь клинка выглядела потускневшей. Ножны кинжала, обтянутые черной кожей, казались гораздо новее самого клинка.

Трогая это холодное оружие, Гриша пытался почувствовать нечто странное, какую-то связь с кинжалом, о которой говорил монах. Но, не чувствовал пока ничего, кроме того, что рукоять сделана добротно и удобно лежит в руке, хорошо соответствуя размеру ладони Григория. Огорошенный всем произошедшим, Родимцев рассуждал, пытаясь прояснить для самого себя ситуацию.

«Может быть, такое перемещение сознания произошло еще и потому, что тот человек, который ударил палицей, тоже был каким-то необычным? Ведь этот древний кинжал он, наверняка, носил не просто так. Скорее всего, знал о его свойствах и, может быть, умел и пользоваться ими. Но, жизнь ему это не спасло. Как говорится, на магический кинжал надейся, да сам не плошай. А он в том бою сплоховал. Ну, или я, то есть, Грегор Рокбюрн, дрался настолько хорошо, что и никакая магия вражине не помогла.

Прямо как в фильме «Пришельцы» с Жаном Рено получается, только наоборот. Не рыцарь попал в современность, а я попал в рыцаря. Да и маг тут какой-то боевой был, с палицей. Только в фильме рыцарь в своем теле сквозь время провалился вперед, да еще и вместе с оруженосцем, а я провалился назад сам с собой, да еще и в чужое тело попал. Но, наверное, это и к лучшему. Ну, что бы я здесь делал в своем прежнем виде дряхлого старика? А тут снова молод, бодр и полон сил. Да еще и с клинками неплохо умею обращаться, как выяснилось. Так что и отечеству смогу послужить.

Впрочем, где оно здесь, отечество мое? Киевская Русь, если только? Так, я-то здесь француз по национальности, да еще и тамплиер, католик значит. А иноверцев и инородцев на Руси точно не особо жалуют, война там с тевтонцами, с ливонцами, еще и монголо-татары до кучи. Да, и как добраться туда, если скорости передвижения тут лошадиные? Да и лошади должны отдыхать. И, даже, если доберусь за тысячи километров, что я там делать буду? Если только в наемники подамся. Но, их там и без меня, наверняка, хватает.

Там же в этом веке, на Руси, междоусобица и нашествие ордынцев. Александр Невский умер уже, а среди остальных русских князей ни согласия нет, ни доблести. Даже против всеобщей угрозы в виде орды не смогли они объединиться в единое государство. И, несмотря на иго орды, князья продолжают междоусобную борьбу друг с другом. Все это приводит к еще большему разорению и упадку, к гибели населения и к ослаблению всех русских территорий.

А историю изменить и прогресс ускорить, так это пока у меня все равно не выйдет. Потому что историю древней Руси, увы, знаю только из школьной программы. Кому надо помогать, не помню. Кто там был заметной фигурой после Невского? Не знаю. То есть, почти ничего конкретного не помню и не знаю про этот век на Руси, кроме самых важных событий, вроде ледового побоища, которое уже двадцать с лишним лет назад отгремело. Так что толку там от меня маловато будет.

А вот историей крестовых походов я последние пару десятков лет интересовался. Умных книжек много по теме прочел, потому и ориентируюсь здесь получше. И тут больше шансов начать влиять на события, потому что у меня уже есть кое-какой социальный статус. С нуля начинать вживаться не нужно. Рыцарь самого могущественного боевого братства, вот, кто я, как-никак,» — рассуждал Родимцев, решив пока не дергаться, а отдаться течению событий.

Его, конечно, несколько смущало то обстоятельство, что здесь присутствовали какие-то неизвестные факторы, вроде мистики и магии. В связи с этим, он сразу обратил внимание, что на месте удара на голове уже не осталось никакого следа. И никаких неприятных ощущений не осталось. Шишка полностью исчезла, как будто и не было ее. А ведь с того момента прошло довольно мало времени, меньше двух суток. Еще совсем недавно Григорий думал, что такая большая и болезненная шишка, наверное, останется на голове на всю жизнь. Теперь же она ни то что не болела, а полностью рассосалась.

Григорий подумал, что без магии не обошлось. Может быть, это странный кинжал уже, все же, начал как-то действовать на организм, например, ускоряя регенерацию тканей? Не случайно же монах-инквизитор сказал, что с древней вещью может установиться какая-то связь. Про всякие ментальные практики и оккультизм Родимцев тоже читал, конечно. Только не придавал значения всей этой эзотерике. Пока сам в нее нечаянно не окунулся на этой Святой земле. Тут уж во всякое поверишь поневоле, когда такие зомби-вампиры по ночам нападают, да людоеды, некроманты и магические инквизиторы кругом шастают.

Пока Григорий сидел, любовался кинжалом и рассуждал, Адельгейда проснулась и подскочила на лавке. Она вся дрожала. Похоже, что девочке приснился страшный сон. Ничего удивительного, если учесть, что творилось снаружи часовни, пока она спала. Родимцев понимал, что ей нужно справить естественные потребности после сна и умыться в уединении, потому поманил ее к выходу и повел к маленькому ручью, возле которого они вчера собрали на огороде морковь и две дыни, которые оказались совсем не сладкими, но сгодились в пищу ослику.

Вокруг все казалось внешне спокойным. Над Святой землей Леванта вставало солнце. Безоблачное небо предвещало очередной очень жаркий день и прозрачный воздух без малейшей дымки позволял обозревать дали. Чтобы не смущать девочку, Родимцев оставил ее за развалинами крестьянского домика, стоящего возле самого ручья, предварительно проверив место на наличие опасностей, но не найдя их. Сам же он собирал на огороде оставшуюся морковь, чтобы накормить лошадей завтраком.

Какое-то нехорошее предчувствие накатило на Родимцева. Он едва успел отнести морковь лошадям и ослику и начал кормить их, когда внезапно легкий утренний ветерок донес крики людей. И кричали не со стороны деревни, а очень издалека, со стороны гор, откуда они с Адельгейдой приехали накануне вечером. От часовни хорошо просматривалась развилка дорог, начинающаяся за деревенским кладбищем. Две дороги тянулись вдаль в разные стороны. Дальше справа продолжались поля, а слева на небольшом холмике виднелась масличная роща. Одна из дорог исчезала где-то за ней.

Отдаленные крики приближались с той дороги, которая шла с перевала, от постоянного двора к вымершей деревне. И Григорию показалось, что он уже видит в том направлении какое-то пыльное облачко. Похоже, что приближались всадники. К счастью, Адельгейда уже умылась. И Григорий буквально затащил девочку обратно в часовню. Монах тоже уже проснулся. И тоже слышал далекие крики.

— Так погоняют коней сарацины, — сказал старик.

Все очень быстро засобирались. Возможно, у них еще имелось немного времени до того, как облачко пыли на горизонте превратится в отряд врагов.

— По коням! Быстрее! — прокричал Григорий, хватая маленькую немку в охапку и усаживая на седло.

И они поскакали от развилки перед часовней в сторону рощи оливок. Григорий

надеялся, что вражеские всадники проедут мимо в сторону полей и не заметят их за оливами. Только быстро ехать они не могли, потому что сильно отставал ослик. А пыльное облачко стремительно разрасталось, приобретая узнаваемые формы. Григорий напряг зрение и увидел, что впереди скакал всадник на рослом гнедом жеребце, а за ним неслись несколько других на приземистых лошадях. Пожалуй, то был небольшой отряд, вроде того вчерашнего сарацинского разъезда. Ему даже показалось, что первого коня он вчера тоже уже видел у коновязи постоянного двора.

Всадники приближались. И Григорию стало ясно, что это погоня. Впереди от сарацин убежал христианин, потому что крест на попоне его коня уже можно было рассмотреть. Похоже, что от сарацин пытался ускакать тот самый рыцарь, который вчера помог Грише разобраться с людоедом. Родимцев чувствовал себя в долгу и сразу решил помочь.

— Там сарацины гонятся за парнем, которого я знаю. Мой долг помочь ему, — сказал Григорий монаху, спешившись и пересадив Адельгейду на пегую лошадку. Потом добавил:

— Вы затаитесь за рощей, а я поеду навстречу врагам.

И, вскочив в седло, Григорий пустил коня в галоп. Он еще никогда не сражался верхом, но был уверен, что рефлексy Грегора Рокбюрна помогут и в этом. И действительно. Ехал навстречу врагам он уверенно. Преследователей было пятеро. Заметив еще одного всадника, скачущего навстречу, они не стали поворачивать назад. Похоже, столь незначительное подкрепление беглецу их не пугало. Наверное, они были опытными кавалеристами.

И действительно, вскоре выяснилось, что эти сарацинские воины не чета тем, которые вчера полегли в трактире на постоялом дворе. Во всяком случае, эти выглядели значительно солиднее. На всех вражеских всадниках блестела чешуйчатая броня, а их лица закрывали шлемы со стальными личинами. И они догоняли. Беглец же, похоже, скакал из последних сил. И это на самом деле был Бертран из Луарка.

В руках преследователей, к счастью, не было копий, которые лучше годились для кавалерийской схватки тяжелых всадников. Но длинные сабли и достаточно большие круглые щиты у всех имелись. А это обстоятельство совсем не добавляло Григорию оптимизма. Ведь у него не было ни щита, ни даже закрытого шлема. Да и дрался Родимцев верхом впервые. Беглец уже приблизился достаточно, чтобы рассмотреть Грегора и узнать его. Он скакал без шлема, и ветер трепал его длинные волосы.

— Помоги мне! Я ранен! — закричал он.

И тут Гриша заметил, что из бедра рыцаря торчит стрела. Его черный конь, весь в пене, пронесся в паре шагов от Григория. И теперь Родимцев оказался один на пути пяти всадников между Бертраном и его преследователями. Прежде, чем ринуться в кавалерийскую схватку, Гриша успел придержать коня и оглянуться. Монаху и девочке все же удалось скрыться за оливковой рощей.

Внезапно холодная ярость поднялась внутри Грегора. Он не стал дожидаться, когда сарацины на него налетят и затопчут, а сам, вынув меч из ножен и подняв его над собой, рванул коня в галоп, ушел с середины дороги и начал атаку с фланга, внезапно налетев на врагов справа и рубанув мечом по шлему ближайшего с краю сарацина.

К удивлению самого Григория, его атака вышла удачной, а удар по вражескому шлему оказался столь стремительным и сильным, что сарацин не успел его парировать, а сразу свалился с седла, запутавшись в стремянах. И лошадь понесла его, волоча по дорожной пыли. От этого она через пару метров споткнулась и врезалась в другую вражескую лошадку, которая опрокинулась от удара вместе с седоком. Отчего число сарацинских всадников сразу

уменьшилось до трех, а бег их лошадей сбился. Они начали останавливаться и разворачиваться, проскочив на безопасном расстоянии от Григория. Ведь мгновенно остановить бегущего коня, а тем более с тяжелым всадником, невозможно. За это время Бертран успел оторваться от них. А сам Григорий проскочил к сарацинам в тыл.

Его конь Антоша оказался очень проворным и смышленным. Он сам, как будто бы знал, что следует делать в бою, быстро, насколько возможно, останавливаясь и разворачиваясь, повинаясь седоку. Антоний проявил себя самым настоящим боевым конем, выдрессированным на такие бешенные атаки с неясным исходом, как для коня, так и для всадника.

Развернувшись, Грегор снова пустил коня в галоп. Он в одиночку атаковал троих. Если бы у сарацин были копья, ему не поздоровилось бы. Но, к счастью, эти враги свои копья, наверное, где-то забыли. Сарацинские лошадки уступали Антону не только в росте, а и в весовой категории. Потому, когда всадники сшиблись, еще одна сарацинская лошадь упала вместе с седоком. Тут неожиданно сзади на врагов налетел Бертран, срубив еще одного противника. Оставшийся сарацин прикрылся щитом и попытался проскочить между двух рыцарей. Но, этот номер не прошел. Два меча обрушились на него с разных сторон. Удар Бертрана он парировал щитом, но удар Грегора парировать не смог. И, получив мечом сокрушительный удар по своей стальной личине, полетел наземь.

— А ты, оказывается, в схватке верхом еще лучше дерешься, чем пешком, — похвалил Григория Бертран. И добавил:

— Даже не думал, что тамплиеры так могут.

Поморщившись от боли, рыцарь из Луарка обломал древко вражеской стрелы, торчащее из своего левого бедра. От рыцаря исходил такой знакомый Родимцеву еще с армейской службы запах перегара. Сам Григорий никогда сильно алкоголем не злоупотреблял, но некоторые сослуживцы приучили его к этому «аромату». Хорошо еще, что не примешивался и запах курева, вперемешку с луком и чесноком. «Табак еще из Америки долго не привезут. Да и кальян в Индии еще не изобрели. Только ассасины уже курили гашиш в это время. Так что вот от кого пошла дурная привычка курения, конечно, от ассасинов!» — подумал Гриша.

Пока Родимцев на секунду задумался о происхождении курительной традиции, Бертран, преодолевая боль, слез с коня и, подойдя к упавшим сарацинам, начал безжалостно добивать их своим мечом.

— Эй, Бертран, не убивай их всех. Нам нужен пленник. Я хочу узнать подробности боя моих собратьев тамплиеров с войском Халеда, — сказал Григорий.

— Пощадите! Я быть вам пленник! — неожиданно запричитал последний из вражеских всадников, получивший от Грегора удар мечом в лицо. И только стальная личина спасла сарацина от смерти. Но, его нос все же был сломан, а все лицо кровоточило. Приподнявшись на локте, сарацин стащил с головы шлем и выплевывал осколки зубов. При падении с лошади он, похоже, сломал еще и ногу, и не мог встать. Сабля его валялась довольно далеко в стороне. И он сам уже вряд ли представлял какую-либо угрозу.

— Откуда ты знаешь наш язык, негодяй? — спросил Бертран, замерев с мечом в руке над раненым врагом.

— Мой мама быть в гареме отца. Мама знать язык франков. Папа ее купить у торговцев людьми, — пробормотал сарацин, коверкая слова старофранцузского.

— Что же твоя матушка не выучила тебя, болвана, правильно слова выговаривать? — спросил Бертран, по-прежнему нависая с мечом над пленным.

— Умереть мама, я ребенок быть, — поведал сарацин.

Всех остальных сарацинских всадников Бертран уже успел добить. Вероятно, рыцарь был очень зол за то, что они преследовали его и причинили рану.

— Мы сильно задержались на постоялом дворе. Но, там, после смерти того людоеда, обнаружилось столько выпивки и припасов, что не задержаться ну, никак не могли. Всю ночь пировали. А утром прискакали вот эти. Их больше было. Нескольких мы покромсали в стычке. Но и они зарубили, гады, моего дядю и оруженосца. Одному мне удалось прорваться к лошадям, так их два конных лучника охраняли. Я внезапно выскочил, вроде бы, обоих быстро срубил, но одного, оказывается, не добил. Вот он вслед мне стрелу и послал. И попал, подлец. Так что имею я право на кровную месть. Все по чести, — поведал Бертран, как бы оправдываясь. И все-таки, тщательно вытерев меч от крови об попону одного из коней поверженных врагов, убрал его в ножны, не став добивать последнего сарацина.

— Ладно, живи пока, — разрешил Бертран пленнику.

Наблюдая, как сочится кровь из бедра рыцаря, стекая по остатку обломанного древка и капая на дорогу, Гриша сказал:

— Вот что, Бертран. Тебе помощь нужна, а то кровью истечь можно. Я тут за это время одного монаха нашел, францисканца. Не простой старик. Думаю, он сможет помочь. Монахи нередко знают секреты целительства.

— Да, отличная мысль. Пойдем к этому монаху. Только трофеи сначала надо собрать, да пленника на лошадь положить, — сказал Бертран, несмотря на собственную раненую ногу, проворно нагибаясь и срезая вражеские кошельки. Это говорило о жадности рыцаря из Луарка.

— Не надо ложить, я сам ехать. Если помочь, — пробормотал пленник.

— Тебя как зовут? — спросил Григорий, рассматривая загорелого брюнета лет двадцати семи с небольшой бородкой. Глаза его были не карими, как у большинства сарацин, а серыми, по-видимому, их он унаследовал от матери-француженки, которая, похоже, попала в плен и сгинула в неволе какого-то гарема.

— Я Мансур, — ответил сарацин.

— Ну, тогда давай, Мансур, руку. Помогу тебе на лошадь залезть, — сказал Гриша.

Обнаружилось, что правую ногу сарацин сломал возле лодыжки. А, может, и не сломал, а просто вывихнул, отчего лодыжка и торчала под неправильным углом. Чтобы сказать точно, нужно было снимать с него сапог. «Это пусть монах разбирается,» — подумал Родимцев. Во всяком случае, на одной ноге стоять сарацин вполне мог, да и на лошади сидеть был способен. Вот только стонал все время, как баба, которая собралась рожать. Потому его допрос Григорий решил пока немного отложить.

Бертран подвел поближе к пленнику одну из сарацинских лошадей, уцелевших в схватке. Она подвернула левую переднюю ногу и хромала, но могла идти потихоньку. А вот убежать на ней Мансур никуда не мог. К тому же, рыцарь уже переложил на другую уцелевшую лошадь седельные сумки с нее, в которых могло быть и оружие. Также Бертран отобрал у сарацина кинжал и даже проверил, нет ли у него запасных клинков за голенищами сапог или где-нибудь еще.

Судя по всему, рыцарь из Луарка был не просто хвастливым пьющим балаболом, а действительно опытным бойцом. Он без лишних эмоций добил мечом двух лошадей, переломавших ноги во время кавалерийской схватки, чтобы они не мучились. Еще на двух уцелевших сарацинских лошадях рыцарь разместил трофеи, включая упряжь погибших лошадей и оружие, а также шлемы убитых сарацинских витязей. Клейма на низкорослых вражеских конях его не смущали. Но, возиться с трупами для того, чтобы снять с убитых еще и доспехи, он не стал. Конечно, все из трофеев представляло какую-либо ценность. Но, Григорию совсем не хотелось лишний раз заниматься мародерством. Тем более, без особой необходимости. Впрочем, Бертран сам неожиданно отдал ему два сарацинских кошелька из пяти со словами:

— На, тамплиер, заслужил. Пожертвуешь один на храм, а из другого раздашь милостыню. И пленника возьми себе вместе с его хромой лошадей. Делай с ним что хочешь. Мне он совсем не нужен.

— Меня зовут Грегор Рокбюрн, — наконец-то представился Григорий.

— Мое имя ты уже знаешь, Грегор. И я рад знакомству. Уже дважды ты выручил меня в схватках с врагами. Подобную помощь я очень ценю, — сказал Бертран.

С этими словами он протянул правую руку для рукопожатия. Такой жест и в это средневековое время был уже распространен среди воинов. Григорий пожал протянутую ладонь, широкую и крепкую, привыкшую работать мечом. Они уселись на коней и поехали в

сторону оливковой рощи. Позади на дороге остались лежать в пыли четыре человеческих трупа и два лошадиных. Вороны уже кружили в небе и громко каркали в ожидании пиршества. Пленник ехал на хромой лошади медленно, и оба рыцаря вынужденно тащились в таком же темпе, разговаривая.

— А что этот монах-францисканец тут делает? — поинтересовался Бертран, пока они ехали.

— Он сказал, что оценивает ущерб, понесенный местными христианами, — поведал Григорий.

Рассказывать Бертрану про нечисть ему не очень хотелось. Зачем же пугать хорошего человека? Тем более, что он рыцарь мирской, гость на Святой земле, и о тайной стороне дел церковных, монашеских и тамплиерских имеет слабое представление.

— Интересно, для чего? Римский папа компенсацию им, что ли, выплачивать собрался? — удивился Бертран.

— Не знаю. Вот сам монаха об этом и спросишь, — честно сказал Гриша.

Вскоре они доехали до оливковой рощи. Маленький ручеек, петляя, бежал мимо нее. Возле воды на краю рощи стояло какое-то приземистое здание, похожее на амбар среднего размера. Они спешили возле самого входа, увидев у коновязи монашеского ослика и пегую лошадку Адельгейды. Но, при ближайшем рассмотрении, каменная постройка оказалась не амбаром, а маслодавильней. Посередине этого сооружения, похоже, очень древнего, находился примитивный давящий пресс, представляющий собой каменную ванночку с желобком для слива масла, которое выдавливали из оливок посредством каменного жернова, нанизанного на длинный и толстый деревянный рычаг. Рычаг поднимали, оливки насыпали в ванночку, а потом делали рычагом несколько движений вверх и вниз, чтобы выдавить масло. Главное в этом процессе было не забыть подставить заранее емкость для сбора масла под сливной желобок. Постройка, несмотря на всю свою древность, находилась в довольно неплохом состоянии. Война пока обошла ее, как и рощу оливок, стороной. Хотя и маслодавильня была брошена и разграблена, как и все остальное в этой местности, но, к счастью, еще не разрушена и не сожжена.

Когда Грегор и Бертран вошли внутрь, ведя под руки пленного Мансура, монах, сидя на рычаге, рассказывал девочке, сидящей на пустой бочке напротив, что-то из Библии:

— ...И жили допотопные люди по девятьсот лет. Адам прожил девятьсот тридцать лет. Сиф прожил девятьсот двенадцать лет. А Мафусаил дожил до девятисот шестидесяти девяти...

Адельгейда внимательно слушала, но появление рыцарей с пленным прервало рассказ старика.

— А вот и монах, — проговорил Бертран, едва переступив порог маслодавильни.

— Это брат-францисканец Иннокентий, а со мной рыцарь Бертран де Луарк, — представил их друг другу Григорий. И добавил:

— Бертран ранен стрелой в бою.

— А что за девчонка со шрамом? Похоже, я ее уже видел на постоялом дворе вместе с тобой. Не так ли, Грегор? — произнес рыцарь.

— Это малолетняя баронесса Адельгейда фон Баренбергер, которую я охраняю. Ее мне приказано сопровождать в монастырь кармелиток, — честно сказал Григорий.

— А этот сарацин зачем здесь? — спросил Иннокентий.

— Это Мансур, он мой пленник, — объяснил тамплиер.

— Ладно. Давай, брат Грегор, расстели одеяла на пол, а ты, Адельгейда, набери воду в миску. Сейчас попробую их полечить, — проговорил монах, взглянув на прибывших мужчин.

Обоих уложили на каменный пол поверх одеял. Монах начал с Бертрана, оголив на нем место ранения, осторожно потрогав обломок древка и обмыв кожу вокруг.

— Резать придется. Грегор, дай твой кинжал, он хорошо для этого подойдет, — попросил францисканец.

И, получив оружие, Иннокентий сжал его в руке и прочитал молитву. А затем, сделав быстрый и глубокий надрез, ловко извлек наконечник стрелы из раны. Сразу хлынула кровь, но монах не стал зашивать края. Вместо этого он туго перетянул бедро рыцаря приготовленной тряпицей и, достав из-под рясы свой большой крест из белого металла, больше похожего на платину, чем на серебро, приложил его к ране и начал что-то очень быстро шептать. Во время болезненной процедуры Бертран стиснул зубы, но не проронил ни единого звука. И, странное дело, но через несколько минут кровь перестала вытекать. То ли с помощью своего креста, то ли с помощью странных молитв, но монах заговорил ее. Кровотечение остановилась, а края раны не просто сошлись, а выглядели даже слегка поджившими.

— Все. Теперь лежи и не шевелись, мессир Бертран. А лучше поспи, — порекомендовал старик и перешел ко второму страждущему.

Он посмотрел на ногу Мансура и сказал:

— Я вообще-то нехристей не лечу. Но, раз ты пленник брата-храмовника, то сделаю исключение.

Иннокентий разрезал кинжалом сапог сарацина, снял его, а потом резко двумя руками дернул его лодыжку на себя. Отчего несчастный заорал громче осла, но быстро затих, потому что боль его сразу уменьшилась. Монах просто вправил вывих.

— Тебе тоже надо полежать, — сказал монах сарацину.

— Пусть лежит, но мне нужно его допросить, — сказал Грегор, забрав свой кинжал у францисканца. И начал спрашивать:

— Чем закончилось сражение у замка Тарбурон?

Сарацин отвечал охотно. Видимо Мансур был доволен, что ему подлечили ногу. Кое-как складывая в цельную картину обрывки фраз, которые был способен выдавать пленник на старофранцузском, Григорий понял, что положение после сражения неоднозначно. По словам Мансура получалось, что тамплиеры атаковали из засад два раза и многих убили. Прорваться в долину сарацины так и не смогли.

И потому шейх Халед вынужденно отступил к водопою и разбил там лагерь. Он не собирался никуда уходить, потому что эту долину и замок ему пожаловал сам Бейбарс. Тем не менее, сарацины Халеда не могли войти в долину, потому что это грозило им слишком большими потерями. Но, и тамплиеры не могли из этой долины выйти. Потому что по единственной узкой дороге, перегороженной вражескими копейщиками, возможности вырваться не имелось. Отряд оказался запертым в долине. И, если бы в самой долине, или в замке Тарбурон имелись припасы, то тамплиеры могли бы там довольно долго продержаться. А так получалось, что отряд Рене Дюрфора попал в ловушку. И, в случае достаточно длительного пребывания сарацин у входа в долину, тамплиеры рисковали просто умереть с голоду.

Конечно, кое-какие припасы у них имелись. Но, вряд ли они привезли с собой в крепость провизии больше, чем на неделю. Если учитывать лошадей, которых им придется

пускать под нож, когда кончится другая еда, то, в лучшем случае, смогут продержаться до месяца. Значит, Григорию нужно было торопиться не только доставить девочку на гору Кармель, но и как можно скорее добраться до командорства ордена, чтобы доложить о тяжелом положении отряда. И тогда, разумеется, орден вышлет на помощь войско, чтобы ударить по лагерю Халеда, разблокировать вход в долину и выпустить своих братьев из ловушки, куда они сами себя так неосторожно загнали. А еще получалось, что сам Гриша в эту ловушку не попал лишь чудом, благодаря вот этой самой немецкой девочке, которую так неожиданно командир отряда приказал ему отвезти в монастырь.

Еще Мансур рассказал, что время от времени Халед высылает небольшие разведывательные отряды, которые рыскают по окрестностям и контролируют территорию. И, конечно, то, что уже второй отряд, посланный в направлении постоянного двора, находящегося на перевале, не вернулся очень Халеда насторожит. И шейх в любой момент может приказать выслать в эту сторону большие силы, а не нескольких всадников-разведчиков. Значит, тем более, нужно было убираться отсюда как можно скорее.

А они, напротив, задерживались. Например, Бертран после лечения заснул и громко храпел среди маслобойни, а монах с Адельгейдой сидели снаружи на деревянных колодах в жидкой тени оливковых деревьев. Старик продолжал рассказывать девочке библейские сказки про допотопные времена, а маленькая баронесса с удовольствием слушала. Между тем, судя по положению солнца на небе, время неумолимо двигалось в сторону обеда.

Григорий обратил внимание, что лошади у коновязи прядут ушами, к чему-то прислушиваясь. Он, конечно знал, что лошадиные уши редко бывают совершенно спокойными. Они постоянно сканируют пространство, вслушиваясь в каждый новый звук. Для лошадей жизненно важно вовремя угадать опасность. Ведь они способны побеждать хищников только быстрым бегом. Конечно, еще есть копыта, которыми можно врага ударить. Но, они на самый крайний случай, когда другого выхода уже не будет. А главный козырь лошади — это быстрый бег. Потому, если лошадь к чему-то внимательно прислушивается, то и всаднику стоит обратить на этот факт внимание.

Посещая конный клуб вместе со своей дочкой, Родимцев знал, что просто так лошадь не будет беспокоиться и поворачиваться в сторону источника звука, желая в него вслушаться. Но, сам он пока ничего не слышал. Хотя лошади наострили уши и недвусмысленно повернулись на запад, в сторону, противоположную перевалу. Они явно что-то оттуда слышали и пытались понять, представляет ли новый звук опасность. Даже ослик монаха повернулся в ту сторону. Что-то, определенно, приближалось с запада.

Серьезно восприняв настороженность лошадей и ослика, рыцарь тоже напряженно всматривался в сторону запада. Оттуда по дороге в направлении оливковой рощи скакали какие-то всадники. И на этот раз приближался действительно большой отряд, причем, всадники держали в руках длинные копья. Против таких с одним мечом не повоюешь. Впереди тяжелых рыцарей ехали конные разъезды легких лучников.

Григорий уже собрался поднимать тревогу, когда заметил, что на каждом копье развеивается какой-нибудь флажок. Эти длинные копья с флажками делали отряд хорошо заметным издали. Поскольку Грегор Рокбюрн имел отличное зрение, кресты на вымпелах он разглядел довольно быстро. Едва начав нервничать, Родимцев сразу успокоился. По дороге приближались не враги, а христиане. И даже не отдельный отряд, а целое войско никак не меньше батальона. Гриша вернулся на маслобойню и сообщил новость своим нечаянным спутникам.

Вскоре к масличной роще подъехал авангард из конных лучников-наемников, набранных из местных жителей, и десятка рыцарей с копьями. На щитах у всех красовался посередине большой красный крест, по углам которого на белом фоне пристроились четыре маленьких крестика. Григорий сразу узнал герб Иерусалимского королевства. Хотя сам Иерусалим крестоносцы давно утратили, но официально христианское королевство Леванта все равно именовалось в честь священного города. Значит, войско послали не просто так. Власть все же еще не была окончательно дезорганизована и имела какие-то свои планы. Григорий надеялся, что рыцари едут, чтобы выступить против армии шейха Халеда и, конечно, помогут разблокировать замок Тарбурон, чтобы выпустить тамплиеров из ловушки.

Всадники все пребывали. Вслед за авангардом к маслобойне подъехали еще десятка два тяжелых кавалеристов. У всех имелись копья, щиты и закрытые шлемы с прорезями для глаз. Один из рыцарей, высокий всадник на большом гнедом коне, остановился в виду маслобойни. Наверное, он был командиром. Во всяком случае, он повелительно махнул рукой своим подчиненным, и рыцари быстро взяли коновязь и вход в здание в полукольцо, опустив острия копий стальной изгородью, а за их спинами конные лучники натянули луки. Потом главный приблизился сам и прокричал:

— Эй, мародеры! Именем бальи Генриха Антиохийского, наместника короля Иерусалима и Кипра, приказываю сложить оружие!

Хотя на спорной территории на маслобойне могли, разумеется, прятаться мародеры, Григория все равно возмутило такое обращение, он решительно вышел вперед, поднял правую руку вверх, демонстрируя, что оружия у него нет, и сказал:

— Мародеров здесь нет. Я Грегор Рокбюрн, брат-рыцарь ордена Храма. Со мной монах-францисканец брат Иннокентий и рыцарь Бертран де Луарк. Мы сопровождаем в монастырь на гору Кармель малолетнюю баронессу Адельгейду фон Баренбергер.

— А это тогда что за имущество, как не снятое с мертвецов? — спросил всадник, указывая на большую кучу трофейной амуниции, отобранной у поверженных сарацин, которая лежала рядом с коновязью.

— Это моя военная добыча, — подал голос Бертран, который проснулся и уже стоял в дверях маслобойни.

— С военной добычи по законам королевства тоже нужно платить налоги, — сказал

неизвестный рыцарь, по-прежнему не снимая свой шлем. Григорий обратил внимание, что доспехи на нем очень дорогие. Хорошо пригнанные стальные пластины сверкали вычурными узорами настоящей позолоты. А седло и упряжь коня и даже ножны меча, достойные барона или графа, украшали драгоценные камни.

Но, Бертран не стушеввался, а произнес с достоинством:

— Я Бертран де Луарк, лучший меч Луарка. И хочу знать, с кем говорю.

— Филипп де Монфор, барон Тира и коннетабль Акры, к вашим услугам, — представился всадник, наконец-то подняв забрало. Хотя верхняя часть его лица, начиная от бровей, по-прежнему оставалась скрыта под сталью.

Барон выглядел немолодым, но властным. Разговаривал он, выдвинув подбородок вперед. Отчего его мощная нижняя челюсть напоминала бульдожья.

— Так вот, мессир де Монфор, если вы считаете, что я не заплатил налоги, то оцените, сколько я задолжал вам из этой добычи, которую получил сегодня, убив нескольких нехристей и рискуя жизнью при этом. И, заметьте, что я не собирался скрывать от кого бы то ни было свои трофеи, — сказал Бертран.

Барон пропустил его слова мимо ушей, сказав только:

— Вы должны знать, что идет война, и в Акре созваны войска. Нам обещают помощь из Европы, но ничего не присылают. А это значит, что нам самим предстоит держаться против Бейбарса и всех его приспешников неизвестно сколько времени. Перевес сил на стороне противника. Сарацины уже нанесли огромный ущерб королевству и слишком многое разорили. Вполне возможно, что близятся последние сражения христиан за Святую землю. И потому, отовсюду к Акре собираются благородные воины, способные держать оружие. И армии потребуется любое оснащение и вооружение. Потому я, данной мне властью, реквизирую ваши трофеи, мессир Бертран, в казну на военные нужды.

— Но, это же несправедливо! Я готов заплатить налог, но не все же отдавать! И я, вообще-то, не данник вашего королевства. Я подданный короля Франции и приехал сюда навестить родню. А еще я собирался совершить мирное паломничество по святым местам. И, уж извините, но никак не собирался идти на войну, — возмутился рыцарь из Луарка.

— Война не спрашивает людей, хотят ли они идти воевать. Она приходит к людям сама. И почти всегда неожиданно. И вы зря обвиняете меня в несправедливости. Несправедливо другое, например, то, что вы, как лучший меч какого-то местечка, до сих пор не вступили добровольцем в войско Акры, а вместо этого мародерствуете в спорных землях, мессир Бертран, — гаркнул барон.

— Он не мародерствует! Я могу подтвердить это, — встрял Григорий.

— Тогда пусть отдает трофейное имущество без разговоров, а не припирается с властями. Ведь это все он добыл на землях Леванта. Не так ли? Нам все понадобится для обороны, — сказал Филипп де Монфор. И тут же дал указание своим людям забрать кучу трофеев и отнести ее в войсковой обоз.

«И здесь последние штаны заставляют в фонд обороны сдавать», — подумал Григорий Родимцев. Бертран стоял весь красный, но бросать вызов суровому барону, находящемуся во главе целого войска, не рисковал. И, наверное, лучше было с таким свирепым человеком не связываться. Род Монфоров отличался жестокостью. Дед Филиппа, Симон де Монфор, был очень знаменит тем, что перерезал тысячи альбигойцев в религиозной войне против ереси. Это он говорил своим бойцам, штурмуя замки и города еретиков: «Убивайте всех, и пусть Господь отличает своих и спасает праведников». Потому Гриша попробовал перевести

разговор на другую тему, добавив немного лести:

— Доблестный монсеньер, я хочу обратиться к вам за помощью. Мои братья из ордена Храма попали в ловушку, защищая замок Тарбурон. И я надеюсь, что вы, конечно же, отправите своих славных рыцарей в атаку против войска шейха Халеда, который повелел запереть отряд нашего ордена в замке Тарбурон.

Монфор взглянул на Грегора суровым взглядом темно-серых глаз и проговорил:

— Дела вашего ордена нас мало интересуют, храмовник. Во-первых, замок Тарбурон раньше принадлежал госпитальерам. И то, что кто-то из руководства вашего ордена решил прибрать эту крепость к рукам, воспользовавшись сложившейся ситуацией, я не считаю праведным поступком. И во-вторых, если ваши братья оказались настолько глупы, что сами себя загнали в ловушку, то это касается только их самих. Пусть и полагаются на самих себя и на Господа. У нас сейчас нет сил ни на какие атаки. Мы стараемся удержать за собой хотя бы ту часть земель королевства, куда пока не хлынули сарацины. А для этого нужно укрепиться в тех местах, которые еще можно спасти. Решено создать новые опорные пункты, сократив границы. И я собираюсь определить эти пункты. Вы можете сказать мне, в чьих руках постоянный двор на ближайшем перевале?

— Утром был за христианами, а сейчас не знаю, — честно сказал Григорий.

Посмотрев на него как-то не по-доброму, прищурившись, барон внезапно произнес:

— А вот вы, мессир тамплиер, почему не находитесь среди ваших братьев в замке Тарбурон? Дезертируете, значит?

— Ему приказали сопровождать девочку в монастырь. И выехал он оттуда еще до всей этой заварушки, — встрял Бертран.

— Что ж, я хочу услышать подтверждение ваших слов от самой юной баронессы. Где она? — спросил Монфор. Он все также разговаривал свысока, даже не думая слезать с боевого коня.

— Я здесь, — произнесла Адельгейда из-под дерева, под которым сидела вместе с монахом, слушая сказки старика.

— Рад знакомству, баронесса. И что вы можете сказать об этих людях? — проговорил Монфор.

— Они спасти меня от сарацин, — произнесла Адельгейда.

— Очень хорошо. А когда вы уехали из замка Тарбурон, сражение там уже началось, или еще нет? — поинтересовался барон.

— Мы ехать раньше, — поведала девочка с сильным немецким акцентом.

— Это кто так испортил твое лицо? — задал вопрос барон, присмотревшись.

— Сарацины, — ответила Адельгейда.

— Да уж, с таким уродливым шрамом, действительно, девочка годится только в монашки. Замуж ее точно никто в здравом уме не возьмет, — сказал Монфор, как бы самому себе, но так, чтобы слышали все.

Услышав о себе такое, Адельгейда сразу заплакала, уткнувшись в рясу монаха.

— Зачем вы обидели сироту? Это несправедный поступок. Господь такое осуждает и обязательно накажет, — проговорил францисканец.

— Не тебе, старик, рассуждать, что осуждает Господь и за что наказывает. Его власть на небе, а моя на земле. Вот как прикажу тебя выпороть, будешь знать, на чьей стороне правда! — разозлился барон. И тут же зло бросил:

— Мое войско остановится в этой роще. Потому советую вам поскорее освободить

место и обратиться с моих глаз. Я и так потерял много времени на пустые разговоры с незначительными персонами.

Пока они общались с Монфором, войско из Акры все пребывало. Сзади всадников шли сотни три пехотинцев, а следом за ними тащился обоз.

Чтобы не разгневать барона окончательно, они быстро засобирались, Бертран и Григор оседлали лошадей, а монах подготовил в дорогу своего ослика. Они уже собрались было уезжать, когда к коновязи приковылял Мансур, про которого все и забыли.

— А моя что делаю? — спросил пленный сарацин.

— А ты оставайся здесь, если хочешь. Я тебя отпускаю, — сказал Григорий, которому только не хватало и этой обузы.

Но, к удивлению Гриши, сарацин не желал оставаться. Наоборот, он забеспокоился и запричитал:

— Я быть вам пленник. Я ехать. Они убить меня. Я бояться!

— Ладно, садись на лошадь, которая не хромает, и поедем, — неожиданно разрешил Бертран.

— Я ехать, — подтвердил Мансур и вскарабкался на лошадь. Нога у него все еще выглядела распухшей, но ехать верхом он, действительно, вполне уже мог.

К счастью, люди барона забрали только кучу трофеев Бертрана, но не позарились на низкорослых сарацинских лошадок. Одну из них, ту которая хромала, пришлось оставить, но двух других они взяли в дорогу. На одной из них ехал Мансур. Разминувшись с войсковым обозом, они поехали дальше на запад по пыльной дороге. Григорий определил, что, если верить карте, которую набросал командир отряда тамплиеров, то к вечеру они должны были добраться до следующего постоялого двора.

После тени оливковых деревьев и прохлады старой маслодавильни, жара вновь не давала покоя. Солнце висело раскаленной сковородкой на плите безоблачного выгоревшего левантийского неба. Хорошо еще, что они набрали достаточно свежей воды в бурдюки из ручейка. Потому что пить всем хотелось постоянно. Чем дальше они ехали, тем меньше встречалось следов разорения. Вскоре начали попадаться даже крестьянские домики, в которых кто-то жил. Похоже, эти местные куда-то прятались во время вражеского нашествия, а теперь, увидев, что войско христиан во главе с бароном Монфором двинулось на восток, воспряли духом и начали возвращаться в родные жилища. В подтверждение этому, вскоре на дороге начали встречаться повозки с крестьянскими семьями или просто лошадки, ослики, либо мулы с поклажей, которых вели обратно домой их хозяева.

Этот постоялый двор они увидели издалека. Он, наверное, тоже пострадал от нашествия армии Бейбарса. Но, снаружи это не бросалось в глаза. Двухэтажное каменное здание выглядело целым. А в обширном дворе сутились люди. В отличие от того людоедского заведения, которое Григорий посещал на перевале, в этом трудилось много работников. Они прямо на глазах ремонтировали навес и коновязь, что-то заколачивали и пилили. Кто-то даже подметал двор самой обыкновенной метлой из прутьев.

Гостей в заведении оказалось предостаточно. У коновязи место для лошадей даже нашли с трудом. Тут сновали и конюхи, желая заработать с приезжих по звонкой монете. В торбы для лошадей насыпали свежий овес. Имелась и хорошая поилка. Новоприбывшие спешили и отдали животных на попечение толстому конюху за плату в одну серебряную монетку с иерусалимскими крестиками на одной стороне и королем Лузиньяном на другой. Изображение на монетке оказалось отчеканенным криво и нечетко, но у Григория в

трофейных кошельках денег теперь было предостаточно. И он мог себе позволить оплачивать множество подобных услуг в ближайшее время. Что, конечно, радовало его.

А еще внушало оптимизм то, что они, наконец-то добрались до каких-то обжитых мест, где жизнь, может, и замирала на время вражеского нашествия, но теперь уже чувствовалась снова. Вокруг Родимцева бурлил своей жизнью пестрый средневековый левантийский мир. Он все еще казался Григорию непривычным, но уже не вызывал у него отторжения, уже не действовал так угнетающе. Родимцев поймал себя на мысли, что все больше и больше начинает свыкаться с собственным новым положением, с каждым прожитым часом растворяясь в этой реальности своим восприятием и уже не замечая многих непривычных вещей.

Он уже не обращал внимания, что люди вокруг не то что не используют гаджеты, но даже не читают. Что у многих неопрятный вид и неподстриженные ногти. Что вокруг грязь и антисанитария. Что на дорогах пыль и конский помет. Что запахи нечистот в этом мире преобладают, и вонь стоит чуть ли не везде, где люди ведут какую-либо хозяйственную деятельность, а жаркая погода только усугубляет весь этот смрад. Григорий не замечал уже и солидный вес кольчуги, сжившись с ним. А то, что тело потело и чесалось под гамбезоном, его сознание тоже научилось игнорировать.

Этот мир, который поначалу показался ему ужасным и враждебным, больше для Григория таковым не являлся, потому что он уже знал, что на опасности может ответить достойно, умея постоять за себя. Получив опыт нескольких стычек, он понял, что с мечом в руке не пропадет, что пешим или конным он представляет из себя угрозу для любого здешнего противника.

Знал уже Григорий и то, что вполне вжился в местное общество, и что не растеряется теперь в беседе хоть с самим бароном Монфором. Родимцев с радостью отметил, что и люди потянулись к нему. Об этом свидетельствовало то обстоятельство, что, выехав с сиротой из Тарбурона, он в пути встретил тех, кто доверился ему. Ему были вполне понятны и странный монах, и пьющий рыцарь, и даже пленный сарацин. А еще он привязался за время пути к немецкой девочке, словно бы Адельгейда на самом деле была его дочкой.

Насчет монаха, конечно, имелись некоторые сомнения. Ведь он, получается, совсем не простой монах, а тайный инквизитор, да еще и волшебник к тому же. Тем не менее, он почему-то тоже поехал с Гришей в одном направлении, а не последовал за войском барона Монфора. Правда, о чем это говорило, Родимцев пока не знал.

В трактире при постоялом дворе гостевой зал оказался довольно просторным. Несмотря на идущую войну, посетителей там сидело за столами немало. А сами столы и лавки выглядели вполне добротными и даже оказались ошкуренными. В заведении у перекрестка дорог останавливались перекусить те из беженцев, возвращающихся из Акры в родные места, которые были не слишком бедны. Эти люди пересидели нашествие армии Бейбарса за каменными стенами столицы, имея возможность заплатить за пищу и за услуги.

А цены в Леванте, как поведал Бертран, на большинство товаров и услуг держались в разы выше, чем в Европе. Конечно, во многом такому росту цен способствовала идущая война. Но и торговые общины Венеции, Генуи и Пизы, соперничая друг с другом, специально взвинчивали стоимость всего и вся, чтобы получать с продаж баснословные барыши. Но, получалось, что сильнее всего от войны страдало небогатое население. Те христианские бедняки, кто не имел возможности заплатить городской страже за то, чтобы их пропустили в город переждать вражеское нашествие, становились жертвами врагов в первую очередь. Потому что именно на них, на незащищенных крестьянах, сарацины вымещали всю свою злобу, резали многих, а оставшихся массово угоняли в рабство.

Григорий рассматривал людей самого разного вида. Многие гости постоялого двора имели не европейскую, а, скорее, восточную внешность. Других голубоглазых блондинов, кроме Бертрана и самого Грегора, видно не было. А коричневатый левантийский загар уравнивал по внешнему виду темноволосых и кареглазых выходцев из южной Европы, итальянцев, испанцев и уроженцев южной Франции с местными жителями королевства крестоносцев в третьем поколении.

Первый крестовый поход состоялся больше чем полтора века назад. И многие семьи тех первых христианских поселенцев, приехавших из Европы следом за крестоносным войском в поисках лучшей жизни в завоеванных землях, за это время уже перемешались с местными. Колонисты из Европы в Леванте часто обзаводились женами из армянок, гречанок, крещенных сарацинок и евреек. И дети от таких браков назывались пуленами. Причем, не только простые люди вступали в смешанные браки, но даже и знать. Например, знаменитейший и богатейший в Иерусалимском королевстве баронский род Ибелинов хорошо разбавила восточная кровь гречанок из Державы Ромеев и армянок из Киликии.

Эти полукровки по внешнему виду мало отличались от тех же коренных сирийцев. Поэтому пленный Мансур никак не удивлял христиан в трактире своим видом. К таким парням, как он, невысоким и загорелым брюнетам с небольшими усиками и бородками, здесь давно привыкли. Много похожих местных парней служили наемниками в той же армии Акры. Даже сержанты ордена тамплиеров набирались из подобных людей.

Государство крестоносцев было многонациональным и главной опознавательной системой свой-чужой левантийцы в третьем поколении все еще считали не национальную, а религиозную принадлежность. А она не была написана у человека на лбу. Но, если смуглый парень приехал в компании двух христианских рыцарей, да еще и монаха, то его принадлежность ни у кого не вызвала никаких вопросов. Тем более, что приехал он на лошади и не был связанным. Потому с первого взгляда понять, какое место занимает этот местный в прибывшей компании, является ли он слугой или конюхом, или же просто едет в роли попутчика, не представлялось возможным. И, тем более, никто не подозревал в нем

врага. Видя, что окружающие относятся к нему вполне лояльно, Мансур повеселел и даже начал улыбаться. Когда они уселись за длинный стол на не менее длинную лавку, сарацин спросил у Григория:

— Ты меня отпустить? Я не быть пленником?

Родимцев кивнул, подумав, что наконец-то избавится от странного парня. Но, неожиданно сарацин предложил:

— Твоя оруженосец нет. Я быть.

— А своему шейху Халеду, получается, больше служить ты не хочешь? — спросил Григорий.

— Я сдаваться. Пленник. Трус. Халед не простить, — сказал Мансур.

Родимцева, конечно, несколько удивило желание этого парня остаться при нем. Но, Григорий сразу подумал, что ординарец ему, конечно, не помешал бы. Иначе самому придется и за конем ухаживать, и все звенья кольчуги вычищать, и меч точить, да и много чего еще делать. А с ординарцем, то есть с оруженосцем, существование сразу делается несколько попроще и приятнее. Правда, говорит он на языке франков плоховато. Но ничего, подучит потихоньку. Какие его годы? На вид парню лет двадцать. Так что лучше такой оруженосец, чем никакого.

— Ну, будь моим оруженосцем, если хочешь. Только денег у меня не имеется, чтобы жалованье тебе платить. Разве только покормить могу, — сказал Гриша.

Мансур обрадовался и заулыбался.

— Нет, нет! Ни в коем случае нельзя, чтобы нехристь стал оруженосцем у христианина, да еще и у храмовника! Церковь такое не одобряет! Да и тебя, брат Грегор, выгонят из ордена с таким оруженосцем, — возмутился монах Иннокентий, сидящий рядом.

— Я хотеть крестись. Мой мама франк называть меня Мишель, — выкрутился хитрый сарацин.

— Ну, тогда другое дело. Вот, в ближайшей церкви покрестим тебя, как Михаила, потом и оруженосцем сможешь стать, — сказал францисканец, успокоившись.

Этот постоялый двор, который находился уже не так далеко от Акры, предоставлял даже некоторый сервис. Во всяком случае, тут имелись самые настоящие официантки-подавальщицы, которые разносили еду и собирали оплату. По виду девушки казались настоящими сарацинками, турчанками или сирийками, чернявыми, кудрявыми, носатыми и худыми. Одетые в длинные черные платья, они, тем не менее, умудрялись очень проворно сновать между столами с деревянными подносами, полными еды.

— Я угощаю, — неожиданно объявил Бертран, достав один из своих трофейных кошельков. Хотя все остальные трофеи барон Монфор и отобрал у рыцаря из Луарка, срезанные сарацинские кошельки и даже две трофейные лошаденки остались при нем. Вот только Гриша не ожидал, что Бертран так расщедрится, чтобы заказать угощение на всю их компанию.

— Спасибо, ты очень щедр сегодня, — сказал Григорий, когда им на стол подавальщицы принесли три подноса полные еды.

Здесь подавали не шашлыки и бульон неизвестно из кого, как это было в заведении на перевале у людоеда, а честную зажаренную курятину со свежей зеленью. Отдельно девушки принесли вино в глиняных кувшинах, чарки из той же глины, куда вино следовало наливать, и плоские кругляши местного хлеба, сложенные стопкой на глиняной тарелке. Себе Бертран заказал полный поднос крылышек и ножек. Монаха, как видно, рыцарь решил отблагодарить

за чудесное исцеление от раны, потому и для него предназначался поднос не меньше. Правда, монах разделил трапезу с Адельгейдой, которая сидела рядом с ним. А Григорию достался поднос пополам с Мансуром. Впрочем, еды на большом подносе вполне хватало на двоих, тем более, что теперь Гриша все равно предполагал делиться с новоиспеченным оруженосцем.

Все это время Родимцев внимательно наблюдал за монахом. Интересы церкви старик, конечно, соблюдал. Вон сразу как начал возмущаться, что оруженосцем хочет стать нехристь. Но, например, молился довольно мало. Лишь тихонько, почти шепотом, благословлял трапезу. Монашеского пострига, тонзуры, на голове монаха тоже заметно не было. Впрочем, макушка его и так облысела из-за естественных причин старения организма. Так что есть у францисканца эта самая тонзура, или нет ее, понять не представлялось возможным. В любом случае, брат Иннокентий на религиозного фанатика мало походил.

Вдруг где-то у входа послышались грубые голоса. Девушки, прислуживающие в зале, сразу насторожились. А в глазах их и в выражении лиц угадывалась тревога.

— Месье Гильом, пожаловали госпитальеры, — сказала одна из официанток хозяину заведения, пожилому франку.

Хозяин торопливо выскочил из-за прилавка и собственной персоной вышел навстречу новым гостям.

— Уйди, Сара. Беги прячься на кухне. Не попадайся им на глаза. Они не должны узнать, что я принял евреек, — услышал Григорий фразу, произнесенную шепотом, когда хозяин заведения поравнялся с чернявой девушкой возле их столика, с краю которого возле прохода и сидел Родимцев.

Монах, сидящий напротив, поперхнулся и закашлялся. Наверное, тоже услышал.

— У меня и самой нет никакого желания встречаться с госпитальерами, — бросила Сара, заторопившись в сторону кухонной двери, открытой по другую сторону прилавка.

Это казалось странным, но в трапезном зале сразу повисла напряженная тревожная тишина. словно все посетители, сговорившись, мгновенно прекратили жевать и общаться. Григорий обернулся и увидел, что у входа стояли шесть человек в черных плащах с белыми «мальтийскими» крестами, концы которых расходились жирными треугольными стрелками.

Родимцев сразу вспомнил, что госпитальеры и храмовники не могли терпеть друг друга. И причиной тому были не столько даже политические интересы, сколько обыкновенная жадность. Что приобретал один орден, всегда мгновенно вызывало зависть у другого. Хотя рыцари каждого из этих самых могущественных военно-монашеских братств, вроде бы, отказались от мирского имущества, но зато у руководства орденов амбиции имелись непомерные. И обуздать их великие магистры не могли даже перед лицом смертельной опасности, созданной Бейбарсом и нависшей над королевством христиан Леванта.

Один из братьев, выше других и шире в плечах, одетый в новенький плащ и дорогой шлем с поднятым забралом, выглядел командиром этих госпитальеров. Ожидая, когда подойдет хозяин заведения, он пытался чистить свои широкие грязные ногти какой-то щепкой. Пожилой седой трактирщик шел к нему неуверенно. По-видимому, слава о госпитальерах ходила не слишком хорошая. Во всяком случае, на Грегора Рокбюрна, как на тамплиера, в заведении не обратили особого внимания, а госпитальеров тут явно побаивались.

— Да, благословит вас Господь, дорогие гости, — подобострастно произнес хозяин, кланяясь на ходу. Потом угодливо спросил:

— Что прикажете подавать, братья-рыцари?

— У нас нет возможности обедать, как там тебя, — перебил трактирщика госпитальер.

И добавил:

— Мы объезжаем все окрестные заведения вокруг Акры. Ищем лазутчиков Бейбарса, нехристей и мародеров. Говорят, что тут их прикармливают.

Выражение лица хозяина трактира сразу изменилось. Он побледнел и сказал:

— На моем постоялом дворе никогда не бывало никого из них! Каждый, кто останавливается здесь — это честный подданный Иерусалимского королевства, либо христианский паломник!

— Ты врешь, трактирщик. Война совсем недавно прокатилась вдоль дорог. Войска Бейбарса разорили даже эти ближние окрестности Акры. И тебе еще очень повезло, что твой постоялый двор уцелел. Что же до посетителей, то, понятное дело, с виду они все кажутся честными подданными и паломниками. Да только под их личинами и прячутся враги, дурья башка! — воскликнул госпитальер.

В зале заскрипели лавки. Посетители поворачивались на звук странного разговора. И многие смотрели на госпитальеров с ненавистью. Братья-рыцари в черных плащах непроизвольно нащупывали рукояти мечей. Но, их командир сделал вид, что не замечает реакции публики и продолжал гнуть свое:

— Учитывая то, что я сказал, советую всем собравшимся проявить уважение к нашим поискам и выдать тех, кого я назвал. В военное время тем из вас, кто укрывает врагов, предназначена суровая кара. А я вижу в твоём заведении, трактирщик, откровенных нехристей.

— Послушайте, братья госпиталя, вам не кажется, что вы занимаетесь не своим делом, пугая людей, которые и так уже устали от войны? — неожиданно произнес монах Иннокентий.

— Ты, старик, должно быть, выжил из ума, раз пытаешься поучать братьев иерусалимского госпиталя святого Иоанна Крестителя!

Тишина сделалась звенящей. Подавальщицы давно спрятались на кухне. А хозяин заведения стоял, как вкопанный. Даже почти не дышал. Но, монах проявил твердость, сказав решительно:

— Ты зря оскорбляешь меня. Ибо воздастся тебе за грехи твои, брат госпиталя. Я тут представляю Святой Престол. И прекрасно знаю, что у госпитальеров нет никаких праг обходить подобные заведения с угрозами. Это не ваша забота, кто тут кушает. Лучше уйдите и дайте людям спокойно поесть.

Григорий встал со своего места и поддержал Иннокентия:

— Я брат-рыцарь ордена Храма и подтверждаю слова брата-францисканца. Нету тут никаких врагов. Все просто есть хотят.

— А я христианский паломник. И тоже подтверждаю, — сказал Бертран де Луарк, встав во весь свой немалый рост и придерживаясь правой рукой за рукоять меча, наполовину вытащенного из ножен.

— Вот уж не знал, что нынче паломники в Святую землю и монахи-францисканцы сделались такими дерзкими. Что до тамплиеров, то тут, как раз, все понятно. Ладно. Сейчас мы уйдем. Но, еще вернемся к тебе, трактирщик, — сказал командир госпитальеров с угрозой в голосе.

И все же он дал своим людям команду разворачиваться и идти к выходу. Как только

госпитальеры удалились к коновязи, народ тут же зашумел, обсуждая происшествие. В сторону их компании поглядывали с уважением. Из кухни выпорхнули девушки-подавальщицы. Григорий услышал, как Сара спросила хозяина:

— Что, месье Гильом, опять деньги вымогали?

Трактирщик кивнул и сказал:

— Обещали позже зайти, а то тут у нас монах-францисканец и тамплиер обедают. Их постеснялись, похоже.

Тут Родимцев смекнул, что братья госпитальеры занимаются обыкновенным рэкетом, придумывая благовидные предлоги для «стрижки» заведений общепита. Конечно, этот постоянный двор выглядел достаточно солидно. И в эту смутную военную пору, наверняка, считался недешевым заведением. Потому корыстный интерес местных братанов от госпиталя вполне просматривался. Родимцеву сразу вспомнились бандитские девяностые. Тут тоже, похоже, общественные взаимоотношения были устроены больше по понятиям, чем по законам. Да и законы еще даже не сформировались, а существовали «кутюмы», которые представляли собой, скорее, те самые традиции, обычаи и понятия. Имелся, конечно, и официальный свод «ассизов», но местные их чаще игнорировали, чем жили по ним.

Пока оба рыцаря, монах, девочка и сарацин трапезничали, их лошади и ослик тоже передохнули и подкрепились. Вскоре всей компанией они поехали дальше. От перекрестка за трактиром они повернули не в сторону Акры, а свернули к югу, в сторону горы Кармель. Сразу за перекрестком дорога проходила через небольшое селение. В нем даже имелся какой-то небольшой рынок, но фермеров там собралось не слишком много. Но, похоже, в округе еще сохранились какие-то фермы, которые не только могли прокормить себя сами, но и имели излишки сельскохозяйственной продукции, которые могли позволить выставить на продажу.

Рынок расположился посреди деревни рядом с дорогой на пустыре. Голая земля, нещадно палимая солнцем, и желтая пыль окружали прилавки с товарами. Вокруг стояли телеги и даже крытые фургоны с примитивными навесами, защищающими от жары не столько людей, сколько скоропортящиеся товары, молочные продукты и мясо. Помимо торговцев, виднелись и вооруженные люди, лениво прохаживающиеся наемные охранники. У коновязей под навесами из соломы сутились конюхи. Загорелые ребяташки, почти голые, бегали в пыли, играя среди сточных канав. Смуглые женщины с волосами, замотанными косынками, предлагали покупателям не только фрукты, но и себя. За покосившимися заборами загонов пастухи продавали овец, коз и лошадей.

Неподалеку внимание Гриши привлекала кузница, откуда доносился звон металла, а на длинном прилавке возле нее рядами различных новеньких изделий блестела сталь. Один из выложенных для продажи предметов заинтересовал Родимцева. Он подъехал поближе, рассматривая неплохой шлем. Дорога в этом месте выглядела ровной и безопасной, потому Адельгейда сидела самостоятельно на своей пегой лошадке. За девочкой ехали Мансур, Бертран и монах. Григорию шлем внезапно понравился, потому он и решился сделать еще одну остановку. Но, он не заметил, что с другой стороны кузни остановились те самые госпитальеры.

Родимцева очень заинтересовал шлем, лежащий на прилавке готовых изделий местной кузницы, потому что он сразу напомнил Грише самый настоящий немецкий штальхельм. Только этот был с удлиненными боковинами, чем походил даже на дзунари-кабудо японских самураев. Имел он и решетчатое забрало, поднимающееся вверх.

А если забрало опустить, то шлем выглядел почти как тот, в котором щеголял Дарт Вейдер из фильма про звездные войны. Правда, выставленный на прилавке шлем не был черненым, наоборот, сверкал начищенной сталью. Такой боевой головной убор был бы хорош и в пешем бою, и при конной схватке. И Григорию захотелось его немедленно приобрести. Он вообще-то с интересом в свое время посмотрел киносериал про далекую галактику. В средневековом Леванте, конечно, джедаев и ситхов Родимцев пока не встречал, но зато уже обнаружил монаха-истребителя вампиров и прочей нечисти, вооруженного крестом-излучателем. И этот монах ехал на своем ослике совсем рядом.

Поддавшись искушению, Григорий спешил, и слез с коня. Его спутники тоже остановились у коновязи. Монах и девочка пошли рассматривать разноцветные глиняные изделия горшечника, расставившего свои товары на другой стороне дороги, а Мансур остался с лошадьми. Григорий же подошел к выставке оружия и потрогал понравившуюся вещь. Тотчас из-за прилавка поднялся высокий седой продавец. Видимо, когда-то он был суровым воином, его лицо прочерчивали старые шрамы, а вместо кисти правой руки торчала культя.

— Это наш самый лучший шлем, мессир. Ваша железная шляпа куда менее надежна, ни в обиду будет сказано. А этот защитит в бою не только вашу голову от ударов сверху, но и шею от боковых атак и от ударов сзади. А от встречных ударов в лицо предусмотрено прочное забрало. Берите, не пожалеете. Рекомендую вам, как участник многих сражений, — отрекламировал свой товар инвалид.

— И сколько такой стоит? — поинтересовался Гриша.

— Вообще-то он очень дорогой, такой и все десять безантов стоит. Но, для брата-рыцаря ордена храма я, конечно, сделаю скидку. Отдам за восемь, — сообщил пожилой продавец.

Григорий уже собрался вытаскивать деньги из трофейного кошелька, но Бертран, который тоже спешил и подошел к прилавку, оказавшись рядом, сказал:

— Не стоит он того. Слишком тяжелый. Да и забрало ненадежно крепится. Не снаружи наложено, а изнутри приклепано. У нас на берегах Луары за такой дали бы один золотой. Ну, может быть, два. Но, никак не больше.

Гриша засомневался. Действительно, цена казалась довольно высокой. Он вспомнил то, что читал про цены тринадцатого века. Кажется, хороший шлем стоил в Англии один фунт стерлингов, а во Франции, примерно, один турецкий золотой ливр. Это были приличные деньги. За ливр можно было арендовать целый этаж дома в Париже на полгода. А собственный дом там же стоил от двадцати ливров. И, если принять фунт и ливр по покупательной способности примерно равными золотому безанту, то оружейник, конечно, заламывал цену. Но, купить шлем все равно очень хотелось.

— Возьму за пять, — сказал Григорий. Он знал, что на всех восточных базарах принято торговаться. И добавил:

— Если еще мне по размеру подойдет.

— Уступлю только за семь. Никак не меньше, — торговался и продавец.

Родимцев снял свою железную шляпу и потный подшлемник, взял шлем и начал его примерять, глядя в металлическое зеркальце, которое предоставил продавец. Григорий знал, что непосредственный контакт металла с поверхностью головы недопустим. Иначе ударный импульс будет передаваться прямо в череп. Потому, между головой и самим металлом шлема обязательно должна иметься подвеска или достаточно толстая прокладка. Шлем, вроде бы, неплохо сидел поверх пухлого новенького подшлемника, но, все же, немного болтался.

— Он носится вместе с койфом, мессир, — объяснил продавец, протягивая Грише кольчужный капюшон.

Родимцев примерил и его. И решил тоже приобрести, потому что у кольчуги, надетой на нем, капюшон отсутствовал, а вещь казалась весьма полезной для защиты шеи. Поверх койфа шлем сел хорошо. Григорий затянул довольно широкий и толстый ремень под подбородком и сделал головой несколько резких движений. Шлем не сваливался, сидел надежно. И Гриша решил:

— Да, за пять золотых возьму, пожалуй.

— Нет, только если за шесть. Но, это крайняя цена, за меньшее не отдам, — сказал торговец.

— Тогда уж, давайте мне за шесть вместе с койфом, — предложил Гриша.

— Ваша взяла, мессир, койф отдам в подарок. А за подшлемник отдельная плата. Он специально сделан под такой шлем, — проговорил торговец-ветеран, оказавшийся, к тому же, ушлым работником торговли.

— И сколько с меня еще и за подшлемник? — поинтересовался Григорий.

— Пять су, — поведал инвалид.

— Что? — не выдержал Бертран, все еще стоящий рядом. И добавил:

— Да никакой подшлемник больше одного су не стоит. Чем он там внутри набит? Паклей или золотом?

Торговец зло посмотрел на рыцаря, по-видимому, уже готовясь сказать ему что-нибудь неприятное.

— Ладно, за четыре су я согласен взять подшлемник, — сказал Григорий, которому уже надоели все эти мелочные препирательства.

И он стал отсчитывать деньги из черного кожаного мешочка с завязками, раньше принадлежавшего тому покойному сарацину, которого Гриша зарезал кинжалом в трактире людоеда. Золотые кругляшки безантов оказались украшены арабской вязью с обеих сторон, но на одной монете посередине имелся небольшой крест, вписанный в круг. Крестonosцы чеканили свои «безанты» с крестом в Тире, копируя египетский динар Фатимидов, за исключением добавленного в центр изображения креста. А на серебряных су с кривой чеканкой виднелись иерусалимский крест и король Лузиньян. Пересчитав заодно оставшееся в этом кошельке, Григорий понял, что потратил на покупку шлема треть своего состояния. Потому что в тех двух других трофейных кошелечках, которыми с ним поделился Бертран после стычки с сарацинами на дороге, оказались только серебряные монеты, а золотые отсутствовали.

— Ну и цены здесь! А торговцы просто настоящие жулики. У нас на Луаре столько стоит только шлем какого-нибудь барона, украшенный драгоценностями, — возмущался Бертран.

— Да ладно. Я не жадный. Редкая вещь. Уж, поверь мне, я шлемов много перевидал, — сказал Григорий, который, действительно, видел в музеях, на фестивалях реконструкторов, в книгах и в интернете огромное количество всевозможных шлемов разных эпох и наций.

— Если хочешь, возьми мою железную шляпу, — предложил Гриша рыцарю, с которым уже сдружился за время совместного пути.

— Нет, Грегор, мне здесь в шлеме душно. Не могу при такой погоде носить шлем. Жара тут у вас в Леванте невозможная, — произнес Бертран.

Гриша посмотрел на длинные густые вьющиеся волосы рыцаря с берегов Луары и подумал, что, разумеется, с такой прической до плеч, как у женщины, в любом шлеме будет жарко. Себе же Грегор подстригал волосы кинжалом, отчего они топорщились неровными выступами во все стороны, но оставались довольно короткими. Из-за этих длинных и давно невымытых спутанных волос Бертран казался значительно старше своих лет, хотя, как выяснилось, ему едва исполнилось двадцать шесть. Григорий проговорил:

— Ну, как хочешь. Тогда я оруженосцу шляпу отдам. И вот еще что. Продай мне лошадь для него.

— О чем это ты? Это же твоя трофейная лошадь по праву. Ты же меня от сарацин спас, а не я тебя. Не по чести будет, если я ее тебе продавать начну. Я, конечно, жадный, но не настолько, — удивился франк.

Григорий обрадовался, что есть все-таки в этом человеке совесть, и проговорил:

— Ладно. Тогда, если по чести, одна трофейная лошадь моя, а вторая — твоя.

Так они и решили. А железную шапку Гриша протянул Мансуру, когда со стороны кузницы послышались какие-то крики. Помещение кузни, скорее, представляло собой деревянный навес на столбах. И от оружейной лавки, расположенной рядом, полностью просматривалась. Но, увлекшись покупкой шлема, Григорий не обращал внимания, что там происходит. Теперь же, едва бросив туда взгляд, Гриша увидел все тех же шестерых госпитальеров с которыми переругивался кузнец.

— Эй! Совсем обнаглели? У меня хоть и нет денег, чтобы прямо сейчас заплатить вам за охрану, но этот меч я не отдам, братья госпиталя! Он двадцать безантов стоит! — кричал мастер.

Его сильные жилистые руки бугрились мускулами и были напряжены. Мощный торс прикрывал только широкий черный кожаный фартук. А штаны и сапоги из толстой кожи защищали ноги от брызг окалины. Он стоял между горном и наковальней и потрясал в воздухе тяжелым молотом в сторону людей в черных плащах с белыми крестами, стоящих в глубине помещения. Кузнец смотрел на них хмуро, словно бы хотел огреть своим молотком.

— Ты уже задолжал нам шесть безантов, Пелье. Но, если отдашь мне этот меч, то забудем про твой долг, — произнес уже знакомый голос предводителя госпитальеров.

Тот самый седой однорукий инвалид, у которого Григорий только что приобрел шлем, внезапно влетел в кузницу и гаркнул:

— Оставьте в покое моего сына, божьи твари, вот вам шесть безантов и проваливайте!

— Ну вот, а говорил, что нет денег! — обрадованно произнес предводитель, забирая монеты.

— Берите, берите. Надеюсь, теперь долго вас не увидать, брат Гаспар, — сказал кузнец.

— Что тут происходит? За что это вы платите братьям госпиталя? Им же нельзя брать деньги! — встрял Родимцев.

— А тебя кто спрашивает, храмовник? Не лезь в чужие дела, — презрительно

проговорил тот, которого называли Гаспаром. И добавил:

— Я видел, что это ты покупал у старика шлем. И, заметь, не спросил, почему беднейший брат из храма Соломона имеет при себе деньги, да еще и покупает такие дорогие предметы. Потому, иди своей дорогой и не суй свой длинный тамплиерский нос куда не надо. А то укоротим. Ты, наверное, забыл, как мы наподдали вашей братии в Акре, когда наши подопечные из Генуи подрались с вашими подопечными из Венеции?

Родимцев понял, что оппонент имеет в виду, так называемую, Войну святого Саввы, во время которой, действительно, имело место прямое противостояние двух духовно-рыцарских орденов. А все произошло из-за попыток итальянцев контролировать всю торговлю на Святой земле. И вместо того, чтобы помогать Иерусалимскому королевству противостоять сарацинам, торговые общины итальянских городов занимались недобросовестной конкуренцией, втягивая в свою борьбу и срамливая между собой те силы христиан, которые могли быть направлены на оборону королевства от внешней опасности. Вместо поддержки в борьбе с сарацинами, могущественные торговые республики Италии разделили государство христиан Леванта на собственные сферы влияния.

Конфликт начался со спора из-за принадлежности монастыря святого Саввы в Акре, который стоял между венецианским и генуэзским кварталами. В 1256 году генуэзцы вместе с пизанцами напали на венецианцев, захватили их торговые склады и корабли, стоящие в порту. А барон Филипп де Монфор, тот самый, которого так недавно Григорий встретил у маслодавильни, при поддержке госпитальеров изгнал из Тира всех венецианских купцов. Но, венецианцы пользовались поддержкой графа Яффы и тамплиеров. А еще им подкупом удалось переманить в свой лагерь и пизанцев.

Венецианцы скопили силы и через год адмирал Лоренцо Тьеполо с флотом Венеции ворвался в гавань Акры и уничтожил генуэзские корабли, разрушил монастырь святого Саввы и устроил генуэзцам настоящую блокаду внутри города. Но, те отчаянно сопротивлялись. А венецианцы вместе с войском графа Яффы и вместе с тамплиерами пошли в атаку. Госпитальеры и войско барона Монфора защищали генуэзцев и снабжали их. Арбалетчики сторон стреляли друг в друга почти в упор. Графа Яффы лишь чудом не убили.

Блокада генуэзского квартала Акры длилась больше года. Но, поскольку цитадель госпитальеров располагалась рядом, примыкая к улице генуэзцев, то осажденные не голодали. В противостоянии большинство баронов и тамплиеры поддерживали венецианцев, но Филипп де Монфор и госпитальеры упорно стояли на своем, продолжая защищать генуэзцев от всех остальных. Монфору удалось найти дополнительно восемь десятков рыцарей и триста лучников и вместе с госпитальерами прорвать блокаду генуэзского квартала. Одновременно порт Акры атаковал флот Генуи из полусотни кораблей под командованием адмирала Россо дель Турко.

Но, на море генуэзцы снова потерпели поражение. После чего генуэзской общине пришлось пойти на прорыв и отступить из Акры вместе с войсками барона Монфора в Тир. Зная свирепость барона и боясь его, остальные феодалы Святой земли смирились, не стали осаждать Тир и прекратили войну. Всем в королевстве эта распря, очень похожая на маленькую гражданскую войну, порядком надоела. Римский папа, в конце концов, посодействовал, чтобы заключить между общинами мирный договор.

И Родимцев, вспомнив всю эту информацию, прочитанную накануне его нечаянного «переселения» с больничной койки в Левант, был уже и не рад, что сунулся поперек братанов из госпиталя.

— Что молчишь, храмовник, язык проглотил? Давай, убирайся отсюда, плут. Или хочешь, чтобы мы попробовали на прочность твой новый шлем? — продолжал наседать Гаспар.

— Эй вы, божьи люди, совсем осатанели, что ли? Мало того, что деньги у добрых людей вымогаете, так еще моего друга тамплиера оскорбить решили? А с моим мечом не хотите познакомиться? — неожиданно вмешался Бертран.

— Да ты нарываешься, мирянин. Когда госпитальеры и тамплиеры разговаривают между собой о духовном, миряне должны благоговейно помалкивать, — ухмыльнулся Гаспар.

— Я-то помолчу, брат госпиталя, но за меня с тобой может поговорить мой меч! — не сдержался Бертран, потянув клинок из ножен.

За спиной Гаспара пятеро его людей тоже схватились за мечи. Кровапролития, казалось, уже избежать не удастся, но, тут в кузнице появился монах, который вел за руку Адельгейду. Он осуждающе покачал головой и произнес:

— Так, так. Я вижу, что госпитальеры хотят напасть на добрых христиан. Да, что же это делается? Срочно напишу в Рим, какие безобразия вы тут творите. Римский папа давно недоволен тем, что себе позволяет братия из госпиталя святого Иоанна. Святой Престол и без того подумывает о том, чтобы ваш орден распустить.

Но, Гаспар не собирался внимать словам старика, дерзко проговорив ему прямо в лицо:

— Не лезь, францисканец, в разговоры серьезных людей. Лучше отойди подальше и продолжай собирать милостыню, а то еще кто-нибудь наподдаст тебе по шее. Случайно. Я вот слышал обратное, что в Риме как раз думают о том, как бы разогнать тамплиеров. И кто это с тобой в рясе не по размеру, такая уродина со шрамом? Еще одна мерзкая убогая нищенка, которую учишь побираться? Или она у тебя для другого дела, похотливый старик?

— Ты знаешь, больница, что только что оскорбил прекрасную баронессу Адельгейду фон Баренбергер, которую я защищаю? И теперь у тебя точно есть повод познакомиться с моим мечом. И молись, чтобы тебя потом отправили в твой госпиталь, а не напрямик в могилу, — разъярился Бертран, рывком выдернув свой меч.

В кузнице недобро блеснула сталь. Кузнец по-прежнему сжимал тяжелый молот. Его отец, как бы невзначай, рассматривал на свет выделку новенького меча, изготовленного сыном, держа клинок своей единственной левой рукой. Подмастерье, мальчик-подросток, который все это время возился в глубине кузни с какой-то заготовкой, взял в руки небольшое копьё. Монах оттащил Адельгейду подальше к выходу. А Мансур, почувствовав неладное, оставил лошадей у коновязи и тоже пришел в кузню. Железная шляпа с нарисованным тамплиерским крестом неплохо смотрелась на его голове.

У входа в кузницу Мансур сделал вид, что рассматривает новенькую булаву на длинной ручке, прислоненную к деревянной опоре крыши. Но, Родимцеву было понятно, что парень готов в любой момент схватить оружие, если начнется стычка. Бертран стоял перед Гаспаром с обнаженным мечом. Кузнец, его отец и младший брат, судя по внешности паренька-подмастерья, придвинулись друг к другу, встав плечом к плечу. Бойцы Гаспара тоже перестали стоять толпой за своим вожаком, а распределились по обеим сторонам от командира.

Напряжение момента предлагало Родимцеву сделать серьезный выбор. Нужно было на что-то решаться. Григорий совсем не желал проливать кровь христиан. В то же время, терпеть оскорбления от госпитальеров и беспредел, чинимый этими братанами-крышевателями, он тоже не собирался. Но, вступить с ними в схватку означало если и не взять на душу грех убийства единоверцев, то уж точно нажать себе лютых и могущественных врагов в Леванте. К тому же, Родимцеву не хотелось противопоставлять себя законам королевства, которые запрещали кровопролитие между христианами. Но, законы законами, а жизнь жизнью. Госпитальеры вынули из ножен мечи. И этого было достаточно, чтобы он решился. Грегор Рокбюрн тоже вытащил меч и встал рядом с Бертраном.

— Эй, вы, больничники, решили напасть вшестером на двоих? Я, вообще-то, разговаривал только с одним из вас, — проговорил Бертран Гаспару и его людям.

— Мы вас поддержим всей семьей, — сказал отец кузнеца Бертрану.

— Я есть оруженосец, — произнес Мансур с сарацинским акцентом, решительно взяв булаву и встав рядом с Григорием.

Силы сторон более или менее уравнились. Гаспар на такое, видимо, не рассчитывал.

— Отойдите от этих двоих, кому жизнь дорога! — крикнул главный госпитальер. И добавил:

— У нас с тамплиерами и их друзьями старые счеты. А все остальные пусть убираются и не вмешиваются в драку.

Но, никто не тронулся с места. Тогда Гаспар сделал своим какой-то знак, и воины госпиталя яростно двинулись на противников с обнаженными клинками. Щитов у них не имелось, но на всех, кроме командира, красовались шлемы-таблетки с тульями цилиндрической формы, со слегка конусовидными куполами и с наносниками, украшенные орденскими мальтийскими крестами. Гаспар же носил шлем, похожий на потхельм, но с откидывающейся вверх маской забрала. Все шестеро были облачены в кольчужные хаубреки с капюшонами, надетыми под шлемы.

Едва Гаспар попробовал атаковать, как Бертран сразу нанес ему мощный удар, который госпитальер едва сумел парировать своим мечом. Рыцарь с берегов Луары был относительно трезв. Рана на его ноге, после исцеления монахом, хорошо заживала, и дрался он, похоже, в полную силу. Родимцев тоже орудовал мечом, уверенно отбивая атаки сразу двух госпитальеров,седающих на него. Страх он не чувствовал, действуя в схватке вполне умело.левой рукой он помогал себе кинжалом, прочное лезвие которого вполне могло блокировать вражеское оружие, хотя недостаточная длина клинка и не позволяла наносить им ответные удары. Защищаясь, Григорий не забывал наблюдать и за ситуацией вокруг себя.

Бертран сражался, как разъяренный лев, быстро перемещаясь и проводя стремительные

атаки. Но, и его противник Гаспар показывал себя опытным мечником, не пропуская удары рыцаря из Луарка и атакуя при случае. Эти двое оба производили впечатление настоящих мастеров меча. Их клинки мелькали в воздухе со свистом и соударялись со звоном стали просто стремительно. Так, словно бы поединок шел не на тяжелых клинках, а, например, на шпагах. И Григорий порадовался, что Гаспара взял на себя Бертран. Справа от Гриши против еще одного госпитальера булавой отбивался Мансур. А дальше слева, за Бертраном, семейство кузнецов противостояло еще двум братьям госпиталя. Причем, как выяснилось, однорукий ветеран-инвалид прекрасно владел мечом и левой рукой.

Родимцев знал, что никакого классического фехтования еще не было, оно только зарождалось где-то в Европе. Только в XVI веке в Италии впервые определили основные приемы, классифицировали принципы нападения и защиты. А в XIII веке бой на полутракилограммовых романских или капетингских, как их еще называли, мечах с почти метровыми клинками шел просто и жестоко. Бойцы друг другу наносили сильные рубящие удары, стараясь попасть по шлему, по шее, по руке противника, держащей меч, или подрубить ноги. При случае, могли нанести и колющий удар, например, между доспешных пластин. Но, никакого киношного танца с клинками, никаких лишних позиций и разворотов не применялось. Каждое движение оставалось выверенным и четким. Спиной к противнику тут никто не поворачивался. Все дерущиеся имели железные нервы и сражались лицом к лицу.

Противостояние с равным мастером меча выводило Гаспара из себя. Он никак не мог справиться с рыцарем из Франции. В конце концов ярость обуяла госпитальера. И он сделал ошибку, ринувшись в стремительную атаку, которую Бертран удачно парировал, отбив вражеский клинок сильной частью своего меча в сторону. После чего нанес, в свою очередь, молниеносный удар в шлем противника.

Если бы шлем Гаспара не был таким прочным, то сам он, скорее всего, сделался бы трупом. Но, поскольку довольно толстое забрало со смотровыми щелями он не забыл опустить перед схваткой, то удар Бертрана просто оглушил его, отправив в нокаут и разбив в кровь лоб. Главный госпитальер оказался повержен, а его братья-рыцари сразу начали отступать к своим лошадям, пятясь назад и выходя из боя.

— Эй, убирайтесь и не забудьте забрать свою падаль! — крикнул Бертран, опуская меч и давая тем самым понять, что поединок закончен. Добивать госпитальера он не собирался. Грегор, а за ним и остальные тоже прекратили схватку.

Поняв, что им уже никто не угрожает, товарищи Гаспара, которым эта драка тоже изрядно надоела, потирая побитые бока, подхватили своего командира подмышки, сняли с него шлем, подняли и потащили к лошадям. Там они плеснули ему в лицо водой из бурдюка, отчего Гаспар пришел в себя и даже кое-как забрался в седло. Ни слова больше не бросив в сторону кузницы, братья госпиталя быстро уехали. Провожая их взглядом, седой ветеран, зажимая небольшую рану на левом бедре единственной рукой, произнес:

— Что же это делается, люди добрые? Господни солдаты совсем обнаглели. Мало того, что деньги берут за охрану, так еще сами же и нападают.

— Это не солдаты Господа, а отродья дьявола, носящие их личину. Они давно перестали нести Свет Небесный и выбрали для себя служение сатане. В их сердцах я вижу только тьму, — сказал монах, который уже стоял чуть позади, по-прежнему держа за руку Адельгейду.

— К счастью, все обошлось. Могло быть гораздо хуже. Бой христиан между собой идет

на пользу только врагам, — проговорил Грегор, пряча в ножны меч и кинжал.

Его новый шлем хорошо показал себя в стычке. Не болтался и не перекашивался. А единственный пропущенный удар, нанесенный по мощной тулье сверху-сбоку кончиком меча противника, Григорий даже почти не почувствовал. Кузнец в знак благодарности за то, что Мансур дрался на его стороне, подарил сарацину булаву. И теперь новоиспеченный оруженосец Грегора ехал на своей лошадке вооруженный и экипированный. Ведь его чешуйчатую броню из нашитых на кожаную основу металлических пластинок никто не отобрал, а шлем-шляпу ему Григорий выдал.

От кузницы они тронулись на юг, в стороны горы Кармель. И чем дальше они отъезжали от предместьев Акры, тем больше признаков войны и разрухи снова наблюдали. Когда они въезжали на очередной холм, вдали уже можно было рассмотреть голубую полосу моря. А впереди уже показалась и цель их путешествия — гора Кармель к которой они приближались с северо-востока.

Миновав вскоре еще один перекресток, они опять вступили в места, где крестьянские дома были покинуты, а наделы сожжены. Когда они подъезжали к очередной деревне, то почувствовали запах разложения. Адельгейда, которая опять ехала, сидя впереди Грегора, потому что местность снова выглядела неровной, закрыла рукой носик. Вдоль дороги лежали трупы, гниющие на жаре. Вороны, клюющие их, при приближении всадников вспорхнули и закружились над головой с карканьем. Дальше у дороги стояла виселица. И останки повешенных висели на ней, облепленные роем мух. Понять, за что с крестьянами так жестоко обошлись, не представлялось возможным. Но, Адельгейда уже давно не боялась покойников. Ведь она провела возле них много дней на той мельнице, где ее нашли тамплиеры.

Они миновали разоренную деревню, потом еще одну такую же, когда южный вечер начал быстро опускаться над Левантом. Солнце коснулось полосы моря на горизонте, и с той стороны подул слабенький ветерок.

— Нужно остановиться на ночь. До темноты нам не доехать до Кармеля. Это только кажется, что гора близко, а, на самом деле, она еще достаточно далеко от нас, — сказал монах, когда они остановились на очередной небольшой привал возле какого-то маленького ручья, попавшегося на пути.

— И что же вы предлагаете, брат Иннокентий? — любопытствовал Бертран.

— Я уже проезжал этой дорогой. И один человек здесь приютил меня на ночь, — поведал монах.

— И что за человек? — спросил рыцарь.

— Он христианин. Карлос зовут его. Из испанцев. Живет здесь в отдельном маноре. В прошлый раз он предоставил мне кров на ночь, еду и убежище, когда по этим окрестностям еще рыскали люди Бейбарса. К его дому ведет тропа вдоль этого ручья. Манор расположен в небольшом ущелье у истока. Дом Карлоса в стороне от дороги, потому, наверное, сарацины и не тронули его. А я узнал об этом месте еще от одного монаха, — сообщил францисканец.

— Ну, что ж, давайте поедem к этому Карлосу, а то темнеет уже, — предложил Грегор.

После того, как они проехали еще несколько разоренных деревень с вырезанным населением, Гриша опасался, что и манор этого испанца, о котором говорил монах, тоже мог быть уже опустошен и разрушен. Сарацины вполне могли набрести на его жилище и убить, как и многих других христиан в округе. Но, попытка не пытка. Не ночевать же посередине дороги?

Вскоре за зарослями олеандра они действительно увидели вход в узкое ущелье, расположенное между двух холмов и больше похожее на обыкновенный овраг. Но, дальше вверх по течению ручья их взорам предстал настоящий маленький каменный замок с двумя башенками над воротами, перегораживающими проезд. Ручей вытекал через трубу, сделанную из камней под стеной сооружения.

Монах подъехал на своем ослике к воротам и постучался. К удивлению, его узнали и открыли. Когда вся компания въехала внутрь, то оказалось, что каменной была только надвратная стена и башенки на ней. Остальные постройки, кроме хозяйского дома, расположенного в глубине обширного двора, оказались глинобитными. Внутри замка-манора имелись конюшня, небольшой загон для коров, овчарня с овцами, курятник с курами, свинарник с поросятами, навесы для сена, фруктовые деревья и несколько жилых построек, из которых самой большой был хозяйский дом.

Внутри оказалось довольно много людей. Они сидели даже в обнимку с живностью в загонах. Похоже, местные крестьяне из окрестных деревень нашли здесь убежище от врагов. Были тут и солдаты с копьями и крестами, нашитыми на сюрко. Высокий жилистый человек с мечом на поясе и в почти такой же железной шляпе, которую Григорий отдал Мансуру, наверное, начальник караула, который и впустил их во двор, пошел докладывать об их приезде хозяину. Они спешили, Грегор помог спуститься с седла Адельгейде и вместе с ней наблюдал, как одна смуглая женщина доила козу, а другая, похожая, задавала корм пороссятам. Где-то в глубине просторного двора кричали дети и лаяли собаки.

Вскоре к ним вернулся начальник караула и сказал:

— Дон Карлос ожидает вас в доме. Проходите, мои люди позаботятся о ваших лошадях и об ослике.

Первый этаж дома выглядел высоким и не имел окон, а дверь в него оказалась окованной железом, больше напоминая крепостные ворота. Над ней с двух сторон нависали стрелковые балкончики-машикули. А высокие и узкие стрельчатые окна имелись только на втором этаже. Страж, вооруженный копьем, распахнул дверь, и они оказались в уютном патио, посередине которого имелся даже небольшой фонтан, у которого на настоящем стуле сидел Карлос, оказавшийся старым испанцем, таким же жилистым, сухощавым и смуглым, как и командир его караульчиков.

Хозяин манора был одет в черные кожаные штаны и в кожаный жилет, распахнутый на груди. Толстая золотая цепь с золотым крестом красовалась у него на шее. Несмотря на преклонный возраст, широкие плечи выдавали в нем воина, могучего в прошлом, а ныне просто старого и давно ушедшего на покой. Голова его не полысела, но казалась куском снега, налепленным на светлый шоколад его загорелого жесткого морщинистого лица с длинными седыми усами, нависающими своими концами над опущенными вниз углами рта. У ног его лежала большая собака-мастиф. Рядом чуть позади стоял, опираясь на полутроручный меч-бастард, какой-то рыцарь в кирасе, надетой поверх кольчуги, и в закрытом шлеме, похожий на телохранителя.

— Давно я вас, брат Иннокентий, не видел. Вижу, что мое гостеприимство вам пришлось по вкусу, раз привели и спутников. Кто это с вами? — спросил дон Карлос, вполне неплохо выговаривая слова на старофранцузском, хотя акцент и чувствовался.

Когда монах представил прибывших, хозяин манора проговорил:

— Я всегда рад приютить под своим кровом пилигримов. Тем более, мое почтение такой молодой баронессе. Но, никакого особенного угощения у меня нет. Мы бедно живем.

На время нашествия Бейбарса я приютил у себя всех крестьян с их скотиной, сбежавших из соседних деревень в поисках убежища. Так что едоков у нас слишком много. И, слава Господу, сарацины пока не добрались до нас, но могут появиться в любой момент. Потому безопасность тоже гарантировать не могу. Если враги явятся, я приму бой, хоть и будет он, скорее всего, для меня последним. Но, женщин и детей я убивать не позволю. Буду защищать их до последнего.

— Ваших людей немного, мессир Карлос. Но, пока я здесь, вы можете рассчитывать на мой меч, — сказал Бертран.

— Тамплиеры в моем лице тоже на вашей стороне, — сказал Грегор.

Дон Карлос что-то проговорил на испанском своему телохранителю и тот куда-то отошел. Вместо него вскоре появились несколько женщин, которые проворно начали накрывать стол, расположенный в этом же патио по другую сторону от фонтана. Несмотря на то, что хозяин прибеднялся, угощение им выставили вполне приличное. На столе виднелся даже запеченный поросенок на огромном блюде и традиционный испанский хамон, а также оливки, сыр и фрукты. Был подан и большой местный круглый хлеб-лепешка, а также отличное белое вино.

Когда все расселись, монах благословил трапезу. И Григорий поинтересовался у хозяина, занявшего место во главе стола:

— Вы, наверное, поддерживаете отношения с монастырем кармелиток? Далеко ли от вас до обители?

— Полдня пути. Там еще и командорство ваших братьев-храмовников, а внизу, возле моря, рыбацкая деревня Кайфа, названная так по имени иудейского первосвященника Каифы. Там можно купить свежую рыбу. Иногда я посылаю за рыбой своих людей, но, сам я не общаюсь ни с кем. И уже очень давно не ездил в ту сторону. Я никому не служу, живу сам по себе, как свободный человек. Этот дом в ущелье я купил у одного старого франка, который решил навсегда покинуть Святую землю, чтобы отправиться умереть на родине. Я же, напротив, дал обет умереть на Святой земле. И вряд ли кто-нибудь сможет мне помешать в этом. Я не боюсь умирать. Всю жизнь я провел в боях с маврами в Кастилии. Меня ничто уже не способно испугать. Потому я и не сбежал, когда все сеньоры вокруг побежали от войск Бейбарса. Просто сижу и не высовываюсь. Враги пока прошли мимо. А то, что будет дальше, ведомо одному только Господу.

Они уже доедали ужин, а солнце почти совсем зашло, и небо начинало темнеть, когда в патио прибежал молодой загорелый боец в кольчуге, но без шлема. Меч в ножнах болтался у него на поясе. Этот человек, вероятно, пользовался большим доверием у дона Карлоса, во всяком случае, он беспрепятственно подошел прямо к нему и быстро что-то доложил на испанском. Хозяин поделился услышанным и с гостями:

— Плохие новости, друзья мои. Сарацины направляются сюда. Но, мой разведчик сообщает, что это не армия Бейбарса, а какой-то отдельный отряд. Мы даже не знаем точно, кто это. Может, какой-то из мелких сарацинских правителей, которому Бейбарс пожаловал эти угодья, собрал отряд, чтобы завладеть подаренными наделами, а, может быть, что это просто явились мародеры, ищущие добычу. Но, все равно, дело плохо, а опасность велика. Их достаточно много, пара сотен, и они легко могут перегородить выход из моего ущелья. А потому, если вы желаете уехать, то это пока еще возможно. Наверное, если поедете прямо сейчас, то все еще успеете проскочить мимо них. Разумеется, если поторопитесь. У меня же все еще есть надежда, что эти сарацины тоже, как и другие до них, не найдут тропу в мой манор, а пройдут мимо.

Родимцев подумал, что раз этот гостеприимный хозяин внезапно предлагает уезжать, то, наверняка, знает, что говорит. Гриша уже хотел согласиться и немедленно начать собираться, как вдруг Бертран выпалил:

— Мессир, я уже сказал вам, что моим мечом вы можете располагать против нехристей, пока я здесь. А я происхожу из старинного рода де Луарков и слов на ветер не бросаю. И я не склонен убегать от врагов при малейшей опасности. Да это было бы просто не благородно и бесчестно с моей стороны, особенно после того, как вы предоставили нам кров и пищу. И мои слова остаются в силе. Я буду защищать всех тех бедных христиан, которых вы приютили, вместе с вами, пусть даже до последней капли моей крови.

Монах внимательно посмотрел на рыцаря и тоже неожиданно сказал:

— Благословение Господне на вашей стороне, дон Карлос. Ибо вы защищаете бедных и слабых. Я останусь и буду молиться за вас и ваших воинов. И да поможет вам победить моя молитва.

И Родимцеву надо было что-то сказать, чтобы не прослыть трусом и не потерять лицо, но он не знал, что. Ведь больше всего он беспокоился даже не за себя, а за Адельгейду.

Но, немецкая девочка вдруг четко произнесла, совсем как взрослая:

— Мои рыцари. Грегор и Бертран. Бить сарацин.

Такой приказ юной баронессы проигнорировать Григорий уже не мог. И возможность улизнуть для него тоже стремительно исчезала. Тогда он сказал, стараясь выглядеть солидно:

— Братья-рыцари храма Соломонова, к которым я принадлежу, должны защищать христиан. И, в соответствии с уставом нашего ордена, я и мой оруженосец будем сражаться за вас, дон Карлос.

Услышав эти слова, Мансур охотно кивнул в подтверждение.

А Григорий предложил хозяину манора:

— Вам стоит немедленно послать гонца к моим братьям-рыцарям в командорство Кармеля, чтобы они выслали отряд на помощь.

Дон Карлос взглянул на него снисходительно, словно на непонятливого ребенка и проговорил:

— Это бесполезно. Не в обиду вам будет сказано, мой друг Грегор, но рыцари из этого командорства тамплиеров давно уже никому не приходят на помощь. Они спрятались за стенами своей крепости на горе и сидят там, боясь высунуться. Я уже посылал своих людей к командору еще тогда, когда войска Бейбарса только подходили ко всей этой местности. Я просил выслать отряды, чтобы защитить несчастных крестьян из окрестных деревень долины Звулун, потому что всех я не мог приютить у себя. И ваш командор мессир Шарпантье ответил мне, что у него в замке нет никаких отрядов, а осталось только три десятка инвалидов, да столько же сержантов. И они думают, как бы пережить осаду самим и защитить монастырь кармелитов, расположенный рядом на горе. На что-либо большее сил у них уже нет. И им очень повезло, что Бейбарс пока на Кармель не пошел, а увел свое войско в другую сторону. Но, все равно, ваши братья из-за своих стен не выйдут. Мне это совершенно ясно. Так что помощи нам здесь ждать неоткуда.

Как заметил Родимцев, воды и еды на территории манора имелось вполне достаточно. И, благодаря этому обстоятельству, дон Карлос со своими людьми мог держаться в осаде значительное время. Вот только каменная стена с двумя башенками над воротами выглядела тонковатой. Если осаждающие притащат какие-нибудь осадные машины, вроде катапульт, швыряющих большие булыжники, то долго ни такая стена, ни башенки на ней не продержатся. Да и наверняка, не так уж и сложно для неприятеля будет забраться на предгорные холмы, окружающие ущелье с трех сторон, чтобы атаковать манор сверху.

Григорий сказал дону Карлосу:

— Я немного разбираюсь в тактике и хочу вам напомнить о необходимости поставить людей с арбалетами или с луками на гребни этих холмов, окружающих ваш дом.

— Об этом я уже позаботился, — сказал испанец и поманил Григория следовать за собой.

Оказалось, что задней стеной хозяйский дом, выполняющий в маноре роль донжона, примыкал вплотную к скальной стене, в которой имелись прорубленные ступени, ведущие вверх. Преодолев довольно длинную каменную лестницу, они с испанцем выбрались на скалу и оказались на небольшом плато, обрывающемся почти что отвесно с севера и с северо-востока, а с востока и с юга, наоборот, повышающимся к предгорьям массива Кармеля. На плато стояли три небольших стрелковых зубчатых башенки, на стрелковых площадках которых виднелись бойцы с арбалетами.

— Отсюда враги вряд ли сунутся. С лошадьми здесь невозможно подниматься. Да и пешему взбираться по такой круче очень нелегко. Все места, где сарацины могут попробовать влезть наверх, как раз и простреливаются из этих башен, — сказал дон Карлос, когда они подошли к краю обрыва.

Вид сверху открывался красивый. Солнце уже зашло за горизонт, но красная полоска заката все еще горела над Средиземным морем, давая достаточно света. Полоса берега находилась прямо перед ними в нескольких километрах, изгибаясь возле горы обширным заливом. Сам массив горы тянулся слева вперед до высокого мыса, а справа, на севере, лежала широкая долина Звулун, через которую они и приехали в манор, находящийся в предгорье. Внизу со стороны долины скакали на лошадях сарацинские всадники. Они как раз подъезжали ко входу в маленькое ущелье. В наступающей темноте уже нельзя было сказать точно, сколько их там. Но то, что врагов много, казалось очевидным.

Когда Грегор и дон Карлос вернулись обратно, небо уже окончательно потемнело. Вечер переходил в ночь. В патио вокруг фонтана слуги зажгли небольшие факелы в металлических настенных подставках. И хозяин манора сказал, обращаясь не только к гостям, но и к своим людям, ожидающим его:

— Выход из ущелья сарацины уже перегородили. Но, пока неизвестно, встанут ли они там лагерем, а утром поскачут дальше, или же будут искать способы проникнуть к нам. В любом случае, всю ночь мы будем настороже. Ведь враги могут попытаться напасть и в ночи.

— А где я могу помолиться на ночь? — спросил францисканец.

— И я должен соблюсти обряд, — сказал Григорий, вспомнив, что он тоже из монашеского братства, хоть и из военного.

А значит, если он не будет соблюдать внешне здешние правила, то окружающие этого не поймут. Хотя, конечно, сам Родимцев никогда набожным не был, но и воинствующим атеистом тоже никогда себя не считал, а относился к религии, как к народным традициям, которые необходимо уважать. В то же время, бабка его со стороны отца была верующей, а прадед со стороны матери даже имел сан дьякона и служил в каком-то монастыре до революции. Потому, нечаянно попав в тамплиеры, Григорий не испытывал никакого дискомфорта оттого, что тут молитвы являются чем-то вроде обязательного атрибута военной службы храмовников.

Хозяин отнесся с пониманием и провел их в маленькую домовую часовню. Там перед мозаикой на стене, изображающей Деву Марию, на притолоке горела свеча в бронзовом подсвечнике. А рядом стояло небольшое серебряное распятие. Возле этого импровизированного алтаря францисканец перекрестился. И начал читать нараспев странную молитву:

— Благословенный Господь, научи наши руки битве, приготовь персты наши к брани. Бог есть учитель наш для войны и для ополчения. Научи нас, Господи, победе. Дай силу нам преодолевать врагов и побеждать их. Господь крепкий и сильный, Господь свирепый в бою, пошли нам помощь в борьбе с враждебными силами, против тьмы века сего, против духов злобы подземной. Ибо полчища истинных неприятелей не одной с нами природы и невидимы для нас. И борьба наша происходит не за что-нибудь незначительное и мирское, а за спасение или гибель Света Небесного. И потому пошли нам, Господи, высшую помощь!

В тишине домовой часовни, возле маленького алтаря, такие торжественные моления звучали совсем необычно. Григорий и дон Карлос стояли по обе стороны от монаха, внимая каждому его слову, и крестились католическим способом в такт его словам. Но, францисканец не обращал на них никакого внимания. Глаза брата Иннокентия были широко открыты, он смотрел на мозаику-икону на стене, но казалось, что взгляд его, проходя стену насквозь, теряется где-то далеко в ином мире. Ладони монаха были сложены перед грудью в характерном жесте молящегося, но, когда он закончил молиться, огонь свечи неожиданно вспыхнул и загорелся неожиданно ярко. Тогда монах прекратил молитву, опустил руки и сказал:

— Я надеюсь, братья мои, что Господь услышал меня. И да будет так. Ибо правда на нашей стороне.

— А почему вы сказали во время молитвы, что Господь свирепый в бою? — спросил испанец.

— Это потому, что не мир Господь принес нам, но меч, — странно ответил брат

Иннокентий.

Когда они вышли из часовни и вернулись к фонтану, хозяину манора доложили, что сарацинский передовой разъезд уже подъехал к воротам. Вражеские всадники, человек двадцать, топтались на своих лошаденках на каменистой площадке перед входом в манор, они зажгли факелы и что-то грозно выкрикивали на своем языке. Теперь никуда уехать из манора уже не представлялось возможным. Потому что сарацины перегородили единственную дорогу. Да и отступить было некуда, если враги ворвутся. Разве что вылезти на гребни скалистых холмов, туда, где возле верхнего края скал стояли стрелковые башни, а потом оттуда прыгать вниз на острые камни.

— Что они кричат, Мансур, — спросил Григорий, когда они поднялись на одну из башенок над воротами следом за доном Карлосом. Бертран и Мансур повсюду следовали за храмовником.

— Всех зарезать, если не открыть, — перевел оруженосец.

Григорий попросил парня:

— Спроси их, кто они такие, откуда и чего хотят?

Мансур что-то прокричал всадникам. И те ответили ему. Произошел короткий диалог. Потом Мансур перевел:

— Люди шейх Джафар аль Хасан. Бейбарс дарил земля. Будут христиан выгнать.

Дон Карлос что-то сказал своим людям, человек пятнадцать которых стояли на башенках и расположились на стрелковой галерее, огороженной каменными зубцами, проходящей между ними. Тотчас стрелки нацелили арбалеты и дали залп. Трое всадников свалились с коней. Еще трое обмякли в седлах. Две раненые лошади встали на дыбы и, дико заржав, сбросили своих седоков. Оставшиеся поспешили убраться.

Сразу же во всем маноре зажглись факелы и начались приготовления к битве. По указанию хозяина всем, кто находился внутри, раздавали оружие. Даже женщинам и девочкам выдавали острые кинжалы. И Адельгейде тоже достался хорошо заточенный стилет-милосердник. Подразумевалось, что в случае, если сарацины все же ворвутся в манор, христианки должны были покончить с собой, чтобы не отдаться врагам на поругание. Так поступали женщины в Кастилии, откуда перебрался на Святую землю дон Карлос. А посреди двора разожгли костры. С башен время от времени бросали вниз зажженную паклю, чтобы незаметно приблизиться к воротам неприятель не смог. Обе стрелковые башенки наполовину своего диаметра выступали вперед за плоскость стены. Потому вся площадка перед воротами, а также пространство между башнями и отвесными стенами ущелья прекрасно простреливалось.

Двое оруженосцев принесли дону Карлосу очень дорогие доспехи, состоящие из хорошо пригнанных стальных пластин, явно сделанных по индивидуальным обмерам именно для этого испанского рыцаря. Насколько помнил Родимцев, в тринадцатом веке такие если и производили, то они стоили бешенных денег. И изготавливали их только в итальянском Милане или в испанском Толедо. Ну, может быть, еще где-нибудь в паре мест.

— Добрый у вас доспех, отлично сработанный, — похвалил Григорий.

— Это сталь из Толедо и нет прочнее ее во всем христианском мире. Да и мастеров лучше толедских нет нигде. В Милане делают доспехи красивее, но толедские гораздо прочнее, — сказал дон Карлос. Потом добавил:

— Но и этот доспех не защитит от смерти. Никакой не защитит, друг мой, если пришло время погибнуть. Расскажу тебе одну историю про жизнь и про смерть. Как-то во время

моей службы королю Кастилии и Леона случилось так, что близкая родственница моего сеньора, принцесса, и все благородные дамы, сопровождавшие ее, а также мы все, королевские рыцари, кто их охранял, были застигнуты врасплох сильным отрядом мавров из войска эмира Гранады Аль Альдамара. Они преследовали нас, некоторых убили и вынудили укрыться в скалах. Бой продолжался и, в конце концов, мавры загнали всех нас на высокую скалу. Получалось так, что спасение принцессы и благородных дам в тот момент зависело лишь от меня и от горстки моих товарищей, уцелевших при отступлении. Все мы были еще совсем молоды и опасались гибели. А дамы вместе с принцессой уже собирались бросаться со скал вниз, лишь бы не достаться маврам. Мы же все еще колебались. Но, самый старший из нас, наш командир, доблестный граф Альваро дель Вердас, убедил меня и всех других юношей пойти на прорыв. Пламенными речами он взбодрил нас и вселил в сердца уверенность. И мы ринулись в бой. Мы опрокинули врагов и прорвались. Хотя половина моих боевых товарищей в тот день погибла, но мы спасли принцессу и ее придворных девушек.

И что ты думаешь, друг храмовник, сказал нам в тот день граф Альваро перед решительным боем? Чем он смог убедить нас, что мы ринулись на превосходящих врагов, не жалея жизни? Тогда-то я и узнал от него очень простую вещь. Смерть настигает каждого. И граф говорил каждому из нас о том, что смерть predetermined. И она настигнет любого, но не раньше, чем то позволит Господь. И кому суждено прожить на этом свете еще, тот не погибнет в бою, если спасет тех, кого защитить обязан. И я с тех пор, друг тамплиер, живу с этим правилом. Каждый достойный человек должен помнить о смерти, но не бояться ее, ибо она придет лишь тогда, когда это допустит Господь. Но не раньше. Так что я с тех пор с легким сердцем выхожу на бой. Бывало, что бился я и почти один против многих. Но бился за правое дело. И, как видишь, дожил уже до старости. И сейчас, если Господь за нас, то мы победим. Пусть даже нам и придется сразиться с сарацинами ночью.

Вооружившись полутраручным мечом, хозяин манора стоял на башне и ждал, вглядываясь в темноту. Но, враги, похоже, не имели никакого желания нападать в темноте. Где-то достаточно далеко, у входа в ущелье, горели их походные костры. Выждав какое-то время, дон Карлос распорядился, и половина его людей отправилась спать. Потом он сказал и Грегору с Бертраном:

— Идите и вы отдыхать. Ночью сарацины, скорее всего, не нападут. А с рассветом нам потребуются все силы.

Последовав совету дона Карлоса, Григорий пошел спать. Гостеприимный хозяин отвел им комнаты на втором этаже своего просторного дома. Гостевые покои выходили в длинную и широкую галерею второго этажа, располагаясь напротив узких стрельчатых окон без всяких стекол, больше похожих на бойницы. А саму эту галерею, в случае штурма, легко можно было использовать в качестве стрелковой. Комнатки для гостей были небольшими, скорее, похожими на кельи, но вполне уютными, в каждой из них стояли по две грубых кровати, сколоченных из плохо ошкуренных досок, но имеющих даже тюфяки из мешковины, набитые соломой. Адельгейда впервые за время их путешествия от замка Тарбурон ночевала на женской половине дома, предоставленная заботам служанок дона Карлоса.

В одной из гостевых комнаток устроились монах-францисканец и Бертран, а в другой расположились Грегор и Мансур. Странно, но почему-то нечаянный оруженосец вызывал полное доверие у Родимцева. А, казалось бы, он легко мог бы и перерезать всех во сне. Все-таки он был сарацином. Но, как Гриша понял со слов парня, он не являлся свободным человеком, а был боевым рабом шейха Халеда, тем самым пресловутым мамелюком, к категории которых относились и сам грозный султан Бейбарс и даже легендарный Саладин. К тому же выяснилось, что отец этого Мансура давно погиб в сражении, когда он сам еще был маленьким ребенком, а потом и мать вскоре умерла.

Он рос сиротой и был продан в рабы родственником отца, захватившим все имущество после смерти родителя. Ведь сам Мансур не был настоящим наследником, а лишь сыном наложницы из пленных христианок. От таких, как он, в приличных египетских семьях избавлялись при первом же удобном случае. Ну, кому нужен сирота, да еще и полукровка, сын француженки из гарема погибшего витязя?

И что Мансура ждало дальше? Ведь он не блистал какими-то отменными боевыми качествами, не был исключительно умелым и сильным воином, не сделался никаким чемпионом в военных играх, как, например, тот же Бейбарс в молодости. На самом деле, лишь единицы из мамелюков становились султанами. Большинство же погибало в многочисленных войнах, ведущихся правителями Востока, как с христианами, так и между собой, совершенно бесславно. Так что у парня имелась собственная сильная мотивация переметнуться к христианам при любом удобном случае. Что Мансур и сделал, как только такой случай ему представился. К тому же, он уже проявил себя в стычке с госпитальерами. Потому у Родимцева имелись кое-какие основания доверять парню.

Григорий очень устал за длинный день, а потому заснул быстро. Станный сон приснился ему. Будто он стоял в каком-то просторном зале, охраняя чью-то большую могилу, огромный вычурный каменный саркофаг. Стоя на посту, в правой руке он сжимал металлическое древко большого флага, похожее на копье, а само полотнище трепыхалось над его головой на сквозняке. И он чувствовал биение знамени, словно метания живого существа. Вдруг, непонятно откуда, донесся шепот. И Гриша вздрогнул, когда незнакомый человек, закутанный в белый плащ, тронул его за плечо, заставив обернуться. Он понял, что этот человек, старик с седой бородой, принес какую-то весть. Старик, не отрываясь, смотрел на Григория светящимися белым огнем глазами.

— Враги идут! — предупредил он.

— Не пропущу их! — твердо проговорил Григорий.

— Они идут, чтобы убивать слабых! — сказал старик.

— Не допущу! — вскричал Григорий и проснулся.

Он подскочил на кровати как раз вовремя. На галерее напротив их комнаты стоял дон Карлос, опираясь на свой длинный меч. Он был в доспехах, но без шлема. Темные круги на лице говорили о том, что испанец так и не спал, а всю ночь дежурил. И дон Карлос произнес:

— Вставайте, братья! Сарацины перед воротами!

Быстро облачившись с помощью Мансура, Гриша выбежал из хозяйского дома во двор, где уже царила суета. Утро поднималось над Левантом лучами света с востока, откуда вставало яркое солнце. Вскоре Бертран тоже присоединился к ним. Поднявшись на башню ворот следом за доном Карлосом, Григорий увидел толпу сарацин, на этот раз пеших. Коней они, наверное, оставили в своем лагере, чтобы животные не пострадали в предстоящей стычке, потому что под стенами надвратного укрепления манора лошади стали бы только мешать и рисковали погибнуть зря. А толку от них не предвиделось никакого.

За ночь сарацины где-то, наверное, в окрестных брошенных деревнях, раздобыли длинные лестницы. И враги собирались идти на приступ. В их рядах застучали барабаны и затрубили несколько труб. Помимо лестниц, у врагов имелось и что-то вроде тарана. Какое-то большое бревно множество загорелых воинов волокли в сторону ворот.

У некоторых из сарацин вооружение не уступало рыцарскому. На них были длинные кольчуги, шлемы с личинами и наплечники, имелись круглые щиты и тяжелые ятаганы. А на случай, если христиане вздумают предпринять конную атаку, чтобы отбить штурм, спины штурмовой группе прикрывали копейщики, стоящие в несколько рядов. А сзади них расположились еще и лучники, которые, как только барабаны забили, сразу начали осыпать стрелами укрепление.

Подняв свой меч, дон Карлос, в свою очередь, дал команду арбалетчикам начать обстрел штурмующих. Арбалетчики произвели первый залп, а их помощники уже подавали другие заряженные арбалеты. Люди на стенах все надели шлемы, стальные наплечники, кольчуги и даже металлические нагрудники. И легкие сарацинские стрелы, пущенные издали, пока не причиняли им вреда.

Сзади со двора слышались крики:

— Сарацины напали! Просьпайтесь! К оружию!

Внимая призыву, все христианские мужчины, даже старики и мальчики брали в руки оружие, присоединяясь к защитникам ворот. А снаружи сарацины с лестницами уже бросились на приступ. Кто-то из атакующих падал, пораженный стрелами арбалетчиков, но, основная масса атакующих добежала и сходу приставила лестницы к стене. Это был не замок, а всего лишь манор. Ни рва перед воротами ни подъемного моста не имелось.

Импровизированный барбакан был недостаточно мощен, а тактика его обороны казалась Родимцеву непродуманной, потому что стена надвратного укрепления имела высоту всего лишь в два человеческих роста. Если бы она была повыше, то атакующим пришлось затратить гораздо больше усилий. А так сарацины, едва достигнув стены, сразу полезли наверх. И защищающиеся пустили в ход багры, пытаясь отталкивать ими штурмовые лестницы и сбрасывать штурмующих вниз вместе с ними. Во дворе возле башен горели костры, над которыми в котлах кипела вода, набранная из ручья. Оттуда кипятком черпали ведрами и поднимали на веревках на башни, а потом лили на головы штурмующим.

Ошпаренные дико орали.

Но, пока происходила вся эта кутерьма, другие сарацины подтащили к воротам огромное сучковатое бревно, найденное ими за ночь в окрестностях, и, под прикрытием щитов, начали колотить им в ворота. Копейщики и лучники тоже приблизились. Те арбалетчики, которые находились на башнях, еще продолжали стрелять, но другие, находящиеся наверху надвратной стены, проходящей над воротами между башнями, уже отложили арбалеты и взялись за мечи, потому что атакующие уже влезли на стену, и начался ближний бой. Кто-то из защитников упал, получив удар саблей.

— Нам пора присоединиться! — сказал дон Карлос Грегору и Бертрану, надевая шлем, поднесенный оруженосцем.

Они быстро спустились по винтовой лесенке внутри башни и оказались на стене, прямо перед врагами.

— Сантьяго! — выкрикнул хозяин манора боевой клич испанцев. И его воины вторили своему командиру, яростно набросившись на сарацин, залезающих на стену.

— Монжуа! — закричал Бертран, обрушив свой меч на шлем ближайшего неприятеля.

— За Христа и Храм! — выпалил Григорий и резким ударом меча отрубил ближайшему сарацину руку, замахнувшуюся на него ятаганом.

Если Бертран казался Родимцеву мастером меча, то дон Карлос, наверное, был самым настоящим грандмастером. Грише чудилось, что он не орудует своим полутраручным клинком, а танцует странный быстрый смертельный танец. Настолько изящны, точны и одновременно губительны для врагов были его движения. А там, где пожилой испанец проходил по стене, штурмующие с воплями падали замертво. Потому что любой его удар находил цель. Его длинный клинок сверкал сталью в лучах восходящего солнца. И ни одного лишнего движения он не делал. Бертран тоже был хорош в схватке. Он рубил врагов мощными ударами. И из-под лезвия его клинка летели во все стороны кровавые брызги. Сарацины выли, как звери, но ничего не могли сделать против этих двоих. И сам Григорий, конечно, помогал своим товарищам по оружию, как умел, тоже действуя мечом вполне успешно. А за ним, прикрывая спину в бою, следовал Мансур с булавой, добивая тех, кого не добил Грегор.

Пока они все вместе отбивали штурм на стене, атакующим внизу удалось тараном выбить ворота манора. Опрокинутые створки, окованные железом, упали под ноги врагов. И сарацины всей толпой ринулись внутрь сквозь арку, размахивая своими изогнутыми саблями и крича ругательства на своем языке. Небольшая группа защитников, которых дон Карлос послал держать ворота, еще противостояла натиску. Но, никаких сомнений в том, что последних бойцов враги скоро сомнут, если им не прийти на помощь немедленно, не оставалось.

Григорий заметил, что все крестьянки, спасающиеся на территории манора дон Карлоса от сарацин, в ужасе вопили, не зная, что делать.

— Отступайте к дому, прячьтесь там! — крикнул им дон Карлос, продолжая рубить врагов. Шум сражения и крики своих и вражеских раненых поглотили его слова. И крестьянки не слышали его призыв, пытаясь спрятаться в глинобитных постройках двора, или просто прижавшись к скотине в загонах.

— Быстрее! Со стены атакуем вниз! Спускаемся! Обрушимся на штурмующих с двух сторон! — прокричал испанец.

Сокрушая на ходу врагов, дон Карлос и Бертран, очистив от врагов стену над воротами,

вернулись в левую башню, откуда спустились по каменной лестнице. Из двери, расположенной в основании башни слева от ворот, они набросились на врагов с удвоенной яростью. Грегор и Мансур последовали их примеру, напав на сарацин, проникших во двор, из башни справа.

Прямо перед Григорием находился здоровенный сарацин в шлеме-шишаке. Все его тело сверху и до колен покрывала кольчуга. Сарацин яро рубился своим кривым ятаганом с каким-то тощим парнем из крестьян, почти мальчишкой, вооруженным только копьем. Не теряя времени, Грегор атаковал врага сбоку. Но тот заметил его и попытался отмахнуться своим изогнутым клинком. От противника неприятно пахло немытым телом и потом. Удар врага не достиг цели, потому что Гриша вовремя пригнулся, поднырнул под руку сарацина и коротко ударил левой рукой кинжалом, потому что расстояние оказалось слишком коротким для меча. И, странное дело, его кинжал легко пробил кольчугу врага. Сарацин блеванул кровью и повалился в грязь возле загона со свиньями. Второй сарацин набросился на Григория с другой стороны, но его голову сразу нашла булава Мансура. А третьего уже сам Грегор удачно встретил мечом. Страх не мешал ему, потому что сейчас у него имелась цель: во что бы то ни стало защитить людей, подвергшихся вражескому нападению. Нужно было выиграть немного времени, чтобы оставшиеся ратники дон Карлоса все же увели нерасторопных крестьянок внутрь дома. И главное, конечно, спасти Адельгейду.

Атака с двух сторон на прорвавшихся сарацин ошеломила их в первый момент, но, численное преимущество делало свое дело. Христиан все дальше теснили вглубь двора. Кому-то из противников Грегор нанес удар по шлему и сарацин упал. Гриша не успел заметить, ранил он врага или все же убил, как задние, напирая, уже затоптали своего же. А христиане все отступали. Азарт схватки постепенно начал сменяться усталостью. Но и сарацин становилось меньше. Они тоже уставали. Постепенно общее сражение начало распадаться на отдельные группы дерущихся.

Григория и Мансура окончательно оттеснили к загону со свиньями. Поросята визжали. Какая-то молодая женщина-крестьянка прижимала к себе младенца, в надежде укрыться за деревянной стойкой навеса. Внезапно к ней ринулся сарацин с окровавленной саблей и занес руку для удара.

— Не смей! — выпалил Григорий, словно бы противник понимал его речь.

Гриша бросился в атаку. Услышав его голос, сарацин вовремя развернулся и отбил натиск тамплиера. В свою очередь сарацин нанес неожиданно мощный удар. И сталь клинка противника скользнула по кольчуге рыцаря на боку, едва не пробив ее. Грегор сильно ударил в ответ по ногам, и враг, потеряв равновесие, смачно грохнулся в поросычье дерьмо. А Мансур тут же добил его своей булавой.

В ноздри Родимцеву бил запах крови и свиного помета, перемешанный еще с каким-то зловонием. Но, Гриша не замечал этого, потому что на него надвигался следующий противник с лицом, закрытым стальной личиной и в черненной кольчуге. Левую сторону его груди прикрывал круглый щит. И кровь капала с кончика его сабли. И от этого противника исходило ощущение опасности. Он неумолимо наступал на тамплиера. Несколько ударов, которыми Григорий пытался достать врага, не достигли цели. А Мансур рядом бился с кем-то еще. Этот враг был очень быстрым и точным. Он напоминал того сарацина, которого Гриша зарезал в трактире людоеда, такой же опасный и умелый боец.

Два раза сарацин провел атаку, рубанув саблей Грегора по голове. Но, его новый шлем

взял эти удары на себя без ущерба для черепа Родимцева. В ответ по щиту бить было бесполезно, но одна уловка пришла на ум Григорию неожиданно. Парировав очередной удар сабли, он зашел сбоку и провел удар по ноге противника возле колена, там, куда кольчуга не доставала. Меч прорубил ногу ниже кольчуги, но выше латного сапога. Противник рухнул, а Мансур, который уже разобрался с тем, кто нападал на него самого, добил и этого сильным ударом своей булавы.

Наконец-то вокруг враги поредели. Бертран, дон Карлос и его выжившие в стычке испанцы покосили многих. А оставшиеся враги не выдержали и начали отступать обратно к воротам. Но, христиане преследовали их лишь до тех пор, пока они не покинули двор и не исчезли на другой стороне предвратной площадки за кустами олеандра. Христиане не стали гнать их до самого сарацинского лагеря, потому что там можно было легко напороться на засаду копейщиков и лучников, а сил уже и без того у защитников манора осталось довольно мало.

Многие получили раны, а с десятков людей дона Карлоса сарацины в стычке убили. Хотя сами потеряли в три раза больше убитыми. Но, если их изначально подошло больше двух сотен, то что для них гибель тридцати бойцов? А значит, в любой момент сарацины могли собраться с силами и повторить атаку. И в маноре это все понимали.

Все, кто уцелел в этом бою, с надеждой взирали на своего командира. Но, что он мог сделать? Половина воинов дона Карлоса пали в этой маленькой, но жестокой схватке. Кто-то оказался ранен так сильно, что не мог подняться, и женщины, выбравшиеся из дома, как только сарацины ушли, оказывали пострадавшим помощь вместе с монахом Иннокентием.

Седой испанец снял шлем, устало опираясь на свой длинный меч, обагренный кровью врагов, и безрадостно взирал на поле битвы, оказавшееся во дворе его собственного дома. Родимцев вспомнил слова барона Монфора: «Война не спрашивает людей, хотят ли они воевать, она приходит к людям сама». И теперь война пришла и в этот уединенный манор, чтобы разорить его.

По всему двору лежали мертвые. И их было слишком много. Скорбь, боль и холодная ярость — все это чувствовалось во взгляде пожилого испанского рыцаря. Наконец, он проговорил:

— Многие пали, но мы уцелели, друзья. Вот что важно. Значит, мы все сделали правильно, и наше время умирать еще не пришло. И вы все славно бились за правое дело! А за тех, кто погиб, враги заплатили своей кровью.

Все выжившие молча кивнули. Они понимали, что опасность еще не миновала.

После боя монах Иннокентий помогал раненым и молился за убитых, которых хоронили тут же, под деревьями небольшого фруктового сада. Потом он опять прочитал несколько странных молитв и сказал в конце громко:

— Помощь Божью чувствую я. Она придет ко сроку. Не раньше и не позже, а только тогда, когда мы сделаем все возможное для этих бедных людей, которые надеются на нас. Помощь Божия никогда не опережает события, но никогда и не опаздывает. Помощь Господь пришлет сегодня.

Григорию было некогда участвовать в ритуалах и слушать молитвы, он помогал людям дона Карлоса строить баррикаду на месте ворот, потому что ворота, вышибленные тараном врагами, быстро восстановить не представлялось возможным. На стены и башни снова влезли арбалетчики, готовые дать залп, как только неприятель предпримет следующую попытку штурма. Дон Карлос позаботился о том, чтобы всех бойцов накормили. Крестьяне разделали одну из самых больших свиней, которую убили сарацины между делом, в тот момент, когда они ворвались во двор манора. Свинью освежевали и сварили мясной суп на всех. Горячее варево крестьянки приносили воинам в глиняных пиалах прямо на боевые посты.

Здесь не было лишних людей. Даже дети собирали в корзинки сарацинские стрелы, залетевшие во двор манора в ходе сражения, чтобы очистить их и отнести лучникам дона Карлоса. После боя лучников и арбалетчиков оставалось немного, по шесть человек и тех и других. Уцелели пятеро испанских рыцарей и пара десятков ополченцев из крестьян, вооруженных копьями. Кроме самого хозяина манора, Бертрана, Мансура, да самого Григория, это, пожалуй, был весь боеспособный личный состав. Кроме убитых, еще два рыцаря, несколько копейщиков и три арбалетчика получили серьезные раны и не могли сражаться дальше.

Григорий подумал, что, если бы у защитников манора имелось огнестрельное оружие, то штурм они точно бы отразили. Довольно узкое ущелье со стороны манора можно было держать двумя или тремя самыми примитивными пушками. «Черт, пора уже начинать делать порох», — подумал Родимцев. Он вспомнил, что читал про первые примитивные пушки. Например, в манускрипте Уолтера из Милимета, созданном между 1326-м и 1330-м годами для английского монарха Эдуарда III, описывалась первая пушка, которая напоминала кувшин из бронзы, положенный вместо лафета на нечто вроде стола. В дуло засыпался порох, забивался заряд, к запальному отверстию подносился фитиль. Ничего сложного. То есть, вот такая самая примитивная пушка будет изготовлена европейцами не раньше, чем через полвека, не говоря уже о ручном огнестрельном оружии, которое начнет появляться еще позже. Но, в то же время, китайцы довольно давно применяют пушки из бамбука. У них эту технологию позаимствовали и монголы, которые в 1258 году, значит, совсем недавно, использовали подобные «пушки» при осаде Багдада. От них знание о порохе проникнет вскоре к арабам и туркам. Потому, конструкторы принимать нужно немедленно.

Родимцев не видел причин, почему бы не сделать огнестрельное оружие прямо сейчас ради спасения христиан Леванта от сарацин? Кузницы тут имелись, сверлить металл умели, а секрет изготовления пороха он знал. Так что нужен был только спонсор, который смог бы поверить никому неизвестному тамплиеру и выдать ему кузницу со всем необходимым и

какую-нибудь алхимическую лабораторию для налаживания производства пороха. И, если такого спонсора найти и заинтересовать, то и этот человек, и сам Родимцев, создав огнестрельное оружие на полвека раньше, могли бы не просто обогатиться, а сделаться влиятельнейшими людьми в этом мире.

Ведь в производстве, по сути, нет ничего сложного. В том же Китае, например, для производства взрывчатого вещества к своим бамбуковым пушкам применяли смесь из селитры, серы и древесного угля. Получался дымчатый порох. Не слишком качественный, но дешевый в производстве. Китайцы делали его очень примитивно и просто. Готовили самые примитивные ингредиенты: коровий и конский навоз, солому, хворост, растительные очистки, упавшие с деревьев листья и кости животных. Все это смешивали с толченым известняком в большой яме. Потом закрывали слоем почвы и давали перегнить. Затем промывали, выщелачивали, выпаривали, сушили и добавляли древесную золу с серой.

Можно, конечно, использовать и природную калиевую селитру, так называемый нитер. Только Григорий не помнил, где находятся на Святой земле залежи этого минерала. Он, вроде бы, очень распространен в Индии и Чили, но туда не добраться. Не беда, применить китайский метод ничего не помешает. Только нужны рабочие, место, время и деньги.

Процесс, конечно, не был быстрым, скорее, длительным, но он стоил того. Родимцев знал, что из одного кубометра компостной массы за пару лет образуется, примерно, пять килограммов селитры. Не слишком быстрый и эффективный процесс. Ведь, по сути, калиевая селитра получается в обычной компостной яме. Ее выщелачивают водой, и она кристаллизуется. Этот способ, в сущности, биологический. Белесый нитер создают бактерии. А левантийская жара будет только способствовать быстрейшему протеканию процесса гниения. Можно не закрывать яму, а поливать навозной жижей или конской мочой для интенсификации. Вот вонища-то будет! Но, ничего не поделаешь, тем более, что тут и без того все вокруг воняет. Вонючее средневековье на дворе, что же делать? Если только прогрессорствовать. А почему бы и нет? «Вот с оружия и начну! Хватит уже сарацинам христиан убивать,» — решил Григорий.

Еще он подумал, что, возможно, есть шанс заинтересовать дона Карлоса. Может, у испанского рыцаря и нет денег, но зато есть участок и крестьяне. Есть и скотина, а значит, навоз тоже найдется. Известняк тоже имеется рядом, в холмах Григорий видел пласты. А древесный уголь, хоть деревьев в округе и маловато, но как-нибудь нажечь удастся. Можно сделать селитряницу. Вода тоже есть для выщелачивания. Вот только серу еще найти надо для эффективности пороховой смеси. Но, и это тоже возможно. Например, сера есть на берегах Мертвого моря. Не так и далеко от горы Кармель.

В сущности, можно поначалу обойтись и совсем без серы. Чрезмерное содержание в порохе серы уменьшает его силу и скорость горения. Поэтому лучше готовить порох с небольшим содержанием серы. Эффективный черный порох состоит примерно из семидесяти пяти процентов селитры, из пятнадцати процентов древесного угля и десяти процентов серы. Причем, сера является связующим компонентом, некой «замазкой» между углем и селитрой. Именно она способствует скорости воспламенения. А еще порох с серой обладает способностью лучше храниться. Сера как бы цементирует пороховые зерна. Но, этим пока даже можно пожертвовать, наладив хотя бы производство селитро-угольной смеси. Конечно, она несколько уступает по скорости воспламенения, но, можно просто изменить пропорцию, например, увеличив до восьмидесяти процентов содержание селитры, и делать заряды побольше, чтобы получить одинаковую эффективность.

Уголь из хвойных древесных пород для изготовления пороха лучше не использовать, потому что содержание компонентов смолы уменьшит воспламеняемость. Да и с увеличением содержания угля в порохе скорость горения снизится. Надо, конечно, экспериментировать. Но, главное, чтобы было у кого-нибудь из местных владетельных господ желание все это производство организовать. Ведь, по средневековым меркам, такое предприятие будет весьма серьезным и затратным на первых порах, до тех пор, пока огнестрельное оружие не начнет продаваться, либо его производство не станет финансироваться из монаршей казны.

И Родимцев решился. Когда они вместе с доном Карлосом, руководящим строительством баррикады в проеме разбитых ворот, присели отдохнуть на ступеньке каменной лестницы, ведущей на стену, Гриша сказал:

— Я знаю секрет такого оружия, которое может перевернуть весь мир. И, если вы, как самый доблестный рыцарь из всех, с кем я имею честь быть знаком, поддержите меня в его изготовлении, то сможете защитить не только своих христиан, но и всех христиан Святой земли.

Дон Карлос выслушал его, но оказался настроен скептически. Он сказал:

— Если бы такое оружие имелось, друг Грегор, то христианские короли давно овладели им. И наверняка церковь их поддержала бы. А раз короли не имеют такого оружия, то и сделать его, значит, возможным не представляется.

— Но, это не так! — воскликнул Родимцев. И пояснил:

— Короли пока просто не понимают, насколько такое оружие смертоносно. Надо изготовить образец, чтобы продемонстрировать им. Только тогда они смогут понять.

— А ты сам, брат тамплиер, откуда знаешь секрет такого оружия? — спросил дон Карлос.

И действительно, Родимцев как-то не подумал, как объяснить происхождение собственных знаний. Пришлось сочинять на ходу. Он рассказал выдуманную историю, что-то подобное он где-то читал:

— Мой отец был славным рыцарем, он участвовал во многих сражениях. А еще побывал в великом множестве крупных и мелких вооруженных стычек. В боях он получил тяжелые раны, долго болел и растерял былую силу. В конце концов, с самыми преданными людьми он вернулся в родное поместье. Там он обзавелся семьей, родился я. Но, раны отца по-прежнему болели. Когда мне едва исполнилось шесть, отец мой был уже совсем плох. Его лицо приобрело землистый оттенок, а старые раны болели так, что он кричал по ночам. Вот тогда кто-то из окрестных священников подсказал моей матери, очень набожной женщине, взять к себе одного старого пилигрима, ведающего, как говорили, тайны врачевания.

Я тогда был еще слишком мал и не знал о том из какого монастыря пришел тот старый монах, который поселился в нашем маленьком замке. Не помню я и как звали того служителя церкви, который привел этого старика к отцу. Но зато хорошо помню, что монах моего отца вылечил. Травяные отвары монаха помогали. И вскоре мой отец перестал кричать от боли и поднялся с постели.

С тех пор тот старый монах неотлучно находился в замке моих родителей на полном содержании. Монах оказался добрым ко мне. И я привязался к этому человеку и внимал его рассказам. Выяснилось, что он в молодости был купцом и очень много путешествовал. Он был старым, но не хотел, чтобы знания, накопленные им за время его странствий, бесследно ушли вместе с ним в могилу. И он рассказывал мне обо всем на свете много всего

интересного. А я впитывал все эти рассказы в себя. И многое помню до сих пор. Вот и секрет этого оружия я знаю, потому что монах, который учил меня, побывал в тех далеких краях, где такое оружие уже давно начали делать. А он вызнал его секрет, который и передал мне.

— Так, почему же ты до сих пор не поведал о том руководству своего ордена? — спросил дон Карлос.

— Боюсь, что там никто не станет даже слушать меня. Потому что те, кто стоят сейчас наверху нашего братства, очень отделились от простых братьев-рыцарей, — сказал Гриша.

Испанец пристально посмотрел на него, покручивая пальцем свой длинный ус и проговорил:

— Ну, не знаю, Грегор. Как ты все это себе представляешь? Для того, чтобы делать что-то новое и такое значительное, как ты предлагаешь, необходимо мирное время, а вокруг нас, наоборот, идет война. И, я думаю, что вряд ли кто-нибудь найдет сейчас возможность, чтобы пробовать какое-нибудь новое оружие. Все озабочены, как бы отразить врагов тем, что есть под руками.

— Я могу попробовать изготовить маленький образец, — сказал Григорий, задумав, для начала, смастерить обыкновенную пищаль. А уж для пары выстрелов можно и селитру найти. Компостную яму, куда служанки кидали отбросы, он в саду манора уже заприметил.

Но, договорить в тот раз им не дали. Потому что сарацины снова пошли на приступ. И дон Карлос поспешил на башню. А Григорий последовал за ним. На этот раз вражеские бойцы с саблями и ятаганами не кидались вперед, сломя голову. Медленно, под бой барабанов, надвигался на баррикаду, спешно возведенную христианами на месте ворот манора, строй сарацинских копейщиков. А за ними двигались вперед лучники. Шагов с тридцати они начали обстрел, когда копейщики придвинулись уже к манору достаточно близко.

Арбалетчики и лучники дон Карлоса, разумеется, тоже не бездействовали. Они отвечали своими залпами. Только их залпы оказывались не слишком эффективными, потому что рой сарацинских стрел просто не давал возможности нормально целиться. А, когда они прятались за каменные зубцы стены и башен, копейщики продвигались вперед. И, только перед самой баррикадой копейный строй расступился, выпустив вперед штурмовой отряд. Он, как и в прошлый раз, состоял из таких же воинов с щитами и с саблями, облаченных в кольчуги, в чешуйчатые панцири и с шишаками на головах. И все они сразу полезли на баррикаду. Защитники манора устали, их осталось немного. Но, они подняли оружие и продолжали отбиваться в надежде сдержать штурмующих. И в первом ряду у баррикады в арке ворот сражался Бертран.

В этот момент Григорий обратил внимание, что дон Карлос вглядывается вдаль. С башни открывался вид на заросли олеандра, растущие плотной стеной в русле ручья, перегораживая ущелье. Но, за ними просматривалось и устье ущелья, то место на дороге, откуда можно было свернуть по тропе вверх по течению ручейка и добраться к воротам манора. Теперь в том месте размещался лагерь сарацин с пестрыми палатками, перегородившими единственный выход из укрепления. И там что-то происходило. Отряд каких-то неизвестных всадников, скачущих вдоль дороги, внезапно налетел на лагерь врагов.

Неизвестный отряд был весьма немаленьким. Кавалеристы с длинными копьями нанизывали сарацин на острые наконечники. И, без сомнения, то были христианские рыцари. На их знаменах присутствовал жирный красный крест на желтом фоне. А за

авангардом скакали конные лучники, которые добивали врагов. Неожиданная помощь пришла, как и предсказывал этот странный монах-францисканец.

Услышав крики соотечественников, доносящиеся со стороны своего лагеря, сарацины прекратили атаку на манор, начав быстрое отступление. И тут дон Карлос дал команду прорываться на помощь тем христианам, которые сражались с сарацинами в их лагере. Христиане быстро протиснулись над баррикадой и ринулись в атаку. Впереди бежал сам дон Карлос с полутраручным мечом, справа и слева от него бежали по двое его испанских рыцарей, за ними правый фланг прикрывал Бертран, а на левом оказались Грегор с Мансуром. Позади семенили арбалетчики, спустившиеся со стены.

Они беспрепятственно миновали кусты олеандра и вышли в тыл к сарацинам. Враги не ожидали атаки со стороны манора, обратившись все на защиту от рыцарской кавалерии, налетевшей столь внезапно, что организовать внятную оборону собственного лагеря сарацины не успели. И у них не было шансов. Большой отряд крестоносцев набросился на них со всей мощью. Сарацины уже были отрезаны от своих лошадей, пасшихся по другую сторону дороги. А пешие против конных они представляли собой лишь жалкое зрелище. Не сумев заранее выставить копейщиков на пути тяжелых всадников, они безнадежно проигрывали схватку. И даже преимущество в количестве лучников никак им не помогало, потому что у всех христианских всадников имелись, кроме копий, щиты и закрытые шлемы-топхельмы. Да и лошади защищались стальными налобниками-шанфронами, нагрудниками и кольчужными попонами.

Дон Карлос и все те, кто вместе с ним выдвинулись из манора, атаковали сарацинский лагерь с боевыми кличами. И рыцари у дороги слышали их. В ответ они кричали: «Монжуа!» И воодушевившись, те, кто совсем недавно находился в положении осажденных в маноре, с удвоенной силой орудовали мечами, пробиваясь на свободу.

Сарацины не ожидали атаки одновременно с двух сторон и быстро проигрывали бой. Тяжелые всадники с крестами на щитах громили их лагерь, а люди дона Карлоса добивали тех, кто пытался бежать в сторону манора. Григорию тоже, конечно, пришлось участвовать в этом странном сражении, больше уже похожем на бойню. Его руки даже устали рубить врагов, а с меча капала кровь. Но, вскоре дерущиеся сарацины закончились. По крайней мере те, кто был способен активно противодействовать. Их, конечно, всех не перебили. Просто оставшиеся начали бросать оружие и сдаваться на милость победителей. Как потом выяснилось, в плен попал и сам шейх Джафар аль Хасан.

Путь из манора вновь оказался свободен. Когда два отряда христиан встретились в разгромленном сарацинском лагере, дон Карлос, первым делом, спросил, кому обязан спасением от вражеской осады. Оказалось, что рыцарский отряд вел Жан де Ибелин, граф Яффы, Аскалона и Рамлы. Тот самый, которого чуть не убили генуэзцы в Акре, в дни войны святого Саввы, когда граф стоял на стороне венецианцев и тамплиеров, пытаясь организовать переговоры для примирения итальянских общин между собой.

Родимцев многое читал про этого человека. Граф считался очень значительной фигурой в королевстве крестоносцев Леванта. К тому же, он был умным и грамотным, являясь автором иерусалимских ассизов. Происходил граф из той ветви рода Ибелинов, которая проживала на Кипре, потому что его отец Филипп был регентом при несовершеннолетнем короле Кипра Генрихе I, сыне Гуго I Лузиньяна и Алисы Шампанской. И, разумеется, Григорий не мог упустить возможность познакомиться с таким знаменитым человеком, память о деятельности которого на Святой земле добралась и до двадцать первого века.

Внезапно выяснилось, что дон Карлос и граф знакомы. И старый испанец, разумеется, представил ему и Грегора, и Бертрана. Граф Ибелин оказался поседевшим немолодым человеком лет пятидесяти, загорелым, но с благородным профилем и с цепким взглядом умных карих глаз. Кровь его бабки Марии Комниной, гречанки из ромейской императорской династии, чувствовалась в его облике. Но, этот граф не выглядел высокомерным, и к представленным рыцарям отнесся благожелательно. Более того он согласился с доном Карлосом, что нужно устроить совместную трапезу, потому что в сарацинском лагере, кроме разного награбленного в пути добра, нашлось множество корзин с фруктами и овощами, а также мясо, специи и много бочонков с вином. Хотя, сарацины, вроде бы, вино и не пили. Но, как выяснилось, отбирали его у христианских крестьян повсеместно. На продажу, наверное.

Гостеприимный хозяин манора в честь победы решил организовать пир прямо в собственном дворе. В тени фруктовых деревьев крестьяне, довольные, что остались живы, спешно ставили импровизированные столы из досок, которые клали на козлы. Причем, все столы расставили ступенчато. Для самого верхнего соорудили помост. И он располагался поперек остальных, буквой «Т». За него пригласили только графа, дона Карлоса и самых знатных рыцарей. В их числе оказались и Бертран с Грегором. За вторым столом, который стоял чуть ниже, восседали все остальные рыцари. За двумя дальними столами сидели простые воины отряда графа, оруженосцы и конные лучники. Крестьяне за столом прислуживали, а ополченцы остались охранять пленных. Как понял Григорий их собирались кормить потом, после господ. Сначала пили за победу, потом просто так, а потом языки

развязались и беседа потекла сама собой.

— Вы знаете кто это рядом со мной? Это же сам доблестный дон Карлос дель Аранда, один из испанских грандов! Он из тех немногих, кто имеет право говорить с королем с покрытой головой, сидеть при нем и задавать монарху любые вопросы. И этот достойнейший человек оставил владения в Испании ради того, чтобы помогать нам, христианам Святой земли. Так выпьем же за него! — предложил граф тост, обращаясь к своим людям.

Испанец не остался в долгу. Он поднял ответный тост:

— Да, друзья, я оставил свои владения детям и дал обет умереть, защищая Святую землю. И я следую обету, и, возможно, что умер бы уже сегодня, не приди на помощь доблестный и славный граф Яффы, Аскалона и Рамлы. Так выпьем же за него!

Когда выпили, дон Карлос сказал Ибелину негромко:

— Я на самом деле не подумал бы, что встречу вас здесь.

— Я тоже не думал, что здесь окажусь. Но, война не спрашивает нас, что мы думаем. Приходится действовать весьма неожиданно даже для самих себя, — сказал граф. Взгляд его таил некоторую печаль, несмотря на победу и пиршество.

Дон Карлос заметил это и произнес:

— Я слышал о смерти вашей жены. Соболезную.

— Мария гостила у своего отца в Киликии, когда туда пришел мор с востока. Там многие заболели и умерли. Марию и ее отца мор тоже забрал, — сообщил подробности смерти жены граф. Потом добавил:

— Женщина, которую я любил, Плезанция, королева Кипра, тоже мертва. Мор добрался и до нее.

— Страшная история, многие умерли от ужасного мора, — кивнул испанец. И добавил:

— Спасибо вам, граф, что сняли осаду моего манора. Я ваш должник.

— Мы все должники Господа, дон Карлос. И я тоже всего лишь исполняю свой долг перед людьми и Богом. Потому что долг зовет меня помогать братьям во Христе. Я пытаюсь восстановить связность христианского Леванта, потому предпринял этот рейд вдоль дорог. После того, как Бейбарс разорил многие земли нашего королевства, каждый владетель обязан подняться на защиту людей. А вместо этого мы грыземся между собой. Монфор сговорился с Генрихом Антиохийским против меня. Хотя это мне следовало бы стать бальи королевства по праву, — поведал граф.

— Возможно, тут сыграло роль недовольство папы вашими отношениями с Плезанцией, — сказал испанец.

— Да, друг мой. Я даже сильно подозреваю, что мою милую Плезанцию отравили. Не тем, кто подослал к ней убийц, я скоро воздам по заслугам. Монфор и Генрих поплатятся за все, — поделился граф планами.

— Вы очень откровенны, граф, — заметил испанец.

Ибелин проговорил:

— И не просто так, дон Карлос. Противостояние внутри королевства нарастает, и мне понадобятся союзники. Смею надеяться, что вы будете на моей стороне?

— Можете рассчитывать на мой меч, — сказал испанец.

— Спасибо, друг мой! Чтобы изменить ситуацию, мне нужно перетянуть на свою сторону не только вас, а многих. Только вместе мы сможем победить, — сказал Жан.

Сидя рядом за столом и слушая их разговор, Родимцев все больше понимал, насколько

же здешние правители разобщены. Они, похоже, не были способны сплотиться даже перед лицом общей угрозы, которая неумолимо надвигалась на них в лице султана Бейбарса. И со всем этим тоже надо было что-то делать.

Дон Карлос сказал:

— Знаете, граф, люди видят, кто с ними честен, а кто лжив, они присягнут на верность добродетельному и благороднейшему.

Ибелин вздохнул:

— Если бы так! Но, к сожалению, люди чаще выбирают не добродетель, а силу. И не благородство, а подлость. Вот и сейчас, казалось бы, прав на бейлиф у меня больше. Но, правят почему-то Генрих и Монфор, которые уже давно запятнали себя той странной войной итальянцев между собой, которая вспыхнула не без участия этих двоих. Добавьте туда еще великого магистра госпитальеров, и вы увидите, что половина королевства против меня.

— Мне кажется, что вам следует привлечь на свою сторону великого магистра тамплиеров, — посоветовал испанский гранд.

Граф сказал:

— Тома Берар на моей стороне. Но, тамплиеры испытывают сейчас большие трудности. Недавно сильная крепость тамплиеров Сафед пала. Когда Бейбарс установил осаду, наемные сержанты предали братьев-рыцарей и открыли ворота врагам. Всех тамплиеров, кто находился в замке, обезглавили после того, как они отказались принять ислам.

— Тогда, возможно, вам придется попробовать заинтересовать тевтонцев, — подсказал испанец.

— Основные силы этого ордена ушли из Леванта, но и тех, кто тут остался, заинтересовать нашими делами непросто. Недавно сарацины пленили или даже убили их посла. Во всяком случае, посол великого комтура Вильгельм фон Гетцендорф бесследно исчез где-то в Галилее. И мне комтур прислал просьбу содействовать в поисках, — сообщил Ибелин.

Тут Родимцев вспомнил, что про судьбу посла знает. И он встрял в разговор аристократов:

— Простите, ваша милость, если вмешиваюсь, но посол тевтонцев найден мною лично мертвым неподалеку от замка Тарбурон.

— Говорите, брат-тамплиер, что еще вам известно? Это может быть очень важным. Как посол умер? — заинтересовался граф.

— Его распяли на кресте. Подробностей я не знаю. Скорее всего, это дело рук сарацин. Меня и еще одного рыцаря наш командир Рене Дюрфор послал на разведку в маленькую долину, в которой мы и набрали на распятый труп. Он провисел там много дней, пока мы пришли туда. На месте его и похоронили. При нем в подкладке орденского плаща имелась грамота о том, что он Вильгельм фон Готцендорф, посол тевтонского ордена. Так что ошибки быть не может, — поведал Григорий.

— А каких-нибудь свидетелей его смерти вы нашли? — задал вопрос граф.

— Есть свидетельница, но она ребенок, девочка, сирота, малолетняя баронесса Адельгейда фон Баренбергер, — сообщил Гриша.

— И где она? Я хотел бы сам поговорить с ней, — сказал Ибелин.

— Она здесь, в доме дона Карлоса. В тот раз, производя разведку, мы нашли в той долине и ее. Сирота была ранена и напугана, она пряталась среди трупов, в яме с крысами под мельницей. И командир нашего отряда Рене Дюрфор приказал мне доставить девочку в

монастырь к сестрам-кармелиткам. Вот по пути и заехали на ночлег сюда, воспользовавшись гостеприимством дона Карлоса, — объяснил Родимцев.

— Так, позовите ее, — повелел граф.

Дон Карлос подозвал одну из своих служанок и попросил привести Адельгейду. Пока ее искали, Ибелин продолжал расспросы:

— А что делал ваш отряд, мессир Рокбюрн, в замке Тарбурон? Это же крепость, которая раньше принадлежала госпитальерам, не так ли?

— Точно так, монсеньор. Но, крепость оказалась брошенной на милость сарацин, потому нашему отряду приказали занять ее. Чтобы врагам не досталась, — ответил Григорий.

— И что? Удалось вам там укрепиться, крепость же, наверняка, сарацины разрушили? — поинтересовался граф.

— Так и есть. Они разобрали стены и лестницы в башнях. Но, там замок расположен таким образом, что и без высоких стен способен обороняться, нависая на круче над дорогой. Этим и воспользовался наш командир для воссоздания нашего военного присутствия, — пояснил Григорий. Потом добавил:

— Только вот, едва мы там закрепились, как замок в осаду взял шейх Халед, которому Бейбарс пожаловал Тарбурон и долину возле него. Я как раз едва вывез девочку, когда за нашей спиной произошло сражение. Думаю, что мои братья-рыцари все еще держатся там. Халед не рискнет штурмовать, но будет удерживать вход в долину до тех пор, пока не заморит христиан, удерживающих замок, голодом.

— Так что же ты молчишь! Надо немедленно выручать их! — воскликнул дон Карлос.

— Я по дороге сюда встретил барона Монфора с большим отрядом и попросил его о помощи. Но, он отказал. Бертран де Луарк может подтвердить мои слова, — сказал Гриша, а Бертран кивнул.

— Этот человек и пальцем не пошевелит для того, чтобы помочь тамплиерам. Он покровительствует братьям госпиталя. Но, мы обязаны снять осаду. А потому я обещаю тебе, Грегор, помочь против Халеда, — произнес граф.

Едва Гриша успел поблагодарить неожиданного влиятельного заступника, как служанка привела Адельгейду.

— Господи милостивый! Да что же это изверги сделали с малышкой? — воскликнул Ибелин, едва увидев девочку с безобразным шрамом, перечеркнувшим ее личико от левого виска через всю щеку.

При этом, Адельгейда выглядела уже получше. Девушки дона Карлоса выстирали и заштопали ее шелковое платье, а саму ее тоже вымыли и причесали. На босые ноги ей даже надели сандалии. Так что она стала почти красавицей, если бы не ужасный шрам. Подойдя к графу, девочка с удивлением смотрела на все это большое пиршество, куда не пригласили ни одну особу женского пола, кроме нее.

— Я тоже хотеть кушать, — сказала она со своей детской непосредственностью и с сильным немецким акцентом.

— Так ты и есть Адельгейда? — спросил граф.

— Адельгейда фон Баренбергер, — уточнила малышка.

— А я Жан де Ибелин, граф Яффский, — представился аристократ, приглашая девочку сесть рядом с ним на скамью.

Адельгейда, похоже, проголодалась. Ей дали большую глиняную тарелку, и девочка

указывала служанке, которая осталась прислуживать ей, чего и сколько ей положить из еды. Когда она немного подкрепилась, граф начал расспрашивать о подробностях гибели немецкого посла. И страшный рассказ девочки с большим вниманием слушали все собравшиеся.

Всю ночь и половину дня Адельгейда провела в караване рабов. За это время, сидя в зарешеченной повозке для таких же девочек, как и она, из благородных христианских семей, Адельгейда уже успела увидеть много всего. Она видела, как погонщики били палками отстающих до крови, как тех, кто падал и не мог идти, убивали кинжалами, как насиловали христианок. Но, девочек из ее повозки никто не трогал. Потому что они являлись самым дорогим и редким товаром, какой только был у караванщика. Еще бы, за этих симпатичных девственниц из благородных домов ему правители востока отвалят хороший куш. Достались они ему дешево, но продаст, конечно, гораздо дороже. За каждую он намеревался выручить не меньше тридцати золотых безантов. А, может быть, удастся взять выкуп с родственников. Тогда купец сможет рассчитывать и на сотню. В мирное время рабы стоили гораздо дороже, но вокруг шла война, и цены на пленных людей сильно упали и падали дальше, потому что каждый день войны приносил новых пленных. Тем не менее, дело все еще давало неплохую прибыль.

Девочек из телеги не выпускали никуда. Даже нужду нужно было справлять в дырку, сделанную в днище зарешеченной повозки, а еду им просовывали сквозь прутья клетки. Время от времени их подкармливали фруктами, давали воду и круглые хлебные лепешки. Пока ехали, Адельгейда перезнакомилась с девочками. Но, юные француженки общались с ней неохотно, не считая немку за свою. К обеду караван остановился возле перекрестка дорог, когда впереди показался отряд хорошо вооруженных всадников. Человек двадцать ехали мимо на огромных конях. И черные кресты на их щитах, на пополах и на знамени были тевтонскими.

Сарацины, охраняющие караван, засуетились, спешно вытаскивая оружие. Но, проезжие рыцари совсем не собирались нападать на караван и освобождать пленных христиан. Они могли бы и просто проехать своей дорогой, если бы Адельгейда не начала громко кричать по-немецки, призывая на помощь. Тогда всадники остановились, и трое из них спешились. Седой высокий человек, судя по важному виду, был главным у них. А за ним шли двое телохранителей.

Он подошел к клетке, в которой сидела Адельгейда, и спросил девочку, кто она и откуда. Особое внимание немолодой мужчина обратил на герб, вышитый на ее платье. После чего важный немец подозвал караванщика и долго говорил с ним на языке сарацин, наверное, торговался. А потом немец и караванщик договорились, и седой отсчитал толстяку довольно много золотых монет. После чего купец-караванщик заулыбался, замок на решетке открыли, и Адельгейду выпустили на свободу. А француженки, которые не хотели с ней дружить, так и остались сидеть внутри клетки. Они плакали, скулили и звали на помощь, но выкупать их из плена немцы не собирались.

— Я Вильгельм фон Гетцендорф, посол ордена святой Марии Тевтонской, — представился седой благодетель. Так Адельгейда и познакомилась с немецким послом. Ее усадили на рыжую лошадь. И посольский отряд тронулся в сторону замка Тарбурон и немецкой общины, которая жила в долине, охраняемой этой крепостью.

В долине Генц, как немецкая община называла место своего проживания неподалеку от замка Тарбурон, к Адельгейде отнеслись очень гостеприимно. Ее взяла к себе зажиточная семья Мюллеров. То были братья-бюргеры Пауль и Ганс, которые владели большим оливковым садом, маслодавильней и водяной мельницей. В семье имелось пятеро мальчиков и четверо девочек. Причем, половина детей уже выросли и, став взрослыми, помогали родителям. Адельгейду сразу принютили и накормили. Младшие дети приняли ее, как родную, а фрау Марта, жена Ганса, заботилась о ней, как о собственной дочери.

Посол тоже остановился в большом доме у Мюллеров, потому что это и была самая зажиточная семья в немецком поселении. Сидя на просторной веранде, Вильгельм фон Гетцендорф вел какие-то беседы со многими посетителями, которые часто приезжали к нему. И то были разные сарацины. Посол знал сарацинский язык и подолгу разговаривал с этими людьми. О чем они говорили, Адельгейда понять не могла. Но, жители перешептывались между собой, что посол пытается договориться с сарацинскими правителями о мире, чтобы можно было платить налоги в казну султана и спокойно жить дальше на этом месте.

В долине Генц текла размеренная жизнь, хотя снаружи нее по всему Леванту шла война. Когда Адельгейда приехала в долину вместе с послом, замок Тарбурон все еще занимали госпитальеры. Они иногда спускались в немецкую деревушку, чтобы пополнить что-нибудь из своих запасов. Но, как слышала Адельгейда из разговоров, бойцов в замке оставалось совсем немного. Тем не менее, пока замок охранялся госпитальерами, жители долины чувствовали себя в безопасности.

Дни шли за днями, и однажды к долине Генц подошла сарацинская армия. Отряды Бейбарса устремились на приступ Тарбурана. Сарацинское войско оказалось очень многочисленным, и вскоре замок пал. Сарацины разрушили стены и вывезли все тела убитых рыцарей ордена, чтобы получить за мертвецов выкуп. Жители долины собрали ополчение, но медлили вступать в бой. Наблюдая, как враги расправляются с госпитальерами, они оставались за стеной палисада.

Немцы молча стояли возле палисада, вооружившись, но не вмешиваясь, в то время, пока враги штурмовали замок госпитальеров у входа в долину. Вильгельм фон Гетцендорф, забравшись на палисад, напрасно кричал сарацинам, что достигнуты договоренности, и сам Бейбарс разрешил немецкой общине проживать в этом месте. Но, витязи, к которым обращался немецкий посол, не слушали его. Они жаждали крови и трофеев. Покончив с рыцарями госпиталя, они обратили все свое внимание на калитку в палисаде. Впереди вражеского отряда были и люди, которые выглядели, как христиане.

Гетцендорф кричал что-то одному из них, высокому голубоглазому блондину, на сарацинском наречии, но тот ответил по-немецки:

— Ты прав, старик. В молодости я звался Вальтер Геринг и состоял в тевтонском ордене. Но, я принял ислам. И сделался военным командиром Бейбарса в Галилее, а зовут меня теперь Селим Аль-Даби.

— Здесь немецкая община, которая платит налоги Бейбарсу. Мы сохраняем нейтралитет, потому и не стали защищать госпитальеров, — пытался увещевать предателя посол.

На что перебежчик проговорил:

— Приказываю вам открыть калитку в своем палисаде и немедленно выдать всех франков. И тогда мы не тронем вас.

Немецкий посол крикнул чужакам:

— Говорю вам, здесь нет никаких франков, а только немцы. Даю вам слово рыцаря.

Витязь в шишаке, украшенном павлиньими перьями, засмеялся:

— Ишь ты, рыцарь дает нам слово. Да известно нам, сколько стоят ваши слова.

— Я посол ордена святой Марии Тевтонской. И словами не разбрасываюсь. Я уполномочен вести переговоры о мире и обмене пленными. Раз я говорю, что есть договоренность с Бейбарсом насчет этой долины, значит, так и есть, — возразил Гетцендорф. И добавил:

— Вот, у меня в руке пергамент с печатью вашего правителя.

— Ты что-то путаешь, старик. Мне никто не докладывал ни о каких договоренностях, — сказал вражеский командир-коллорабационист. И, плюнув с высоты своего огромного коня возле калитки палисада, прокричал:

— Последний раз приказываю тебе, посол ты или не посол, именем султана Бейбарса, открыть эту калитку. А дальше мы разберемся, что делать с франками, которых вы тут укрываете.

— А я последний раз говорю тебе, Геринг, что здесь только немцы, и больше никого нет, — произнес Гетцендорф.

— Значит, вы отказываетесь сложить оружие и пропустить войско Бейбарса внутрь долины? Раз так, то вы самые настоящие мятежники. О каком мире с вами тогда можно говорить? — крикнул Вальтер Геринг.

— Ты можешь заехать внутрь сам и убедиться, что франков мы не прячем. Я готов впустить тебя за палисад. Можешь взять с собой двух-трех всадников, — сказал посол.

— Я так не думаю. Нет никакой гарантии, что вы не перебьете нас со спины, — проговорил Вальтер.

— У меня тут мало воинов. Зато много детей и стариков. Не в наших интересах набрасываться на вас. Но, если вы попытаетесь ворваться в долину силой, мы будем защищаться до последнего, — предупредил посол.

— Что ж, тогда вы все умрете, — сказал Вальтер Геринг, который теперь сделался Селимом Аль-Даби.

Он подал знак, и со стороны сарацин полетели стрелы. Адельгейда наблюдала за происходящим вместе с младшими детьми Мюллеров, забравшись на чердак довольно высокого здания мельницы. Возле палисада началась битва. Конечно, сарацин было намного больше. Они снесли калитку невысокого палисада и прорвались внутрь. Но, ополчение во главе с рыцарями посла еще какое-то время отбивалось.

А сам посол бился впереди всех, пока ему не отрубили правую руку. Потом его схватили враги и поволокли к позорному столбу, к которому, обычно, привязывали нерадивых батраков, набранных немецкими поселенцами из тех же сарацин, чтобы они постояли там денек на солнцепеке и подумали о своем поведении. Сарацины быстро приколотили к столбу перекладину из какой-то доски, подобранной поблизости, и распяли старика для устрашения жителей, потому что сражение все еще продолжалось. Адельгейда видела с чердака, как один из батраков, работавших у Мюллеров, метнул в грудь Вильгельму фон Гетцендорфу кинжал, прекратив мучения старика.

После гибели орденского посла, ополченцы отступили к мельнице и еще какое-то время бились на берегу ручья. Но, вскоре сарацины перебили их всех. Мужчины из деревни и несколько посольских рыцарей продержались против сарацин совсем недолго. Уже скоро враги врываются в деревенские дома, насиловали женщин и убивали стариков. А уцелевших детей они начали сгонять во двор мельницы.

Адельгейду поволок за волосы какой-то сарацин. Но, девочка сильно укусила его за левую руку, которой вражина и тащил ее. Тогда сарацин замахнулся на Адельгейду саблей, в этот момент девочка рванулась в сторону, что и спасло, наверное, ей жизнь. Но, удар сабли, все же, оказался достаточно сильным, чтобы Адельгейда облилась собственной кровью и надолго потеряла сознание. Ей повезло, что враги сочли ее мертвой и оставили в покое. Пришла она в себя уже тогда, когда враги покинули долину, оставив в ней одни трупы. От боли и от горя Адельгейда чуть не лишилась рассудка. В сущности, это и была вся история немецкой девочки.

Юная немка рассказывала сбивчиво, короткими фразами, да еще и со своим ужасным немецким акцентом. Но, все те, кто сидел за столом вместе с графом Яффским, внимательно слушали про злоключения Адельгейды.

— Получается, что немцы снова ведут свои собственные переговоры с врагами за спиной всех остальных христиан Леванта, — сказал граф, выслушав рассказ девочки.

— Так получается, — подтвердил дон Карлос.

Граф продолжал:

— Это еще раз подтверждает, что у немцев другие интересы на Святой земле, которые расходятся с нашими. И немцы вряд ли могут быть союзниками для нас. Это давняя история. Да будет вам известно, дон Карлос, что я уже однажды пострадал от немцев. В июле двадцать восьмого года Фридрих II Гогенштауфен, император Священной Римской империи прибыл на Кипр. Он, вроде бы, провозгласил Шестой крестовый поход, но, на самом деле, действовал вероломно. Хитростью он пытался захватить в заложники нашу семью.

Едва ступив на остров, император арестовал моего отца и дядю. И сразу потребовал от остальных родственников выдать выкуп, равный доходам всего Кипра за десятилетие, а также передать ему владения нашей семьи на Святой земле. Малолетнего короля Кипра Генриха I Лузиньяна Фридрих II тоже держал в заложниках в Лимасольском замке. Чтобы обмануть этого немца, моему отцу и дяде пришлось идти на хитрость, сложить с себя все полномочия, оставить всю собственность на острове императору и выехать в Бейрут, якобы, чтобы собрать деньги и подготовить город к передаче в дар жадному немцу. Таким образом, когда мне было только четырнадцать, нашей семье пришлось бежать с Кипра, поскольку вышло так, что император конфисковал все наши владения на острове.

На следующий год император прибыл с Кипра в Акру. Это был очень странный крестовый поход. Император не воевал. Он поехал по Святой земле и путем переговоров, которые он вел в Яффо с султаном Египта Аль-Камилем, выторговал у мусульман мирную передачу Иерусалима христианам, но не как укрепленный город, а как место паломничества. По этому договору укрепления в Иерусалиме строить запрещалось. И через десяток лет христиан оттуда снова выгнали. Но, Фридриху все это было совсем неважно, он просто очень хотел возложить себе на голову корону Иерусалима в храме Гроба Господня, что и сделал.

Потом Фридрих II уехал в Европу, но оставил в Святой земле и на Кипре ужасную смуту. Император просто продал должность регента Кипрского королевства сразу пятерым противникам моего отца и дяди: Амори де Барле, Амори де Бейсану, Говену де Шенешу

Гийому де Риве и Гуго Джебайльскому. А они обязались пожизненно выплачивать императору деньги, обложив все население Кипра непомерными налогами. Враги захватили и пытались убить моего отца. Бежать ему удалось только чудом. Наши сторонники на острове подняли мятеж, произошло сражение возле Никосии, в результате которого регенты оказались разбиты. Но, они укрылись в замках, взяв в заложники малолетнего короля. И осада этих крепостей продлилась долго.

Началась настоящая война. Я был совсем еще мальчишкой, когда довелось мне участвовать в битве при Казаль-Имберт в войске дяди. Та битва не решила ничего, после нее мы с дядей и с немногими оставшимися рыцарями едва спаслись от немцев и их сторонников. Большинство сеньоров королевства встали на нашу сторону, через некоторое время дядя снова собрал сильное войско и флот, и занял Кипр, откуда изгнал людей Фридриха II. А когда мой отец умер от ран, дядя вместо брата получил регентство при малолетнем короле Генрихе I Лузиньяне.

Императору, в конце концов, пришлось убраться ни с чем обратно в Европу. Но, его действия посеяли на Святой земле серьезную вражду между христианами. Мой дядя Иоанн I де Ибелин Бейрутский, граф Бейрута, Арсуфа и Наблуса, поднял восстание против власти немцев в Леванте. Потому что выяснилось, что Фридрих II, будучи отлученным от церкви, не имел права проводить крестовый поход и, таким образом, все его действия в Святой земле оказались незаконными. Папа второй раз отлучил императора, назвав его «нечестивым». Но, с отъездом Фридриха II война не закончилась. Осенью тридцать первого года в качестве представителя императора прибыл во главе армии ломбардцев маршал Рихард Филанджери. Он сумел взять Бейрут и Тир, нанеся сильный удар моему дяде, а потом помог нашим противникам на Кипре занять многие крепости.

Однако, мой дядя опять собрал силы на Святой земле и летом тридцать второго обрушился на немцев и их приспешников со своим войском и флотом на Кипре. Императорские войска были полностью разгромлены в битве при Агриди. Хоть наших войск и было в несколько раз меньше, но ломбардцы показали себя неважными вояками. В западном предгорье Киренийских гор ломбардцы занимали более выгодное положение на возвышенности. Но, и это не помогло им. Их беспорядочная атака привела лишь к тому, что войско ломбардцев оказалось раздроблено на отдельные небольшие отряды, которые удалось победить по отдельности. Маршал Филанджери сбежал в Тир, где пытался заключить союз с Боэмундом Антиохийским и Хетумом Армянским, но ничего у него не вышло. Император своему маршалу подкреплений так и не прислал.

Война с немцами шла еще долго, но нам, все же, удалось победить, а многие рыцари императорской армии попали в плен. Та междоусобная война продолжалась до сорок третьего года. И она сильно ослабила всех христиан Святой земли и разделила их на враждующие партии. А я хорошо помню все те события, потому что сам участвовал в них. Моя молодость пришлась на эту войну.

Боевые действия закончились только после того, как сын императора Фридриха II Конрад был объявлен совершеннолетним. Номинально он стал королем Иерусалимским. Но, к тому времени, мы уже одолели немцев, и Конрад сюда не рискнул сунуться. В сорок третьем году мы пошли на хитрость и избрали регентом, как бы при отсутствующем немецком короле, Алису Иерусалимскую и Шампанскую, вдову короля Гуго I и дочь иерусалимской королевы Изабеллы.

Кандидатура этой умной женщины устроила большинство левантийских владетелей.

Восхитительная была дама и красивая, я вам скажу! Как жаль, что и она тоже умерла, едва дотянув до пятидесяти. Так вот, наплевав на то, что где-то там в далекой Италии есть какой-то номинальный король Конрад, Алиса, при поддержке сеньоров Леванта, начала вести себя как полноправная королева. И, когда в июле сорок третьего наши войска взяли Тир, та глупая война наконец-то прекратилась.

Так вот, немцы в той войне проиграли, но все равно до сих пор пытаются стравливать христиан нашего королевства между собой и договариваться за их спиной с мусульманами. И Монфор с Генрихом Антиохийским поддерживают немцев. По их милости мы разобщены и слабы перед лицом страшной опасности для всех жителей королевства Иерусалимского, исходящей от Бейбарса.

— Да, здесь междоусобная борьба не меньше, чем у нас в Испании, — сказал дон Карлос.

А Ибелин кивнул и продолжал:

— А все из-за того, что в нашем королевстве нет твердой королевской власти. Наш король Гуго II Лузиньян еще несовершеннолетний. К тому же, немцы и тут приложили руку к созданию смуты. Конрадин Гогенштауфен, внук Фридриха II, до сих пор претендует на престол. И нас от этого претендента пока спасает лишь то, что он увяз в войне в собственной стране. Потому наш король Гуго II, кроме того, что мал, так еще и номинален. Его права на корону оспариваются, хоть и короновали его в Никосии еще в младенчестве. Отец его умер, когда король был совсем малышом, а матерью была несравненная Плезанция, дама моего сердца, дочь князя Антиохии Боэмунда V. Но, и она умерла, как вы знаете. И было ей только двадцать шесть, а сыну в год ее смерти исполнилось лишь девять. И это очень большое горе не только для меня. Потому что теперь наш король остался сиротой и недоброжелатели подсылают к нему своих людей.

Да и вся эта смута между венецианцами и генуэзцами, которую называли войной святого Саввы, тоже возникла из-за того, что каждая из противоборствующих сторон хотела получить контроль над тронном Иерусалимского королевства. Генуэзцы поддерживают немцев и Конрадина, а венецианцы поддерживают нашего Гуго II Лузиньяна. Они справедливо считают, что король, который находится поблизости, для Святой земли будет гораздо полезнее, чем какой-то немец, живущий в Европе.

В пятьдесят восьмом году я привез нашего малолетнего короля-ребенка и его маму Плезанцию в Акру, где мы созвали совет, и сеньоры провозгласили Гуго местоблюстителем Иерусалимского королевства, утвердив для него титулы наследника Кипра и бальи королевства Иерусалимского. Чтобы примириться с партией, поддерживающей немцев, даже выбрали регентом в Иерусалимском королевстве князя Антиохии, ну а регентом на Кипре назначили Плезанцию. Но, генуэзцы и Монфор оказались снова недовольны и опять провозгласили поддержку праву Конрадина Гогенштауфена на наш престол.

Родимцев внимательно выслушал и историю Адельгейды, и рассказ графа. Из услышанного он сделал для себя некоторые выводы. Получалось, что нашествие войск Бейбарса страна крестоносцев встретила ослабленной именно из-за раскола среди ее элит, вызванного теми же немцами, странным крестовым походом Фридриха II Гогенштауфена и той смутой, которую этот поход императора Священной Римской империи породил на всей Святой земле. Вместо помощи крестоносцам Леванта немцы организовали самую настоящую гражданскую войну.

Теперь Григорию было понятно и то, как погиб немецкий посол. Его распяли воины Бейбарса, но добил один из батраков немцев, метнув кинжал. И Адельгейда это видела. Как Григорий помнил, тот клинок, убивший посла, тамплиеры опознали, как особый ассасинский дротик. Значит, кто-то уже подослал к послу убийцу. Только тот не успел исполнить приговор, вынесенный Вильгельму фон Гентцендорфу неизвестными лицами. Но, помог ему умереть. Переговоры, которые вел немец, многим в Леванте не нравились. А услуги наемных убийц оказались доступными. Ассасины растворились среди населения Ближнего Востока и того же Леванта после того, как монгольская орда под предводительством ильхана Хулагу, внука Чингисхана, разгромила секту исмаилитов в Иране, взяв все их крепости, в том числе и легендарный Аламут, казавшиеся неприступными, но, на деле, таковыми не оказавшиеся.

Помимо, преступной разобщенности и армии султана Египта Бейбарса, Леванту, насколько Родимцев помнил, в это же время угрожали и другие внешние враги. Те же монголы, орда которых добралась и до Святой земли, турки-хорезмийцы, вытесненные ордой из своих владений в Средней Азии и тоже вторгнувшиеся в Левант, а также турки-сельджуки Румского султаната. Врагами крестоносцев из Европы к этому времени сделались и ромеи.

Королевство христиан Леванта от окончательного захвата Бейбарсом спасало только то, что он вел войну одновременно и с ордой. Войска султана уже дважды бились несколько лет назад с ордынцами при Айн Джалуте и при Хомсе, но те все еще представляли серьезную опасность. Бейбарс старался сколотить союз на Ближнем Востоке против орды. Ильхан Хулагу подумывал принять христианство. Он даже беседовал в Каракоруме с несколькими папскими посланниками, которые уговаривали его двинуться на помощь христианам Святой земли. Но, из-за того, что Хулагу склонялся к несторианству, а не к католицизму, крестоносцы не увидели в нем союзника.

Султан же видел большую опасность для себя и делал все, чтобы сеньоры Леванта не объединились с монголами. Бейбарс наладил хорошие отношения с Румским султанатом турков-сельджуков и заключил союзнический договор с императором греков-ромеев Михаилом VIII Палеологом, который являлся врагом крестоносцев и выбил их из Константинополя, оккупированного европейскими рыцарями в ходе Четвертого крестового похода, с 1204-го года. Таким образом, Латинская империя крестоносцев, образованная вокруг захваченного Константинополя, перестала существовать в 1261-м году, а Никейская империя, которую провозгласили ромеи после потери Константинополя и отступления в Никею, снова вернула свою древнюю столицу и обрела более привычные ромеям очертания на карте.

Чтобы поддерживать раскол в среде левантских христиан, Бейбарс дружил с королем Сицилии Манфредом Гогенштауфеном, а также был покровителем и спонсором всей гибеллинской пронемецкой партии на Востоке. Бейбарс умудрился политическими методами создать проблемы и самому ильхану Хулагу, натравив на него золотоордынского правителя Берке-хана, который отвлек армию ильхана от Святой земли, неожиданно ударив на Кавказе. В отличие от Хулагу, Берке склонялся к принятию ислама. Бейбарс покупал у хана Берке и крупные партии рабов из Руси. Захваченных людей перевозили венецианцы и генуэзцы на своих кораблях.

А сеньорам Леванта помощи ждать было особенно и неоткуда. В Европе, хоть и продолжали в церквях призывать к крестовым походам, но интерес к ним явно ослабевал. Ведь самым лучшим мотивом для многих феодалов служила возможность обогащения, а вовсе не провозглашаемый ими прилюдно религиозный фанатизм. И ехали они за море не столько освобождать священные места, сколько в попытке поправить свое материальное положение за счет военных трофеев и отвоеванных у мусульман земель. Но, поскольку, почти все на Святой земле уже разграбили до них, а оставшееся лежало в руинах, такая «овчинка» не стоила и выделки. К тому же, сарацины значительно усилились за столетие. А значит, вероятность погибнуть в крестовом походе сильно возросла.

Особенно хорошо эту опасность европейцы осознали после того, как король Франции Людовик IX Святой, возглавив Седьмой крестовый поход, высадился в Египте, надеясь победить главное, на тот момент, сарацинское государство. Но, там войска христиан потерпели сокрушительное поражение. Сам король оказался в плену, заплатив за собственную свободу возвращением захваченной у египтян крепости Дамьетты и огромным выкупом в восемьсот тысяч безантов. Так что мало кто из владетельных сеньоров Европы, видя перед собой такой неудачный пример крестового похода короля Франции, хотел теперь вкладываться в подобную авантюру. И, чтобы попытаться изменить положение, Родимцеву необходимо было начинать действовать немедленно.

Пиршество в маноре, между тем, подходило к концу. Они и без того уже засиделись за этим обедом. Но, Григорий понимал, что если прямо сейчас не заинтересует графа, то другой возможности у него может и не быть. Больше опереться в Святой земле для изменения ситуации было и не на кого. С Монфором и госпитальерами он уже пообщался и понял, что помощи с той стороны ждать нечего. Вся партия гибеллинов являлась внутренними врагами королевства. И с этими раскольниками тоже предстояло бороться. Потому Гриша, улучив момент, напомнил захмелевшему графу Ибелину:

— Монсеньор, вы пообещали снять сарацинскую осаду Тарбурана. Могу ли я рассчитывать на вас?

Граф внимательно посмотрел на Григория, словно бы силясь угадать нечто в его лице, потом сказал:

— Послушайте, брат Грегор, я хорошо разбираюсь в людях и обратил внимание, что вы разговариваете и ведете себя так, как будто бы за вами стоит некая тайна. Вы не слишком-то похожи на обыкновенного молодого орденского рыцаря. Не то вы намеренно напускаете на себя важность, не то вас поддерживает какой-то тайный и доселе неизвестный мне военный союз, не то вы знаете что-то еще, чего не знаю я.

И Родимцев решил немного приоткрыть карты. Сказал тихо:

— Да, монсеньор, вы совершенно правильно заметили. Я обладаю кое-какими уникальными знаниями, которые могут быть чрезвычайно полезны для обороны Леванта. И

даже способны изменить за короткое время весь расклад сил. Я уже поведал об этом дону Карлосу. Могу сказать и вам. Но, эти сведения настолько важны, что враги не должны услышать о них ни при каких обстоятельствах.

— Так пойдемте в дом и поговорим, а то трапеза и без того затянулась, — предложил граф.

Он встал из-за стола, распорядившись заканчивать обед для знати и накормить крестьян всем тем, что благородные так и не съели.

Дон Карлос, который тоже слышал этот разговор, провел их в патио. Но, везде возле фонтана лежали раненые, возле которых сустились женщины, а оказанием помощи руководил монах-францисканец. Потому дон Карлос пригласил графа и Грегора в собственные покои, вход в которые располагался слева от фонтана. Через толстые двойные двери, оббитые железом, они вошли в довольно просторный арочный зал, по стенам которого висели оружие и доспехи. Когда гости и хозяин уселись в высокие тяжелые деревянные кресла из ливанского кедра с вычурными резными барельефами, напоминающие больше троны, чем обычные стулья, граф прямо спросил:

— Так что же такое важное вы знаете, брат Грегор?

Молчать Родимцеву в этой ситуации было бы глупо, но и сболтнуть лишнее он тоже боялся. Ведь, надо было сначала исследовать реакцию графа. Потому Гриша сказал:

— Я знаю секрет смертоносного огнестрельного оружия, которое способно перевернуть весь мир.

— Так, так. И откуда же вам, молодой человек, известно подобное? — заинтересовался граф.

Пришлось Родимцеву пересказывать ту же историю, которую он уже придумал для дона Карлоса.

— И почему же такие важные сведения, вы, Грегор, хранили в себе столько лет? — поинтересовался Ибелин, выслушав рассказ Григория.

— Просто меня не так давно ударили по голове палицей в бою возле замка Тарбурон. С того момента на меня снизошло озарение. И я понял, насколько важен секрет такого оружия для нашей обороны. Я бы высказал его своему командиру Рене Дюрфору, но не успел, потому что меня отослали отвозить сироту на Кармель. Потому, встретив дона Карлоса и вас, самых достойных людей, каких я встречал, я посчитал своим долгом христианина немедленно сообщить столь важный секрет, всплывший в моей памяти, потому что считаю, что именно вы сможете организовать производство нового оружия наилучшим образом для блага страны и защиты христиан. Кроме того, у меня открылся дар предвидения, — объяснил Родимцев.

— Да? Это интересно. И что же вам удалось предвидеть, брат Грегор? — полюбопытствовал граф.

Тут уж Григорий разошелся:

— Много чего. Вот, например, пока мы здесь сидим, войска Бейбарса взяли замок Торон и город Библ. А попытка контрнаступления на Тивериаду, которую, в том числе и вы, монсеньер, готовите сейчас не принесет успеха. В сражении при Кареблиэ, недалеко от Акры, вы будете разбиты и отступите, потеряв полтысячи бойцов. После этого султан Бейбарс прибудет в Дамаск и направит послов к киликийскому царю Хетуму I. Он потребует вернуть несколько пограничных крепостей, захваченных армянами Киликии в союзе с монголами. А, когда царь откажется, Бейбарс двинет войска на Халерб, и в августе армянское

войско будет разбито в битве при Мари, принц Торос погибнет, а принц Левон попадет в плен. Мамлюки разорят Киликию до Аданы, возьмут столицу и заберут в рабство много людей.

В следующем году султан займется укреплением захваченных замков, перестроит Сафед. А, когда завершит строительство, то предпримет набег на Тир, в ходе которого опустошит все городские предместья и захватит очень много добычи и пленных. Султан пойдет и на штурм Акры, но город не возьмет и отступит. Но, еще через год Бейбарс весной возьмет Яффу, потом захватит замок Бофор, потом опустошит окрестности Триполи. Затем армия султана двинется к Антиохии и возьмет город.

Еще через два года Бейбарс укрепитя в Египете, опасаясь короля Франции Людовика IX, которого люди будут называть Святым, и Восьмого крестового похода. Только король и его крестоносцы не помогут Святой земле, а обрушатся на Тунис. Впрочем, их поход завершится провалом, войско падет жертвой мора. Убедившись в поражении христиан, Бейбарс, пересидев год в Египте, снова двинет армию в Святую землю, возьмет замки Монфор и Крак-де-Шевалье. Северная Сирия будет потеряна для христиан. В семьдесят втором году король Англии Эдуард I попытается организовать свой поход в Святую землю, но, Бейбарс подошлет к нему убийц. Потом Бейбарс будет несколько лет воевать против Киликии, сельжуков и иранцев. А потом умрет в семьдесят седьмом году. Но, это не значит, что злоключения королевства Иерусалимского окончатся. Сына Бейбарса сместит эмир Калаун, который возьмет Триполи. Вскоре после этого падет и Акра. На этом история христианского королевства Леванта закончится. И, если прямо сейчас не принять меры, то через четверть века государству придет конец.

— Удивительно, как много всего вам открылось, брат Грегор, — протянул граф. И добавил:

— А с нами что будет?

Родимцев мало чего помнил про этого Жана Ибелина, потому пришлось импровизировать:

— Про донна Карлоса ничего мне не ведомо, как и про себя самого, а вот вы, монсеньор, умрете этой же зимой на Кипре. За вами уже охотятся ассасины. Они отравят вас. После разрушения монголами главных крепостей этой секты убийц, многие из них подались на службу к тому же Бейбарсу. Да и гибеллины пользуются их услугами. Так что лучше бы вам, монсеньор, этой зимой на Кипр не ездить и обзавестись надежной охраной.

— Вот даже как! — удивился Ибелин. И добавил:

— И что же вы предлагаете, Грегор?

— Предлагаю немедленно организовать в тайне от врагов производство огнестрельного оружия и создание новой армии, этим оружием оснащенной, — произнес Григорий.

— Что для этого понадобится? — спросил граф.

— Совсем немного. Нужно организовать металлургическое производство и производство пороха. А также предстоит создание и обучение полков артиллеристов и мушкетеров. Думаю, для начала, по одному полку тех и других будет достаточно, чтобы противостоять в землях Леванта любой вооруженной силе, — ответил Родимцев.

— Полки, говорите? Это что-то новое. Что это? Воинское формирование? Сколько там бойцов? И кто такие эти артиллеристы и мушкетеры? — спросил граф.

Родимцев вспомнил, что понятие полка имело русские корни, произошло из Киевской Руси, а значит, графу не было понятно. Пришлось растолковывать:

— Ну, полк представляет собой боевую единицу в две-три тысячи человек личного состава. Чтобы было понятнее, можно привести аналогию с древнеримским легионом. Полк — это такое же армейское подразделение регулярной армии, только поменьше. Можно, конечно, считать, что полк — маленький легион.

— А что такое регулярная армия? — спросил Жан Ибелин.

Григорий понял, что придется объяснять от самых основ военного дела:

— Это постоянная армия, которая не распадается на отдельных рыцарей с их личными отрядами в зависимости от их настроения, а имеет постоянную организацию, прописанную в уставе. Она комплектуется призывниками или наемниками-контрактниками. Имеет четкую систему управления и обеспечения, однотипное вооружение и единую форменную одежду. Такая армия без колебаний решает задачи, поставленные политическим руководством государства.

Глаза у графа загорелись. Григорий понял, что сумел заинтересовать этого влиятельного человека. Ибелин спросил:

— А кто такие мушкетеры и артиллеристы?

— Ну, и те, и другие представляют собой бойцов, вооруженных огнестрельным оружием. Но, и клинковое тоже имеют на всякий случай. Мушкеты — это ручное оружие. Что-то вроде арбалета, только гораздо эффективнее. Мушкетеры — это те, кто обучены из мушкетов стрелять. А артиллеристы — это те, кто обучен стрелять из пушек. Вон, монголы при осаде Багдада несколько лет назад пушки уже применили. Но, пока лишь деревянные. У нас же есть все шансы сделать самые настоящие, стальные. Пусть даже они будут, на первых порах, гладкоствольные и стреляющие картечью. Но, картечь против толп с холодным оружием будет весьма эффективна, — объяснил Родимцев.

— Значит, вы предлагаете, Грегор, если я правильно понял, не только сделать новое оружие, но и создать армию нового типа? — спросил граф.

— Так точно, — кивнул Гриша.

— То есть, потребуются очень серьезные деньги? — прямо спросил Ибелин.

Григорий кивнул:

— Разумеется, нужно вложить в это предприятие побольше денег, чтобы сделать за короткий срок как можно больше оружия и пороха, а также организовать регулярную армию, пусть даже пока и наемную. Тогда все вложения окупятся. Потому что тот, кто первым освоит производство и применение этого нового оружия, станет могущественнейшим властелином. И все затраты вскоре вернутся к нему с огромной прибылью.

Граф протянул разочарованно:

— Вот уж, чего у меня сейчас нет, так это денег. Когда-то наш род славился богатством, но долгая гражданская война выкачала все средства. И все, чем мы занимаемся все последние годы, так это пытаемся преодолеть последствия разрухи. Только все начало в государстве постепенно налаживаться, как разразилась еще и война святого Саввы, которая тоже отняла много сил. А тут еще добавилась война с Бейбарсом. Мне и своим людям сейчас платить не чем. Мое войско состоит из рыцарей, которые живут в Леванте и на Кипре. И они сражаются не за деньги, а за свои собственные дома и семьи.

В беседу Григория с графом встрял дон Карлос:

— Все это очень интересно, но, по-моему, было бы весьма полезно, если для начала Грегор сделает хоть один образец. Мы должны сначала увидеть и понять на примере, что новое оружие из себя представляет, а уже потом начинать думать, как оснащать им армию. А, вдруг, все совсем не так, как считает Грегор? Или не совсем так? Я, конечно, доверяю ему, он храбрый молодой рыцарь, но нужно же сначала проверить то, что он предлагает, на деле. А уже потом решим, кто сможет дать ссуду. Если новое оружие себя покажет хорошо, то я могу обратиться за деньгами к грандам Испании.

— Дело в том, что я тоже слышал про это оружие. Грегор не врет. При осаде Багдада в пятьдесят восьмом орда, действительно, применяла нечто подобное, стреляющее огнем и громом. Люди, которые спаслись, видели. Но, рецепт изготовления этих деревянных орудий и их огненной смеси тщательно охраняется. Нам повезло, что среди нас нашелся человек, знающий такой важный секрет, — неожиданно вступился граф. Потом подумал и добавил:

— Разумеется, вы правы, дон Карлос. Образец необходимо изготовить, как можно быстрее. А пока примем к сведению все, сказанное Грегором, и начнем изыскивать средства. В Святой земле на нашей стороне есть две мощные организации, которые способны найти деньги в своих кладовых. Это тамплиеры и венецианские купцы. Попробуем для начала прощупать первых. Потому что вторые представляются мне людьми слишком хитрыми и ненадежными для нашего дела. Тамплиеры подходят значительно лучше, хотя, в последнее время, и у них появились какие-то собственные интересы, помимо защиты христиан.

Храмовники собирают пожертвования в пользу своего ордена, ради спасения Святой земли от сарацин, по всей Европе, но до нашего Леванта почему-то почти ничего не доходит. Здесь братья-рыцари постоянно жалуются, что у них всего не хватает, делают вид, будто они беднее церковных мышей. Зато в европейских королевствах на деньги тамплиеров строятся многочисленные командорства, соборы и замки. Для чего? Уж не бежать ли из Леванта собираются братья-рыцари?

Надо бы давно выяснить, почему так происходит. Что творится внутри ордена? Не злоупотребляет ли руководство властью? Для безопасности королевства знать это очень важно. Но, у меня сейчас нет ни одного доверенного лица внутри этой сильной организации. Те рыцари, которые рассказывали мне, что происходит внутри их братства, мертвы. А там, определенно, происходит нечто непонятное. Например, точно установлено, что руководство ордена имеет собственные представления о христианской вере.

Но, правдивых сведений очень мало. Последние из преданных мне братьев Храма погибли при взятии Бейбарсом Сафеда. А потому, у меня есть просьба к тебе, брат Грегор, стать моим верным человеком в рядах ордена. А я буду оказывать тебе всяческое покровительство и содействовать в расследовании. Между делом, будем изготавливать и новое оружие, которое ты предлагаешь. Все равно, прямо сейчас денег на это нет. Что скажешь?

Родимцеву опять пришлось делать выбор. Жан Ибелин перешел на «ты» и предлагал ему стать тайным осведомителем, настоящим шпином, который будет «стучать» на братьев-рыцарей в местное КГБ, то есть, самому графу Ибелину. Стукачом Григорий никогда не

служил. Но, ему самому всегда было очень интересно, куда же подевалось золото тамплиеров. И пойти по следам этих сокровищ, которые просто обязаны иметься у ордена Храма, он был готов прямо сейчас.

Гриша разделял озабоченность графа, потому что ему тоже, хоть и спустя многие века, не давала покоя мысль, что при наличии таких деньжищ, которые они собирали по всей Европе у сильных мира сего, тамплиеры должны были организовать прочнейшую оборону Святой земли, а вместо этого бесславно «слили» весь христианский Левант, да и привели, тем самым, к краху собственный орден.

Конец храмовников получился закономерным. Они ни с кем не поделились своим золотом, нажив могущественных недругов. И дело даже не столько в интригах короля Франции Филиппа Красивого, Римского папы и их приспешников, хотя козни этих злодеев, разумеется, имели место. Ведь и король, и папа никак не могли понять, куда же тамплиеры подевали свои сокровища? Филиппа и понтифика обуяли зависть и жадность. Они организовали травлю ордена, приказали арестовать и пытаться братьев-рыцарей. Но, они так и не нашли всех тамплиерских сокровищ, а отобрали только имущество и деньги на текущие расходы. И потому стали выдумывать глупые обвинения для оправдания собственных зверств.

Гонители ордена упустили тот простой факт, что вместе с падением королевства Иерусалимского те люди внутри военно-монашеской организации, самые верные, преданные делу и храбрые, погибли. Они и унесли все тайны сокровищ с собой в могилу. А после падения Акры орден Храма утратил смысл своего существования, потерял ту цель защиты паломников и христиан Святой земли, ради которой когда-то создавался Гуго де Пейном. И выжившие тамплиеры осознавали утрату смысла, потому, скорее всего, почти не сопротивлялись арестам в 1307-м году. Да и те рыцари, которые находились в командорствах Европы и подверглись аресту, уже давно не имели никакого отношения к истинным тамплиерам, к бойцам, защищавшим Святую землю. Потому что с момента падения Акры прошло к моменту начала репрессий против храмовников целых шестнадцать лет.

Да и злоупотребления, скорее всего, имели место внутри ордена, как и в любой организации. Люди везде остаются людьми со всеми своими пороками. Наверняка, не было исключением и руководство тамплиеров, а значит, что-то приворовывалось, где-то происходил разврат, в чем-то не соблюдался Устав. Вполне возможно и такое, что после потери Акры моральный дух братьев рыцарей упал на самое дно. Но, конечно, скрытые корни всех этих процессов имелись где-то внутри орденской структуры задолго до печальных событий. И, разумеется, если в ордене что-то подгнило, это нужно выявлять прямо сейчас, чтобы исправлять ошибки пока есть еще время, а не потом, когда уже исправить ничего не получится. «Кто, если не я? Никто, кроме меня не разберется!» — решил Гриша, переиначив под себя девиз десантников. Потому, взвесив все «за» и «против», произнес:

— Так точно, монсеньор. Я принимаю ваше предложение. Будем вместе расследовать, куда девается орденское золото.

Граф улыбнулся и сказал очень откровенно:

— Отлично, молодой человек! Тогда мы поступим следующим образом. Раз ты, Грегор, собираешься везти маленькую баронессу в монастырь, а затем ехать в командорство своего ордена, то и я поеду с тобой. Попробую у командора Шарпантье выпросить хоть какое-то

подкрепление, чтобы послать отряд из замка Кайфы на выручку вашим товарищам в Тарбуроне. И, заодно, тебя представлю, как надежного человека.

Ты будешь мне докладывать о положении внутри ордена, а я постараюсь тебя продвигать, как собственную фигуру на шахматной доске. Пока ты, конечно, будешь пешкой, но, у тебя, как и у любой пешки, есть шансы повысить свой статус. Ты молод, но выглядишь достаточно опытным бойцом, а потому, продвижение в ордене будет зависеть от тебя самого. Шанс тебе предоставлен случаем, что свел нас на этом месте.

Поедешь с отрядом, проявишь себя в бою, кто-нибудь погибнет в сражении и, глядишь, тебя продвинут в командиры отряда, в капитаны. Я же знаком с Великим магистром и, конечно, смогу замолвить за своего человека словечко. Потом станешь кастеляном орденового замка, комтуром. Затем сделаешься главой обороны провинции, командором. Потом, глядишь, и маршалом станешь. Будешь командовать орденовым войском. Или даже получишь место сенешаля, помощника самого главного храмовника. А, если очень повезет, то и самим Великим магистром можешь стать. Ну, это, конечно, почти невероятно, потому что за старшие должности там идет серьезная внутренняя грызня, как и везде. Но, вот так, постепенно продвигаясь, ты узнаешь много чего интересного о том, что творится внутри ордена и мне расскажешь. Да и сам этими сведениями сможешь пользоваться.

— А как же с оружием, о котором мы говорили? — всполошился Родимцев, подумав, что граф совсем захмелел и забыл о столь важном проекте. Но, Ибелин успокоил его:

— Если я правильно понимаю, ты сам не сын кузнеца, а сын рыцаря. Значит, самостоятельно ты то оружие не сделаешь. Тебе нужны будут помощники, которым сможешь давать указания. Я поищу хороших мастеров по металлу.

— Я, когда перекресток возле Акры проезжал, то рядом с рынком видел неплохую кузницу. Во всяком случае, там сумели сделать достаточно прочный цельный шлем, который был на мне в бою. Значит, небольшую пушку тоже смастерить смогут. Кажется, Пелье кузнеца зовут. Он показался мне надежным человеком, — ввернул Гриша.

— Хорошо, пусть будет пока этот Пелье, — кивнул граф. И сразу спросил:

— Что еще понадобится для изготовления образца?

— Хорошо бы найти какого-нибудь аптекаря, который сумеет изготавливать по моему рецепту порох. Только это должен быть человек абсолютно надежный, который не перебежит с нашими секретами к врагам, — сказал Гриша.

— Хм, это задача потруднее, но постараюсь найти кого-нибудь, — пробормотал граф.

Когда они все решили, солнце уже клонилось к вечеру, и Ибелин приказал немедленно выдвигаться. Большую часть отряда он пока оставлял у дона Карлоса, а сам собирался со свитой из ближайших рыцарей сопроводить Грегора в командорство и попросить там помощь. А рано утром граф надеялся вместе с тамплиерским подкреплением выступить в поход против шейха Халеда, чтобы снять осаду с Тарбурана.

Мансур ждал на конюшне, возле лошадей, которых он вычистил и накормил. Григорий простился с гостеприимным доном Карлосом и взгромоздился на своего боевого коня Антония, а Адельгейду посадили на пегую лошадку. При всех брать девочку к себе на седло Гриша постеснялся. Мало ли, что могут подумать испанцы, которые слыли весьма щепетильными моралистами. Монах Иннокентий пожелал пока остаться в маноре с ранеными, которые нуждались в его заботе. Жан Ибелин и его приближенные рыцари тоже расселись по коням. И маленький отряд, миновав сарацинские палатки, в которых после сражения под охраной сидели пленные сарацины, выехал на дорогу в сторону горы Кармель.

Покачиваясь в седле, Родимцев рассуждал о том, что война — это дело очень простое, для нее нужны лишь три вещи: оружие, деньги и солдаты. Если с двумя первыми пунктами после разговора с графом что-то вырисовывалось, то с бойцами пока ничего не прояснилось. Кто пойдет в мушкетеры и пушкари? И как их обучить, даже если желающие и найдутся? Местные, которых найдет граф, конечно, вряд ли будут такие же избалованные, как вчерашние десятиклассники, но, с другой стороны, уровень их знаний будет ниже плинтуса, потому что в этом средневековье грамотных людей совсем немного. И ему еще очень повезло, что один из таких людей, граф Ибелин, поверил ему и даже взялся оказывать покровительство. Конечно, в обмен на услугу. Ну, а что он хотел? Родимцев знал, что бесплатный сыр находится, обычно, в самой глубине мышеловки. Халявщиком он никогда и не был.

Пока они ехали, Григорий вспоминал, что знал о тамплиерах, потому что вскоре ему предстояло встретиться даже не с каким-нибудь капитаном, командиром небольшого отряда, вроде Рене Дюрфора, а с самым настоящим командором. И никто там не должен был засомневаться в нем, иначе под угрозой может оказаться не только карьера и репутация, но и жизнь. Например, отступить с поля битвы храмовники имели право только тогда, когда могли наблюдать свое черно-белое знамя «Боссеан» упавшим. По заветам Гуго де Пейна с врагами братья-рыцари обязаны были биться даже при трехкратном численном преимуществе в пользу неприятеля. А с единоверцами разрешалось биться только тогда, когда словесные увещания трижды не помогли.

Среди храмовников имелись самые разные бойцы, а не только набожные рыцари. Как помнил Григорий, даже сам Бернар Клервосский, аббат монахов-цистерцианцев, который и помог Гуго де Пейну составить и утвердить устав ордена, писал, что «среди них есть злодеи, безбожники, клятвопреступники, убийцы, разбойники, грабители, развратники, и в этом вижу я двойную выгоду: благодаря отъезду сих людей страна будет от них избавлена, Восток же возрадуется их прибытию». В «Латинском» уставе аббат писал и о том, что «солдаты Христа ни в малейшей степени не боятся ни того, что совершают грех, убивая врагов, ни опасности, угрожающей их собственной жизни. Ведь убить кого-либо ради Христа или желать принять смерть ради Него не только совершенно свободно от греха, но и весьма похвально и достойно». Или еще: «убить врага во имя Христа значит вернуть его ко Христу». Получалось, что этот аббат основатель ордена «Бедных рыцарей Христа и Храма Соломона», а также его первый Великий магистр Гуго де Пейн считали, что ради торжества добра нужно уметь убивать.

Основатель ордена преуспел, будучи отменным бойцом. Иначе как всего девять рыцарей, которых де Пейн собрал поначалу, смогли бы обеспечить защиту паломников от отрядов сарацин, если бы не были выдающимися бойцами? Суровые были ребята. Несколько лет они бесплатно провожали паломников от порта Яффы к Иерусалиму, пока их не заметил король Иерусалима Балдуин II, который выделил в распоряжение ордена большое здание мечети на Храмовой горе Иерусалима, стоящее на том самом месте, где когда-то располагался храм царя Соломона. С тех пор до того момента, в котором нечаянно очутился Родимцев, прошло уже полтора столетия. И рыцари уже совсем не были столь бедными, как те первые последователи Гуго де Пейна, которым иногда даже приходилось ездить вдвоем на одной лошади и кушать всем вместе из одного котелка.

Теперь, насколько помнил Григорий, братьям-рыцарям разрешалось иметь до трех лошадей и одного оруженосца, а также собственную амуницию, одежду, вооружение и

постельные принадлежности, включая даже подушку. Полагалась и собственная палатка. Совсем неплохо обеспечивались бойцы. Только вот с женщинами запрещалось общаться, да владение деньгами не приветствовалось. Но, поскольку ни одна из местных женщин Родимцеву пока не приглянулась, то и поводов расстраиваться у него не имелось. Что же касается денег, то всегда можно выкрутиться, что они достались в качестве трофея и нужны для раздачи милостыни беднякам или для пожертвований на храм.

Орден за полтора века превратился в мощнейшую военно-политическую организацию Святой земли. Его руководство проводило собственную политику и имело свои политические и стратегические цели. Насколько помнил Родимцев из того, что читал, власть Великого магистра ограничивал Капитул, который являлся главным совещательным органом, вроде совета старейшин, на котором даже сам руководитель ордена имел лишь один совещательный голос и статус первого среди равных. Там, на Капитуле и решались главные вопросы. Наверняка, как политические и военные, так и финансовые, и даже духовные.

Орден представлял собой государство в государстве. Формально он подчинялся понтифику. Но, тот находился за морем, в Риме. А потому, фактически, орден не подчинялся никому. А его внутренние обряды и духовные доктрины отличались от церковных. И многие проявляли интерес к служению в нем. В орден вступали не только авантюристы или неоднозначные личности, ищущие отпущение грехов, но и младшие дети из древних благородных фамилий. И, граф был прав, что в ордене можно было сделать неплохую карьеру, которая совсем не выглядела скучной, потому что устав уставом, а жизнь жизнью. И было совершенно понятно, что молодые мужчины, вступающие в орден, заводили себе на стороне и любовниц и тайных жен. Но, наверняка, были и такие, кто предавался однополю любви внутри ордена. «Там, где гайки закручены слишком сильно, часто срывает резьбу», — подумал Родимцев, ведь в этот загадочный вертеп ему вскоре предстояло окунуться с головой.

Бертран де Луарк на этот раз не смог поехать вместе с Григорием. На пиру он сильно перебрал и довел себя просто до скотского состояния. После огромного количества выпитого вина он не мог не только забраться в седло, но даже и просто нормально ходить, потому что его заносило. В конце концов, рыцарь с берегов Луары заснул в саду, устроившись под одним из деревьев. Что же поделаться, если этот человек расслаблялся подобным образом?

Бертран очень помог в бою, оказавшись превосходным бойцом. И осуждать его Григорий никак не мог. Ведь не один этот рыцарь такой пьющий. Даже граф Ибелин немало пил, но, в отличие от Бертрана, знал меру. И выпитое не мешало графу уверенно держаться в седле и здраво соображать. А Бертран меры не знал, а потому пил до помутнения рассудка.

Сам же Григорий тоже выпил за обедом несколько небольших глиняных чарок с изысканным белым вином, имеющим приятный фруктовый оттенок вкуса. Такое вино в двадцать первом веке, наверняка, стоило бы очень дорого и считалось элитным. Но, пил Родимцев без фанатизма. Скорее, просто запивал обильную пищу, которой накормил их гостеприимный хозяин манора.

Бертран же пил почти без закуски. Пил этот француз много, а ел мало. Потому его и развезло на жару. Мансур же вина не пил вообще. А монаха Иннокентия к столу владетельные сеньоры даже не пригласили. Впрочем, он и не навязывался, продолжая помогать раненым, пока вся знать пиновала.

Вскоре их небольшой отряд выехал на дорогу, ведущую к Кайфе, которая, как знал Родимцев, будет через много веков называться Хайфой. Григорий никогда не бывал в этих краях, но на фотографиях, сделанных его повзрослевшей дочкой Леночкой в туристической поездке, рассматривал все достопримечательности Святой земли. Сейчас он жалел, что, выйдя в отставку, сам не съездил в эти места. Тогда ему было бы, наверняка, гораздо проще ориентироваться на местности. Впрочем, на фото и видео он видел и Хайфу, и Иерусалим, и Яффо, и Акко и даже Эйлат.

Но, в Хайфе на этом самом месте в двадцать первом веке Родимцев помнил совсем другой пейзаж портового города. А сейчас никакого города еще видно не было. Вместо него вдоль берега бухты распростерлось селение рыбаков с домиками из глины, покрытыми соломой и пальмовыми листьями. Зачатки порта представляли собой причал для углых шаланд, оснащенных одним страшеньким потрепанным серым парусом на единственной кривой мачте. Лодки поменьше рыбаки и просто вытаскивали на песок пляжа. А вместо красивого бахайского сада на склоне горы Кармель расположился большой мрачный замок из серого камня с двумя рядами стен и с шестью мощными башнями. Кроме них, имелась высокая башня донжона посередине, наверное, на том самом месте, где потом построили бахайский мавзолей, и две небольших башенки барбакана внизу возле дороги. Замок тамплиеров Кайфас, как назвал эту крепость граф, нависал над дорогой, проходящей между древней рыбаков и нижним ярусом замковой стены.

Единственное, что находилось на своем месте, так это монастырь кармелитов, располагавшийся в пещерах высоко на горе. Отшельники селились сначала в пещере Ильи-пророка, но потом облюбовали и все соседние. Для защиты монахов перед пещерами крестоносцы построили стену с воротами и башней над ними. Так что монастырь получился

достаточно укрепленный. Там же торчала и довольно большая церковь.

И, первым делом, путь Григория лежал туда, наверх. Он должен был отдать в монастырь Адельгейду. Но, чем ближе они приближались к цели своего путешествия, тем более понурый вид становился у девочки. Она, похоже, в монастырь не очень-то и хотела. Особенно после того, как ее радушно встретил дон Карлос, предоставив отдельные покои и даже служанок. Да и сам граф Ибелин с ней вел себя весьма учтиво, как с настоящей взрослой баронессой, ничем не напомнив, что она теперь всего лишь жалкая нищая сирота.

Вблизи замка местность казалась безопасной. Впервые за всю поездку возле дороги начали попадаться укрепленные посты с башенками, на которых под развевающимися на легком морском ветерке черно-белыми флагами тамплиеров стояли арбалетчики. Флаги, те самые «Боссеан», представляли собой вымпельные гонфалоны с красным лапчатым крестом на белом поле вверху и с черным полем равного размера внизу.

Граф со своими рыцарями сразу направился к главным воротам замка, а Григорий с Мансуром и Адельгейдой еще долго карабкались по крутой тропинке, проложенной вдоль замковой стены и ведущей наверх, к монастырю. Им пришлось спешиться, потому что верхом подобный подъем преодолеть не удавалось. Когда они уже поднялись по склону выше замка, тропинка сделалась настолько крутой, что вскоре пришлось оставить Мансура присматривать за лошадьми. Григорий и Адельгейда продолжили подъем только вдвоем. Причем, девочку приходилось буквально тащить наверх за руку.

— Я не хотеть монастырь, — неожиданно произнесла Адельгейда, когда они уже достигли каменистой площадки перед монастырскими воротами.

— Как же так? Мы же уже такой большой путь проделали, — удивился Григорий.

— Я не хотеть монастырь, — повторила девочка и заплакала.

Родимцеву стало ее очень жалко, словно бы она была его маленькой дочуркой. Он обнял сироту и прижал к сердцу, приговаривая:

— Не бойся, малышка, там о тебе позаботятся добрые сестры. А вокруг очень опасно. Ты же видишь, какая ужасная война идет во всем Леванте. И это одно из мест, где пока спокойно. В монастыре ты будешь в безопасности.

Кое-как Адельгейду удалось утешить. Она перестала плакать. И они подошли к башне с воротами. Родимцев постучался в небольшую деревянную дверь калитки, сделанной в одной из створок больших монастырских ворот, окованных железом. Дверь была заперта, и им пришлось ждать довольно долго, пока открылось маленькое зарешеченное окошечко в калитке, и оттуда показалось лицо привратника.

Он окинул прибывших взглядом серых глаз из-под седых бровей и довольно грубо спросил:

— Чего надо, храмовник?

— Я сироту в монастырь привел, — сказал Григорий. Потом добавил:

— У меня есть письмо к приору от нашего командира.

— Ну, тогда другое дело. Подожди, храмовник. Сейчас открою, — пробасил служивый.

Родимцев услышал, как лязгнул внутри железный засов, и дверь калитки, сделанная из толстых досок, оббитых железом, приоткрылась, впуская его и девочку внутрь. Сразу за калиткой оказалась просторная арка. И седой монах-привратник через нее провел их в монастырский двор, который дальней стороной примыкал к тем самым скалам с пещерами, внутри которых и жили монахи.

Помимо монахов-отшельников, которые соблюдали обет молчания и ни с кем не

разговаривали, сидя по своим пещерным кельям, имелось и здание женского монастыря, пристроенное одной стороной к священной скале. Был и дом приора, стоящий отдельно с другой стороны двора. А между домом приора и высокой стеной ограды возвышалась церковь.

Привратник взял письмо и пошел докладывать, оставив их одних перед домом приора.

— Ты ко мне приезжать? Меня навещать? — спросила Адельгейда.

— Ну, постараюсь, — уклончиво ответил Григорий.

— Обещать, — сказала юная немка, снова собираясь расплакаться.

— Буду заезжать, — кивнул Родимцев, чтобы не расстраивать ребенка.

К тому моменту, когда аббат вышел к ним, маленькая баронесса, все же, взяла себя в руки и не разревелась.

Пожилой священник сказал:

— О девочке здесь позаботятся. Я уже послал за сестрами. Они дали обет не общаться с мужчинами, кроме монахов, а потому вы, молодой человек, можете ехать.

Гриша уже развернулся, чтобы уходить, когда, совершенно неожиданно, Адельгейда бросилась к нему на шею и поцеловала. После чего произнесла:

— Я люблю тебя, Грегор. Ты меня спасать.

Родимцев не знал, что и сказать. Он просто легонько отстранил от себя девочку, улыбнулся ей, помахал рукой, развернулся и, не оборачиваясь, быстро пошел к выходу. Конечно, Григорий за время пути тоже привязался к ней, но был рад, что все же доставил сироту в монастырь, преодолев все опасности. Он не сомневался, что здесь Адельгейде будет совсем неплохо. Во всяком случае, намного лучше, чем сидеть в вонючей дыре под мельницей среди крыс и трупов. Потому, когда Гриша захлопнул за собой калитку монастыря, то почувствовал моральное облегчение. Все же ответственность за девочку давила на него все это время тяжелым грузом.

Спускаясь по крутой тропинке к лошадям, Григорий думал, что, если он сможет изменить ситуацию в христианском Леванте и защитить страну с помощью изготовления огнестрельного оружия, то и будущее Адельгейды будет мирным и спокойным. Родимцев знал, что времени для начала прогрессорства и кардинальных изменений у него имелось совсем немного. Но, года полтора, пока Бейбарс разберется со своими делами, поквитается с врагами и укрепит завоеванный замок Сафед, а также другие крепости, отобранные у христиан, пока в запасе есть.

Прямо сейчас все зависело оттого, насколько серьезно воспринял его слова граф Ибелин. И если христиане пока откажутся от удара на Тверию-Тивериаду, как от военной авантюры, а вместо этого сосредоточатся на укреплении новых границ королевства, пусть и уменьшившихся, и вычистят мародерские отряды разного рода на всех внутренних территориях, установив посты на перекрестках и патрулируя дороги, то толк будет. Мирная жизнь населения наладится. А если еще удастся достигнуть внутреннего примирения между партиями гвельфов и гибеллинов, между Ибелином и Монфором, то и дела государства крестonosцев еще могут поправиться. Если все пойдет хорошо, то, когда армия Бейбарса нагрянет снова, ее уже вполне могут встретить пушки и мушкетеры.

Такие планы строил Родимцев. Но, он понимал, сколько трудностей его поджидает на этом нелегком пути прогрессора. Придется преодолевать много чего, начиная от разрухи и кончая интригами враждующих партий. Был еще и фактор его собственного орденского руководства. Как к нему будут относиться внутри ордена Храма серьезные люди, от которых

зависят важные решения? Этого он не знал.

Не решил Григорий и того, стоит ли распараллелить создание огнестрельного оружия не только светскими властями в лице Жана Ибелина, но и самими тамплиерами? Может быть, тамплиеры смогут организовать создание нового вооружения быстрее и лучше? В конце концов, у них есть и свои кузнечные производства, и люди, и деньги. Но, вот только с дисциплиной у них, в последнее время, плоховато, особенно у наемников ордена. По этой причине уже несколько замков, в том числе и мощный Сафед, пали жертвами предательства, когда сержанты не просто дружно сбежали, но и открыли ворота врагам. Потому, прежде чем доверять собратьям по ордену такие важные секреты, как изготовление пороха, следовало, разумеется, прощупать обстановку в ордене изнутри. А еще лучше было бы заручиться поддержкой кого-нибудь влиятельного внутри самой орденовской структуры. На это надеялся Родимцев, спускаясь по тропинке с горы Кармель вдоль замковых стен.

Замок тамплиеров Кайфас надежно охранялся. Он раскинулся на территории гораздо большей, чем замок Тарбурон. Два кольца довольно высоких стен опоясывали крепость ступенчатыми ярусами. Донжон представлял собой отдельное укрепление, образуя мощную цитадель. На нижней стене стояли четыре не слишком высокие башни, а на верхней — две повыше. В основном, подход к стенам защищала лишь крутизна горы Кармель. Самое слабое место обороны находилось на тыльной стороне, выше по склону. Но, там был выдолблен в горе ров. Снизу, между барбаканом и воротами, тоже имелся ров, оборудованный подъемным мостом.

Возле укрепления барбакана находился караул. Несмотря на то, что символика ордена на экипировке Григория присутствовала, перед барбаканом его остановили сержанты и расспросили, откуда и зачем он едет в замок Кайфас. Наконец-то их с Мансуром пропустили внутрь, и они проехали под острыми зубьями подъемной решетки, нависающей над головой любого, входящего в замок. Ход внутри башни ворот оказался довольно узким и длинным. А за бойницами, сделанными в верхней части арки, скрывались арбалетчики.

Между внешней и внутренней стеной не имелось ни единого кустика. Всю растительность специально уничтожали, чтобы тем врагам, которые смогли бы преодолеть внешнюю стену, спрятаться было некуда. Причем, нижний ярус стены был гораздо ниже верхнего. Таким образом, даже если враги захватят внешнюю стену, то не получат преимущества над внутренним укреплением.

Внутри крепости находились казармы прислуги и сержантов, конюшни, оружейные, кухня и кузница. Здесь же была выстроена и церковь. Но, Родимцев знал, что основные припасы в таких замках хранились в подвалах под цитаделью. Это была крепость в крепости. Там, внутри кольца толстых и высоких стен, отделенных еще одним рвом от остальной территории замка, и располагалось сердце командорства.

Через подъемный мост, ведущий в цитадель, пропускали только своих. Оставив Мансура с лошадьми снаружи цитадели, Григорий показал сержантам, стерегущим подход к мосту, письмо от Рене Дюрфора к командору и прошел через мост в цитадель. Братья рыцари жили внутри цитадели в отдельной казарме. Рядом имелась и отдельная рыцарская часовня. А покои самого командора находились в высокой башне донжона. Помимо командира провинции, в донжоне квартировал и кастелян.

Родимцев заметил рыцарей, приехавших с графом Ибелином возле церкви снаружи цитадели. И Григорий совсем не был уверен, переговорил ли уже граф с командором, или еще нет. Наступал вечер, пока он сам добрался до замка, солнце уже окунулось нижним

краем в море. И командор вполне мог находиться на вечерней молитве. Но, граф и командор, как оказалось, прогуливались в маленьком садике, разбитом во дворе цитадели. Командор Луи Шарпантье оказался весьма грузным пожилым человеком с большой седой бородой.

— Брат Грегор, идите к нам, — позвал граф, едва завидя Григория.

Родимцев помнил, что устав ордена был весьма строгим. Не только светские праздники, развлечения и подарки, но и шутки и анекдоты в этом закрытом коллективе запрещались. Приветствовались суровость и религиозное рвение. Игры на деньги запрещались. А просто на интерес почему-то нельзя было играть в шахматы, но разрешалось играть в кости. Читать, вроде бы, не возбранялось. Но, только религиозные тексты. Поощрялось произнесение молитв вслух. Запрещалось даже вооружаться без команды. Внутри обители тамплиеры в обычное время, когда не была объявлена война, не имели права носить оружие. Запрещалось самому чистить лошадь. Нельзя было покидать территорию командорства без приказа. Находясь в походе, заходить к кому-нибудь в гости или где-либо обедать, кроме опорных пунктов ордена, тоже было нельзя. Даже Устав собственного ордена простым братьям-рыцарям не позволялось хранить. Зато «стучать» друг на друга «ради блага» вполне приветствовалось. Все это Родимцев читал, но он не помнил той простой вещи, которую следовало сделать прямо сейчас. Гриша не знал, как там надо было по уставу рядовому брату-рыцарю приветствовать старшего по званию. А потому, памятуя, что орденская организация очень религиозная, Гриша, на всякий случай, опустился перед стариком на колени и протянул ему письмо от Рене Дюрфора.

— Встаньте, любезный мессир, мы не на капитуле, — произнес Шарпантье, прочитав пергамент. Потом добавил:

— Благодетельный граф уже рассказал мне о тяжелом положении с нашим отрядом, осажденным в замке Тарбурон. Я объяснил сиру Ибелину, что послать на выручку нам особенно и некого. Бойцы есть, но все они пожилые и распределены по постам для охраны крепости и дороги. В конце концов, мы договорились, что обитель отправит отряд из десяти рыцарей. И граф рекомендовал назначить командиром этого отряда вас, сын мой, как бойца, зарекомендовавшего себя с самой лучшей стороны. Я поддержал решение графа. Людей, достойных командовать отрядами, в обители, увы, почти не осталось. Потому идите, мессир, получите у кастеляна новые орденские сюрко и плащ, а то ваши уже потеряли вид. Всю ночь молитесь за успех похода, а завтра с рассветом отправитесь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net